

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
имени Д.С.Лихачева

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Теоретическая культурология
Историческая культурология
Прикладная культурология
Гуманитарные исследования
Рецензии и экспертизы
Научная жизнь

2024/2

JOURNAL
OF CULTURAL RESEARCH

ISSN 2222-2480

Адрес номера на сайте журнала: http://cr-journal.ru/rus/journals/&j_id=60

Сетевое научное рецензируемое издание. Основано в 2010 г.
Выходит 4 раза в год только в электронном виде.

Сайт журнала:

<http://cr-journal.ru>

Учредитель / Издатель:

2010-2014 - Российский институт культурологии
с 2014 - Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва
(Институт Наследия)

Государственная регистрация:

Эл. № ФС 77-59205 от 3 сентября 2014 г.

Входит в перечень научных журналов ВАК (19.12.2023 г.)

Редакционная коллегия:

Окороков Александр Васильевич, главный редактор – д.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Азошков Андрей Валерьевич – к.филос.н., журнал «Вопросы культурологии»
Бахревский Евгений Владиславович – к.филос.н., атташе Посольства РФ в Турецкой Республике (Анкара)
Беликов Владимир Иванович – д.филос.н., МГУ им. М.В.Ломоносова
Бондарь Виталий Вячеславович – к.и.н., ЮФ Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва (Краснодар)
Горбунова Татьяна Александровна – к.и.н., ОмГУ им. Ф.М.Достоевского (Омск)
Горлова Ирина Ивановна – д. филос.н., ЮФ Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва (Краснодар)
Гринько Иван Александрович – д.и.н., Мос. гор. пед. ун-т
Дерябина Елена Дмитриевна – к. культурол., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Житенёв Владислав Сергеевич – д.и.н., МГУ им. М.В.Ломоносова
Ильина Ирина Евгеньевна – д.э.н., Рос. НИИ экономики, политики и права в научно-технической сфере
Ипполитов Сергей Сергеевич – д.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Казакова Ольга Владимировна – к. искусствовед., НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства РААСН
Козлов Владимир Фотиевич – к.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Кокшенёва Капитолина Антоновна – д.филос.н., к. искусств., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Корниенко Наталья Васильевна – д.филос.н., ИМЛИ им. М.Горького РАН
Корусенко Михаил Андреевич – к.и.н., ИАЭ СО РАН (Омск)
Костина Анна Владимировна – д.филос.н., д. культурол., Мос. гум. ун-т
Ларионцев Михаил Михайлович – к. культурол., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Лубков Алексей Владимирович – д.и.н., МГПУ
Макарова Анастасия Сергеевна – к. культурол., ГосНИИР
Маркова Оксана Николаевна – к. культурол., ЮФ Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва (Краснодар)
Медникова Мария Борисовна – д.и.н., ИА РАН
Назарова Наталья Владимовна – к.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Никлаус Анна Александровна – к.полит.н., Акад. МНЭПУ (Москва)
Ницевич Виктор Францевич – д.полит.н., Мос. гор. пед. ун-т
Пархоменко Татьяна Александровна – д.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Писарева Светлана Алексеевна – к. культурол., ГосНИИР
Поляков Тарас Пантелеймонович – к.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Путрик Юрий Степанович – д.и.н., к.геогр.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Пушкарёва Наталья Львовна – д.и.н., ИЭА РАН
Релина Лорина Петровна – д.и.н., РГГУ
Рыбак Кирилл Евгеньевич – д. культурол., асс.н.с. Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Спивак Дмитрий Леонидович – д.филос.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Филиппов Юрий Владимирович – д.пед.н., НГИИМЗ (Ниж. Новгород)
Флиер Андрей Яковлевич – д.филос.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Цветкова Галина Александровна – к. культурол., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Черняховская Юлия Сергеевна – д.полит.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Черняховский Сергей Феликсович – д.полит.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Шмидт Ирина Викторовна – к.и.н., ОмГУ им. Ф.М.Достоевского (Омск)
Юренева Тамара Юрьевна – д.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Юрьева Татьяна Владимировна – д. культурол., ЯрГПУ им. К.Д.Ушинского (Ярославль)

Адрес редакции:

Россия 129366, Москва, ул. Космонавтов, д. 2
Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва,
Редакционно-издательский отдел
Электронная почта: journals@heritage-institute.ru

© Институт Наследия, 2024

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

При полном или частичном использовании материалов ссылка на cr-journal.ru обязательна.

Содержание

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА

Шашкин П.А., Рудаков А.Б.

Ключевые признаки деструктивной идеологии и степень ее общественной опасности: правовые аспекты применения в государственной политике защиты традиционных российских ценностей 4

Марзоева А.В.

Совершенствование культурной политики России в условиях глобализации. Часть 1 10

НАУКИ О КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
VIII Ежегодная научно-практическая конференция молодых учёных и аспирантов
Москва, 23–24 января 2024 г.

ДОКЛАДЫ

Орлов С.Н.

Культурологический анализ концепта «цифровой след» 17

Чаленко Т.Т., Пиунова П.Р.

Об опыте использования экспериментального фонда при отработке методик реставрации станковой темперной живописи 23

Гарафутдинов Д.В.

Советские театральные фестивали как предтеча Международного театрального фестиваля им. А.П.Чехова 27

Натхо А.Ю.

Отношение к ценностям традиционной культуры адыгской молодежи 32

Тюрина Е.В.

Объекты культурного и природного наследия в восприятии обучающейся молодежи 40

Таловин К.Д.

«Практическое применение методов превентивной консервации для сохранения археологических находок с уникального средневекового памятника племени мурома» 56

Коренной А.С.

Культурные и креативные индустрии: общее и особенное 64

Краснова И.В.

Выявление информационного потенциала местных харьковских богородичных икон 70

Снеговская Е.А.

Музейные коллекции с военно-исторической тематикой в новых субъектах Российской Федерации (Запорожская область) 78

Конькова Е.Ю.

Эстетические мотивы философии Жюль Делеза как основа теоретического инструментария искусствоведческого исследования авангардного искусства XX века 84

**КЛЮЧЕВЫЕ ПРИЗНАКИ ДЕСТРУКТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ
И СТЕПЕНЬ ЕЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ:
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ
ЗАЩИТЫ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ЦЕННОСТЕЙ**

Шашкин Павел Александрович

кандидат философских наук,
старший научный сотрудник отдела культурологии
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д.С. Лихачёва (Москва)
Email: paulshashkin@list.ru

Рудаков Александр Борисович

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела культурологии
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д.С. Лихачёва (Москва)
Email: labarum-ar@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются смысловое содержание и правовая дефиниция понятия «деструктивная идеология» в сопоставлении с иными понятиями разрушительных для российской государственности и общества систем идей и ценностей (идеология насилия, экстремистская идеология, терроризм). Согласно выводам авторов, ключевыми определяющими признаками деструктивной идеологии являются организованный и целенаправленный характер ее распространения, имеющий четкое целеполагание – разрушение культурного суверенитета Российской Федерации, исторически сложившейся на протяжении веков национальной и культурной идентичности граждан, а также формирование объективных угроз национальным интересам России в результате такой деятельности. Пропаганда деструктивной идеологии по степени своей общественной опасности занимает промежуточное положение между пропагандой экстремизма и пропагандой антиобщественного поведения.

Ключевые слова: традиционные российские ценности, деструктивная идеология, культурный суверенитет, национальная безопасность, культурная политика, самобытность российской нации, общероссийская гражданская идентичность, культурная преемственность.

После утверждения в 2022 году Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [1] (в дальнейшем – Основы) предметом дискуссий стал вопрос о нормативной интерпретации содержащегося в данном документе стратегического планирования термина «деструктивная идеология».

Согласно определению, приведенному в пункте 14 Основ [1], деструктивная идеология – это чуждая российскому народу и разрушительная для российского общества система идей и ценностей, включающая в себя культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, отрицание идеи созидательного труда, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений, отрицание позитивного вклада России в мировую историю и культуру.

Напомним, что в соответствии с определением Большой российской энциклопедии [2] идеология – это теоретически оформленная система идей и представлений, выражающая суть социальных интересов определённых классов, слоев, групп или общества в целом.

Представляется целесообразным выявить место деструктивной идеологии среди других систем идей и представлений, несущих в себе очевидную опасность для общества.

В российском законодательстве идеология насилия определяется как совокупность взглядов и идей, оправдывающих применение насилия для достижения политических, идеологических, религиозных и иных целей [3]. Экстремистская идеология [4] определена как совокупность взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения политических, расовых, национальных, религиозных и социальных конфликтов.

Еще более опасной для государства и общества формой является терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [5].

В соответствии с имеющимся в законодательстве определением [6], антиобщественное поведение – это не влекущие за собой административную или уголовную ответственность действия физического лица, нарушающие общепринятые нормы поведения и морали, права и законные интересы других лиц. При этом, хотя само по себе антиобщественное поведение не влечет за собой административной или уголовной ответственности, неоднократное вовлечение несовершеннолетнего в подобную деятельность со стороны взрослого гражданина является противоправным и уголовно наказуемым деянием, санкция за которое предусмотрена статьей 151 УК РФ.

Практически сразу же после принятия Основ стали обсуждаться предложения о введении уголовной и административной ответственности за пропаганду деструктивной идеологии. В частности, по словам общественного деятеля, эксперта Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства Инги Юмашевой, Комиссия предложила [7] внести понятие «деструктивная идеология» в Уголовный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях, а также предусмотреть наказание за ее распространение. В Государственную Думу неоднократно вносился [8] законопроект о запрете пропаганды идеологии чайлдфри среди несовершеннолетних. Со своей стороны, депутат Госдумы Виталий Милонов предложил [9] признать движение чайлдфри экстремистским.

Необходимо отметить, что непосредственно после принятия Основ российским законодателем были предприняты меры, направленные на противодействие распространению деструктивной идеологии. В частности, нормы действующего законодательства дополнены положениями, устанавливающими запрет на распространение на территории России информации, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения, педофилию, смену пола. В целях обеспечения соблюдения установленного запрета и привлечения к ответственности нарушителей Федеральным законом от 5 декабря 2022 г. № 479-ФЗ [10] внесены изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Данные изменения были ожидаемы и логичны, поскольку пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений прямо упомянута в тексте Основ как одно из проявлений деструктивной идеологии.

Вместе с тем, в отношении других проявлений деструктивной идеологии законодатель преимущественно использовал термин «отрицание», фиксируя внимание на нигилистическом отношении к ценностям созидательного труда, естественного продолжения жизни, крепкой семьи, брака, многодетности, позитивного вклада России в мировую историю и культуру.

В настоящее время в российском законодательстве не существует уголовной или административной ответственности за отрицание тех или иных ценностей. Необходимо отметить, что установление подобной ответственности принципиально невозможно с конституционно-правовой точки зрения и противоречило бы положениям статьи 29 Конституции Российской Федерации, согласно которой, право на свободу мысли и слова предполагает право индивида беспрепятственно формировать свои убеждения и мнения.

Единственным исключением из этого правила является статья 354.1 УК РФ, которой предусмотрена ответственность за реабилитацию нацизма и уголовное наказание за отрицание фактов,

установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. Однако в данном случае речь идет о защите положений конкретного судебного решения, положенного в основу не только национальной, но и международно-правовой системы противодействия возрождению нацизма, что делает статью 354.1 уникальным прецедентом в российском праве.

В этом контексте представляется важным подчеркнуть, что озвучиваемые время от времени предложения о криминализации как такового отрицания значимости тех или иных отдельно взятых традиционных российских духовно-нравственных ценностей (например, «нападки на семью», «нападки на созидательный труд») в форме публичных высказываний, постов в социальных сетях и т.д. выглядят недостаточно обоснованными.

Кроме того, необходимо учитывать, что не только так называемые «инновационные ценности», возникшие в результате ценностного кризиса в странах западного блока, но и некоторые вполне традиционные, с исторической точки зрения, ценности других государств также могут быть несовместимы с российскими ценностями, противоречить принятым в нашем обществе аксиологическим представлениям. Примером подобной коллизии может служить ситуация, сложившаяся после выхода Боливии из Единой конвенции ООН о наркотических средствах 1961 года и представления нового акта о присоединении к Конвенции с оговоркой о том, что на территории Боливии будет признано законным жевание листа коки и культивирование кокаинового куста с этой целью. Такая позиция вызвала возражение многих стран, и в том числе Российской Федерации, поскольку принятие подобной оговорки может повлечь негативные последствия в виде увеличения объемов незаконного оборота кокаина [11].

Другие примеры подобного рода могут быть связаны с традиционными семейными ценностями, отношением к моногамному и полигамному браку в различных государствах. К примеру, полигамия является признанной формой брака в сорока семи азиатских и африканских государствах, большинство из которых также, как и Боливия, являются дружественными странами и не стремятся к подрыву культурного суверенитета России.

Необходимо отметить, что возникающие время от времени идеи переноса подобных представлений на российскую почву в результате культурного и информационного обмена, представляют определенную опасность для ценностного фундамента российского общества.

Вместе с тем, из этого вовсе не следует, что государства, в которых эти ценности носят официально признанный характер, являются проводниками деструктивной идеологии, и с этой точки зрения, представляют опасность для Российской Федерации. Напротив, речь идет о дружественных государствах, с которыми установлены конструктивные и партнерские взаимовыгодные отношения.

В соответствии с положениями Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [12] и Основ [1], ключевыми определяющими признаками деструктивной идеологии является организованный и целенаправленный характер ее распространения, имеющий четкое целеполагание – разрушение культурного суверенитета Российской Федерации, защита которого является, в частности, приоритетной целью государственной культурной политики [13] и задачей политики обеспечения национальной безопасности [12], исторически сложившейся на протяжении веков национальной и культурной идентичности граждан [12], а также формирование объективных угроз национальным интересам России в результате такой деятельности [1]. В свою очередь, в пункте 13 Основ [1] констатируется, что источниками угроз для традиционных ценностей является деятельность экстремистских и террористических организаций, отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций, действия Соединенных Штатов Америки и других недружественных иностранных государств, ряда транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций, а также деятельность некоторых организаций и лиц на территории России.

В данном случае важно обратить внимание на то, что физические лица занимают в этом перечне последнее место, что вполне логично ввиду масштаба направленных на разрушение культурного суверенитета Российской Федерации противоправных деяний, которые носят целенаправленный, организованный и последовательный характер.

Чтобы установить наличие подобного целеполагания, необходимо проанализировать весь спектр деятельности акторов, занятых распространением деструктивной идеологии. При этом необходимо иметь в виду, что деструктивное воздействие, как правило, направлено не на какую-либо отдельно взятую традиционную духовно-нравственную ценность, а на весь ценностный фундамент общества, как таковой, на весь спектр традиционных российских духовно-нравственных ценностей, на подрыв культурного суверенитета Российской Федерации [12]. При этом список ценностей, подвергающихся деструктивному воздействию, по смыслу текста Основ – документа стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности, не является закрытым и исчерпывающим. Очевидно, что по мере необходимости этот перечень в дальнейшем может быть скорректирован по причинам, связанным с необходимостью усиления государственной защиты ценностного фундамента российского общества. Данный перечень не представляет собой полный перечень традиционных российских ценностей, составляющих основу государственности, к которым относятся все конституционные ценности – блага, поименованные в тексте основного закона страны, а также выявленные при помощи конституционной интерпретации, и формирующие ценностное ядро конституционной идентичности [14], но содержит те из них, которые государство рассматривает как приоритетные с точки зрения их охраны от противоправных посягательств.

Соответственно, из подобной логики нормативной интерпретации вытекает, что ответственность за пропаганду деструктивной идеологии не может наступать в случае совершения каких-либо спонтанных, однократных действий, в том числе высказываний, заявлений со стороны физического лица, а также в ходе научной деятельности, проведения научной дискуссии или полемики, в рамках проведения научных работ и исследований.

Как представляется, в рамках подобной нормативной логики ответственность может наступать лишь при наличии доказанного факта осознанности и целенаправленности деяния, а также его длящегося, протяженного во времени характера и специфической формы, сопряженной с особой дерзостью, агрессивностью, очевидным вызовом общественным нормам и приличиям. Важным признаком также является наличие доктринальной оформленности тех или иных деструктивных взглядов физических и юридических лиц в систему идей и ценностей – идеологию, а также вовлеченность таких лиц в конкретное организованное сообщество, группу лиц, разделяющих такую идеологию и преследующих цель разрушения традиционных ценностей и подрыва культурного суверенитета Российского государства, что, как правило, связано с криминализацией сознания участников такого сообщества и последовательным культивированием вначале антиобщественного, а затем и радикального поведения участников, с вовлечением новых последователей в подрывную деятельность против ценностных основ государства и общества.

При этом необходимо учитывать, что наибольшую опасность деструктивная идеология представляет с точки зрения ее потенциальной радикализации и трансформации в экстремистскую идеологию. К примеру сообщества «Свидетелей ССР» изначально строились на идее отрицания необходимости исполнения гражданских обязанностей, например, уплаты налогов, а также необходимости уплаты коммунальных платежей. На протяжении определенного времени существование подобных сообществ рассматривалось как своего рода курьез, однако в 2020 году его представители встали на путь организации массовых беспорядков с целью воспрепятствования эпидемиологическим мерам [15].

Еще одним примером подобного рода является «Арестантское уголовное единство» [16], которые было признано экстремистским сообществом решением Верховного Суда России от 17 августа 2020 года. Идеология АУЕ, распространенная в детско-юношеской среде, изначально носила игровой характер, построенный на имитации криминальных «понятий», отрицании законности и идей созидательного труда, однако в дальнейшем трансформировалась в инструмент массового вовлечения молодежи в организованные преступные группировки.

В заключение отметим, что пропаганда деструктивной идеологии по степени своей общественной опасности занимает промежуточное положение между пропагандой экстремизма и пропагандой антиобщественного поведения. Если профилактика антиобщественного поведения призвана защитить общественную мораль, а борьба с экстремизмом – конституционный строй Российской Федерации, то противодействие распространению деструктивной идеологии призвано, в первую очередь, способствовать защите культурного суверенитета России, минимизации социально-психологической и культурной зависимости от разрушительных внешних влияний, сохранению общественного консенсуса

вокруг базовых традиционных ценностей – конституционных ценностей суверенного Российского государства.

Квалификация тех или иных идеологических воззрений как проявлений деструктивной идеологии могла бы стать действенной профилактической мерой, направленной на недопущение их дальнейшей радикализации и трансформации в сторону политического экстремизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – URL: <http://kremlin.ru/acts/news/69810> (дата обращения: 07.12.2023).

[2] Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/ideologija-afd834> (дата обращения: 07.12.2023)

[3] Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/?ysclid=lq3xu4jz9i782134962> (дата обращения: 07.12.2023).

[4] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18939> (дата обращения: 07.12.2023).

[5] Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 07.12.2023).

[6] Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40901> (дата обращения 07.12.2023).

[7] В РПЦ предложили внести понятие «деструктивная идеология» в УК и КоАП. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/16519093?ysclid=lp5fvjopk537491011> (дата обращения 07.12.2023).

[8] Законопроект о запрете пропаганды чайлдфри среди детей повторно внесен в Госдуму. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/02/27/19843417.shtml> (дата обращения 07.12.2023).

[9] Депутат Госдумы Милонов предложил признать идеологию чайлдфри экстремистской. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/02/28/19849405.shtml?ysclid=lp5fjqz2z55249641> (дата обращения 07.12.2023).

[10] Федеральный закон от 5 декабря 2022 г. № 479-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405773871/?ysclid=lq3yqx5nuf492120064> (дата обращения 07.12.2023).

[11] Президент Боливии хочет легализовать жевание коки по всему миру. – URL: <https://ria.ru/20170309/1489568063.html> (дата обращения 07.12.2023).

[12] Указ Президента РФ от 2 июля 2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 07.12.2023).

[13] Указ Президента Российской Федерации от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004> (дата обращения: 07.12.2023).

[14] Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020-2023 годов)» (подготовлена Секретариатом Конституционного Суда РФ) (одобрена решением Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2023 г.) – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407948149/> (дата обращения: 07.12.2023).

[15] Сторонники СССР нарушили самоизоляцию. Во Владикавказе вышли на митинг «против вранья о коронавирусе». – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4326772> (дата обращения: 05.12.2023).

[16] Верховный суд приравнял уголовные «понятия» к экстремизму. – URL: <https://rg.ru/2020/09/02/verhovnyj-sud-priravnial-ugolovnye-poniatiia-k-ekstremizmu.html?ysclid=lm6duadst5713722363> (дата обращения: 10.12.2023).

KEY FEATURES OF DESTRUCTIVE IDEOLOGY AND THE DEGREE OF ITS SOCIAL DANGER: LEGAL ASPECTS OF THE APPLICATION OF THE PROTECTION OF TRADITIONAL RUSSIAN VALUES IN STATE POLICY

Shashkin Pavel Alexandrovich

PhD in Philosophy, Senior Researcher,
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Rudakov Alexander Borisovich

PhD in History, Senior Researcher,
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Abstract. *The article examines the semantic content and legal definition of the concept “destructive ideology” in comparison with other concepts of systems of ideas and values destructive for Russian statehood and society (ideology of violence, extremist ideology, terrorism). According to the authors’ conclusions, the key defining features of a destructive ideology are the organized and purposeful nature of its spread, which has a clear goal setting - the destruction of the cultural sovereignty of the Russian Federation, the national and cultural identity of citizens that has historically developed over centuries, as well as the formation of objective threats to the national interests of Russia as a result of such activities. Propaganda of destructive ideology, in terms of the degree of its social danger, occupies an intermediate position between the propaganda of extremism and the propaganda of antisocial behavior.*

Key words: *traditional Russian values, destructive ideology, cultural sovereignty, national security, cultural policy, identity of the Russian nation, all-Russian civic identity, cultural continuity.*

© Шашкин П.А., Рудаков А.Б., текст, 2024
Статья поступила в редакцию 10.03.2024.
Публикуется в авторской редакции.

Ссылка на статью:

Шашкин, П. А., Рудаков, А. Б. Ключевые признаки деструктивной идеологии и степень ее общественной опасности: правовые аспекты применения в государственной политике защиты традиционных российских ценностей. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 2. – С. 4-9. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/648.html&j_id=60.

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.**

Часть 1

Марзоева Анжелика Владиславовна

аспирант Российского Государственного
Социального Университета (Москва)

Email: sk-rost@mail.ru

Аннотация. *Глобализация – это современный исторический процесс, оказывающий значительное влияние на культуру и идентичность независимых государств. В силу этого возникает необходимость выработки и реализации такой государственной культурной политики, которая гарантирует России сохранение её национальной идентичности и уникальности. Именно культура страны играют ключевую роль в международных отношениях, влияя напрямую или косвенно на мировую политику. В условиях глобализации государственная культурная политика России должна стать задающим вектором стратегического планирования долгосрочных целей влияния на процессы мирового развития. Целеполагание, исходящее из интересов российской цивилизации, обеспечит сохранение и укрепление суверенитета страны. Сложившееся понимание культуры трактует её как вторичный фактор социального развития. Необходимо поднять статус культурной политики до компонента политической сферы, превратив её в инструмент внешней политики, влияющий на улучшение имиджа страны в международном пространстве, а также на усиление влияния в мире в целях обеспечения собственной безопасности.*

В данной статье рассматриваются научные подходы к изучению процессов глобализации, с опорой на исследования по проблемам культурной политики для определения дальнейших ориентиров по совершенствованию государственной культурной политики России. Анализируются основные проблемы, стоящие перед государством и обществом, предлагаются пути их решения. Указывается на актуальность рассмотрения культурной политики в контексте политического процесса как управленческого воздействия России на основные сферы социокультурного пространства как внутри страны, так и в мировом масштабе.

Ключевые слова: *культурная политика, глобализация, национальная идентичность, столкновение цивилизаций, государственная политика.*

Введение. Глобализация представляет собой процесс, способствующий всеобщему сближению различных стран и регионов через социальную, политическую, экономическую и культурную интеграцию. Она связана с увеличением взаимозависимости и имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, глобализация включает в себя развитие мирового рынка, свободный поток товаров, услуг, капитала и информации, расширение международных коммуникаций и экономических возможностей, развитие технологий и инноваций. Вместе с этим создаются угрозы и вызовы для безопасности и суверенитета независимых государств вследствие неравного распределения благ, зависимости от транснациональных корпораций и потери культурного многообразия.

Россия, как и другие страны, не имеет выбора, «входить» или «не входить» в глобализацию. Важно понимать, что это может происходить или сознательно, с учётом собственных интересов, или под воздействием внешних сил и обстоятельств. Условия глобализации диктуют потребность в новой форме идентичности российского общества, в котором индивиды будут как понимать, так и испытывать потребность в защите и развитии национальных интересов. Решение данной задачи возможно при выработке и реализации государственной культурной политики, которая, во-первых, гарантирует России сохранение уникальности и культурной идентичности. Во-вторых, задаст вектор стратегического планирования долгосрочных целей влияния на процессы мирового развития. Такое

целеполагание обеспечит сохранение и укрепление суверенитета страны. Понимание культуры как вторичного фактора социального развития необходимо вытеснить и поднять статус культурной политики до компонента политической сферы, превратив в инструмент внешней политики, влияющий на улучшение имиджа страны в международном пространстве, а также на усиление влияния в мире в целях обеспечения собственной безопасности. Именно культура страны играют ключевую роль в международных отношениях, влияя напрямую или косвенно на мировую политику.

Актуальность. Актуальность исследования обусловлена растущей сложностью политических процессов в международном пространстве, а также в возникшей угрозе исчезновения Российской Федерации с геополитической карты мира. Помимо методологической составляющей исследования, не менее важна политическая, так как она раскрывает реальный потенциал субъектов и акторов и как следствие, возможности совершенствования государственной культурной политики в условиях глобализации. Необходимо осмыслить, проанализировать и описать культурную политику как политический процесс по осуществлению управленческого воздействия государства как внутри страны, так и на внешнеполитическом контуре. Новые подходы к анализу культурной политики помогут объективно оценить как существующее состояние, так и причины, тормозящие её развитие. Это даст возможность определить дальнейшие ориентиры и новые модели культурной политики в современной России.

Материалы и методы исследования. Анализ практических и теоретических положений, синтез мнений, обзор литературы, общие и частные методы познания.

Результаты исследования. Автор исследования утверждает, что для выработки нового содержания государственной культурной политики России в целях её совершенствования необходимо определить, что мы понимаем под глобализацией. Теоретическое осмысление роли человека в формировании и развитии глобального мира, а также процессов, последствий и общественных отношений началось в XX в. В 1980-х гг. российский философ А.А.Зиновьев определил глобализацию «как грандиозный процесс, который охватил всё человечество. В нём на карту поставлена именно судьба человечества как целого, вся его последующая социальная эволюция. Естественно, стремление осмыслить его уже породило и будет порождать впредь во всё возрастающих масштабах множество разнообразных суждений и оценок. В него вовлечены огромные массы людей, причем одни – в качестве выгадывающих, другие – в качестве теряющих. Рассчитывать на некое академическое и морализаторское единодушие в понимании этого процесса было бы наивно» [1]. А.А.Зиновьев предсказывал, что глобализация эволюционирует в форму сверхгосударства, подчинённого глобальным интересам США [2].

Действительно, как отмечал Зиновьев, взгляды на феномен глобализации как на процесс становления взаимозависимого мира остаются дискуссионными, вследствие чего понятие «глобализация» не имеет единой общепризнанной трактовки. Это обусловлено в том числе тем, что параллельно с процессами естественного складывания наблюдаются признаки проектного управления в форме активного вмешательства внешних сил, что ограничивает возможности изучения глобализации как естественного пути развития. Однако автор считает, что разработка целостной и системной государственной культурной политики России должна осуществляться с учётом всех аспектов глобализации, включая стратегии, которые реализуются путём проектного управления. Мы утверждаем, что концептуальный анализ причинно-следственных связей как естественного складывания, так и признаков проектного управления позволит вскрыть закономерности в событиях и объектах, что важно для осмысления как текущих процессов глобализации, так и долгосрочных мировых тенденций. Данный метод является ключевым условием для выработки нового содержания культурной политики в целях её совершенствования.

Российский философ В.М.Розин утверждает, что исследования процесса глобализации необходимо начинать с периода становления древних царств, которые характеризуются поглощением примитивных племён в V-IV тыс. до н. э. [3] Французский историк Ф.Бродель предлагает осуществлять теоретическую реконструкцию исторического процесса за счёт гипотезы, в рамках которой конкретные факты получают интерпретацию [4]. Однако автор мир-системной теории, американский социолог и политолог И.Валлерстайн считает, что факты сами по себе не являются самодостаточными [5]. Также, вместо национальных государств как единиц истории, он ставит задачу целостного описания нового объекта, которым, по мнению учёного, является современная мировая система. Позитивистскую схему «факты –

концепция» Валлерстайн заменяет на схему «концепция – факты», в которой исходная теоретическая установка в той или иной теоретической догме определяет выбор объектов [6].

С позиции «концепция – факты» теоретическое осмысление процессов, последствий, а также формирование и развитие глобального мира раскрывается автором исследования в парадигме «глобализация как проект», который возник не как следствие естественного складывания по причине научно-технической революции, а в силу активного вмешательства внешних сил в форме проектного управления. Как конструкт единого стратегического планирования, процессы глобализации рассматриваются нами в рамках целостной системы управления по глобальной трансформации всего мира [7]. Исследуя ключевые подсистемы проектной деятельности, мы реконструируем иерархичность единой системы управления в целях выявления целеполагания всего проекта. Основным акцент исследования направлен на культурную глобализацию, которая тесно связана с научно-техническим прогрессом и инновациями в сфере информационных технологий. Как процесс естественного складывания, культурная глобализация осуществляет передачу идей, смыслов и ценностей по всему миру, вследствие чего происходит расширение социальных отношений. Однако мы утверждаем, что в рамках проектной деятельности культурная глобализация направлена на смену прежней парадигмы цивилизационного развития в целях формирования общечеловеческого пространства с единым для всех вектором развития [8]. В ходе исследования автор обосновывает тезис А.А.Зиновьева, предположившего, что глобализация эволюционирует в форму сверхгосударства, подчинённого интересам США. Однако мы расширяем понятие о США, представленных Зиновьевым как субъект глобализации, поскольку в основе англо-американской правовой системы лежит общее право Англии.

Сущность культурной глобализации раскрывается автором за счёт рассмотрения ключевых подсистем проектной деятельности, обеспечивающих функционирование единой системы управления. К ним относятся такие виды идеологии, как космополитизм, мультикультурализм, транснационализм, а также теории унификации и комплексной взаимозависимости. Кроме того, автором рассматриваются такие концепции, как «культурно-идеологическая гегемония», «глобальная гражданственность», «мягкая сила» и др. В рамках научного дискурса рассматривается и раскрывается сущность аналитических прогнозов американских политологов С.Хантингтона и Ф.Фукуямы о столкновении цивилизаций и конце истории.

Мы предлагаем начать исследование с рассмотрения двух концепций, а именно – идей космополитизма и транснационализма, которые используются в процессе культурной глобализации и имеют, на наш взгляд, один вектор развития. Путём проектного управления данные подсистемы функционируют, реализуя идею создания единого взаимозависимого мира, по образу «мировой деревни» [9]. Феномен транснационализма основан на теории, в рамках которой внешняя политика государства, строящаяся на приоритете национальных интересов, не соответствует условиям современной системы международных отношений [10]. Культурная глобализация как ключевой аспект в расширении взаимодействия раскрывает сущность транснационализма в парадигме “E Pluribus Unum” – «Из разного – одно», что реализовано на примере США, где тринадцать североамериканских штатов соединились в единое государство, а потом иммигранты, прибывшие в США из разных стран мира, соединились в единую политическую нацию [11].

Термин «транснациональность» был популяризирован в начале XX в. американским писателем Р.Борном в контексте нового способа осмысления межкультурных отношений. В 1916 г. в статье «Транснациональная Америка» [12] он утверждал, что США должны принять культуру иммигрантов в «космополитической Америке», т.е. не ассимилировать её в доминирующей англосаксонской культуре. Слово «космополит» в переводе с греческого языка означает «гражданин мира». Борн отвергал концепцию «плавильного котла» как модель развития, в которой предлагается насильственное объединение всех этнических групп в единую нацию. Он считал, что напротив, традиционная дифференциация способна перерасти в транснациональную нацию, что непременно приведёт США к величию. Таким образом, автор обращает внимание, что в противовес «плавильному котлу» уже тогда предложена концепция мультикультурализма, основанная на идее о параллельном сосуществовании культур, что должно привести к взаимному проникновению, обогащению и развитию в русле массовой культуры. Однако понятие «транснационализм», как и «транснациональная нация», подразумевает выход за рамки страны. Как идеологическое оружие, космополитизм ведёт к идее о «мировом гражданстве», отрицая исторически сложившиеся особенности в развитии народов, а также национальную независимость и государственный суверенитет.

Первым крупным очагом распространения идеи космополитизма стало масонство [13]. К примеру, такие известные деятели, как Ш.Монтескье и Ф.Вольтер предлагали объединить Европу в единую республику, в которой страны рассматриваются как провинции. Ключевую роль сыграли проекты «Вечного мира» И.Бентама и И.Канта, в которых предлагалось объединение всех держав. В 1887 г. создатель эсперанто Л.Заменгоф опубликовал свой первый учебник «Международный язык». В XX в. на волне потрясений, связанных с мировыми войнами, в Европе развивается теория безнационализма. В 1921 г. в Праге была основана Всемирная вненациональная ассоциация (SAT), которая, кроме прочего, постулировала исчезновение наций как суверенных союзов и создание единой системы мирового хозяйства. В 1931 г. опубликован «Манифест безнационализма», в котором эсперанто предлагается использовать как единый язык культуры.

Однако в СССР со второй половины 1930-х гг. началась борьба против «безродных космополитов». Американский политолог П.Готфрид считает, что конфликт между двумя мировыми системами привёл к подрыву марксизма на Западе, вследствие чего образовался научный вакуум, который был заполнен идеями мультикультурализма, пришедшими из США. Здесь мы обращаем внимание на то, что в XX в. мир был разделён на капитализм и социализм вследствие не естественного складывания, а проектного управления. Это тема для отдельных научных исследований, однако автор утверждает, что она является ключевой в понимании глобальных угроз для России. В результате произошла подмена понятий с «империализма», марксистского понимания развития мира, на «глобализацию», несущее позитивный смысл [14]. Российский специалист по международной экономике В.Л.Иноземцев также считает, что вытеснение понятий «европеизация» и «вестернизация» путём их замены на термин «глобализация» напрямую отражает суть событий. После окончания холодной войны данная методология проникает в страны «третьего мира», посредством чего, по мнению Иноземцева, зародилось такое восприятие мира, под которым воспринимается глобализация – интеграция различных обществ в единое социальное пространство [15]. Следует добавить, что мультикультурализм направлен на ослабление роли нации-государства, поскольку глобализация размывает традиционную идентификацию людей с местом жительства.

Модель межкультурных отношений создавалась для экономически развитых стран Запада, где наблюдался значительный приток иммигрантов. Однако в Европе мультикультурализм включает в культурное поле элементы культуры иммигрантов из стран «третьего мира». А в США, к примеру, в 1917 г. была запрещена иммиграция из «ограниченной азиатской зоны». Критики мультикультурализма пришли к выводу, что в итоге в современной Европе наблюдается разрушение многовековых культурных устоев и традиций.

В контексте вышесказанного мы бы хотели обратить особое внимание на соответствие тезиса А.А.Зиновьева, предположившего, что глобализация эволюционирует в форму сверхгосударства, подчинённого интересам США. Методом проектного управления также была реализована концепция интеграции капиталистических цепочек производства и финансов, что поспособствовало формированию транснационального капиталистического класса [16]; данную концепцию описал американский социолог У.Робинсон совместно с Д.Харрисом в 2000 г. в статье «На пути к глобальному правящему классу? Глобализация и транснациональный капиталистический класс» [17]. В другой работе [18] Робинсон характеризует глобализацию как четвёртую эпоху в истории развития мирового капитализма. Начальная эпоха характеризовалась формированием капитализма в рамках феодальной Европы, веком завоеваний и первоначального накопления капитала (XIV – конец XVIII в.). Вторая эпоха – промышленной революцией, а также подъёмом буржуазии и формированием современных наций-государств (конец XVIII – XIX в.). Третья характеризуется эпохой консолидации единого мирового рынка и системы национальных государств, образующих организационную основу мирового капитализма (до 70-х годов XX в.) [19]. Он отмечает, что необходимо отличать понятия транснациональный от интернациональный и что возникновение идеологической программы транснационального класса связано с осознанием своих интересов. Основанный на неолиберальной теории, этот класс создаёт в разных странах и регионах мира все условия для трансграничной мобильности капиталов и свободных операций. Кроме того, Робинсон пишет, что транснациональный капиталистический класс является глобальным правящим классом, так как он контролирует процессы принятия решений на глобальном уровне, что возможно лишь с созданием собственной системы управления [Там же].

Мы бы хотели обратить внимание на признаки проектного управления, в рамках которого транснациональный класс создаёт сеть глобальных связей. Автор мир-системной теории И.Валлерстайн утверждает, что сначала в мире существовали исторические системы всех типов, но с XVI в. начинается экспансия европейского капиталистического мира-экономики, в процессе которой были поглощены все существующие исторические системы [20]. Учёный связывает это с превращением всех существующих ранее мир-экономик в мир-империю под властью одного государства, за исключением средневековой европейской мир-экономики, которая превратилась не в мир-империю, а в капиталистическую мир-систему [21]. Немецкий экономист А.Г.Франк отмечает, что в ходе эволюции мир-системы её центр неоднократно смещался вплоть до XIX в., когда он переместился сначала в Европу, а затем в Северную Америку. По его мнению, проект глобализации представляет собой институциональную форму стабилизации капитализма, так как все без исключения государства вынуждены подчиниться новым рыночным правилам. Мы считаем, что здесь уместно проанализировать слова известного французского историка Ф.Броделя, который, касаясь мир-системной теории И.Валлерстайна, состоящей из ядра, полупериферии и периферии, пояснил, что неравенство в экономическом потенциале является ключевым условием функционирования глобальной системы, поскольку этот факт обеспечивает накопление капитала в ядре [22].

Во второй половине XX в. активному продвижению концепции «транснациональных» отношений вместо межгосударственных способствовали американские политологи Д.Най и Р.Коухейн. В опубликованной ими книге «Транснациональные отношения и мировая политика» (1972) объединены труды учёных, которые полагали, что государства не являются единственными участниками международных отношений. Таким образом международное взаимодействие из межгосударственного переходит в «транснациональное», то есть осуществляющееся помимо и без участия государств. В новой парадигме, в рамках проектного управления, было развито ещё несколько направлений, включая исследование интеграционных процессов, концепцию комплексной взаимозависимости и моделирование внешнеполитического анализа. В рамках транснационализма сложилось направление комплексной взаимозависимости. Разработка этой концепции также связана с Кохейном и Наем, которые в 1977 г. выпустили книгу «Власть и взаимозависимость: мировая политика в процессе изменения» [23]. Мы обращаем внимание на то, что в 1977-1979 гг. Най занимал пост помощника заместителя госсекретаря США по вопросам поддержки безопасности, науки и технологии, а также председателя группы Национального совета безопасности по вопросам нераспространения ядерного оружия. Кроме того, Наю принадлежит концепция «мягкая сила», которая разрабатывалась им с 1980-х гг. Положения концепций Р.Кохейна и Д.Най стали фундаментом для оформления неолиберального институционализма в теорию, которая воплотила фундаментальные основы транснационализма.

Таким образом, для нас очевидно, что акторами проектного управления являются конкретные субъекты, представляющие глобализацию как единый процесс поступательного движения к качественно иной форме человеческой цивилизации. Мы подводим к выводу о том, что глобализация представляет собой конструктор стратегического планирования в рамках единой системы управления мировым развитием, с целью глобальной трансформации мира, в том числе, путём вытеснения «государство-центричной» парадигмы из системы международных отношений. Россия, как и другие страны, не имеет выбора, «входить» или «не входить» в глобализацию. Важно понимать, что это может происходить или сознательно, с учётом собственных интересов или под воздействием внешних сил и обстоятельств.

Появление в мировой политике новых «негосударственных факторов», осуществляющих собственную надстройку и архитектуру отношений над «государство-центричной» системой международных отношений представляет прямую угрозу суверенитету России. Таким образом, условия глобализации диктуют российскому государству поиск нового основания идентичности, и формы общности, в которой коллективный субъект социального действия будет понимать императив защиты национальных интересов. Решение данной задачи возможно при выработке и реализации такой культурной политики, которая будет способна задать вектор стратегического планирования долгосрочных целей, влияющих на процессы мирового развития.

Мы согласны с утверждением Р.Най, что язык и культура страны играют ключевую роль в международных отношениях, влияя напрямую или косвенно на мировую политику. Автор исследования утверждает, что ключевое условие для совершенствования культурной политики России заключается в том, чтобы поднять её статус на уровень политической сферы. Культурная политика должна стать

инструментом внешней политики, влияющим на улучшение имиджа и усиление влияния в международном пространстве. Мы считаем, что именно такое целеполагание обеспечит сохранение и укрепление суверенитета страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] *Маслов, О. Ю.* Глобализация: этапы глобализации, доллар-глобализация, кризис-глобализация или процесс глобализации глазами мыслящих глобально // *Еженедельное независимое аналитическое обозрение* : [сайт]. – URL: <https://polit.nnov.ru/2009/09/26/glob5ethronolog26/> (дата обращения: 29.03.2024).
- [2] Подробнее о взглядах А.А.Зиновьева см.: *Гусейнов, А. А.* Социологическая трилогия Александра Зиновьева // *Вестник прикладной этики*. – 2022. – Вып. 59. – С. 103-114.
- [3] *Розин, В. М.* Глобальные процессы и проблемы современности как свидетельство становления нового типа социальности // «Глобализация», «культура», «цивилизация»: Материалы пост. действ. междисциплинарного семинара клуба уч. «Глобальный мир». – Москва, 2003. – С. 75.
- [4] *Бродель, Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // *Философия и методология истории* : Сб. ст. – Москва, 1977.
- [5] *Валлерстайн, И.* Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // *Социологические исследования*. – 1997. – № 1. – С. 8-21.
- [6] *Wallerstein, I.* The Modern World-System. In 3 Vol. Vol.1: Capitalist agriculture and the origins the European world-economy in the sixteenth century. – New York, 1974.
- [7] *Goldfrank, W. L.* Beyond Cycles Of Hegemony: Economic, Social, And Military Factors // *Journal of World-Systems Research*. Vol. 1, N 8, 1995. – URL: <https://jwsr.pitt.edu/ojs/jwsr/article/view/37/49> (дата обращения: 29.03.2024).
- [8] *Корытина, М. А.* Культурная глобализация: феномен, сущность, противоречия процесса // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология*. –2016. – Т. 16, вып. 4. – С. 381-387. DOI: 10.18500/1819-76712016-16-4-381-387.
- [9] Там же.
- [10] Подробнее см.: <https://bigenc.ru/c/teoriia-vzaimozavisimosti-5aa92a> (дата обращения: 29.03.2024).
- [11] *Кашанский, А.* Концепция глобализации “E Pluribus Harmonia”. – URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001d/00124043.htm> (дата обращения: 29.03.2024).
- [12] *Bourne, R.S.* The Radical Will: Selected Writing 1911-1918 / Ed. by O.Hansen. – New York : Urizen Books, 1977. – 548 p.
- [13] *Фрейхоф, В.* Космополитизм // *Мир Просвещения: Исторический словарь*. – Москва : Памятники истор. мысли, 2003. – С. 31-41.
- [14] *Готфрид, П.* Странная смерть марксизма / пер. с англ. Б. Пинскера. – Москва, 2009.
- [15] *Иноземцев, В. Л.* Современная глобализация и ее восприятие в мире // *Век глобализации*. – 2008. – № 1. – С. 31-44.
- [16] *Рахманов, А. Б.* Концепция транснационального капиталистического класса в Западной социальной мысли конца XX и начала XXI века (подходы Л. Скляра, У. Робинсона и Дж. Харриса) // *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*. 2015. № 2. – Текст: электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-transnatsionalnogo-kapitalisticheskogo-klassa-v-zapadnoy-sotsialnoy-mysli-kontsa-xx-i-nachala-xxi-veka-podhody-l-sklyara-u> (дата обращения: 29.03.2024).
- [17] *Robinson, W, Harris, J.* Towards a global ruling class? Globalization and the transnational capitalist class // *Science & Society*. 2000. Spring. Vol. 64. N 1. 11-5411.
- [18] См.: *Robinson, W.* A theory of global capitalism: production, class and State on a transnational world. – Baltimore; L. : Johns Hopkins Univ.. Press, 2004. – XVII, 200 p.
- [19] Подробнее об этом: *Комар, Ю. И.* Робинсон У. Теория глобального капитализма: производство, классовые отношения и государство в транснациональном мире – Текст: электронный – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2008-02-002-robinson-u-teoriya-globalnogo-kapitalizma-proizvodstvo-klassovyey-otnosheniya-i-gosudarstvo-v-transnatsionalnom-mire-robinson> (дата обращения: 29.03.2024).
- [20] *Wallerstein, I.* World-Systems Analysis // *Social Theory Today*. – Stanford, 1987.
- [21] *Wallerstein, I.* The Politics of the World-Economy: The states, the movements and the civilizations. Essays. – Cambridge; Paris, 1984.

[22] Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. : В 3 т. Т. 3: Время мира. – Москва, 1992.

[23] Keohane, R.O., Nye, J.S., Jr. Power and Interdependence: World Politics in Transition. – Boston : Little-Brown, 1977.

IMPROVING THE CULTURAL POLICY OF RUSSIA UNDER GLOBALIZATION Part 1

Marzoeva Anzhelika Vladislavovna
Post-graduate student,
Russian State Social University (Moscow)

Abstract. *Globalization is a modern historical process that has a significant impact on the culture and identity of independent states. Because of this, there is a need to develop and implement a state cultural policy that guarantees Russia the preservation of its national identity and uniqueness. In the context of globalization, the state cultural policy of Russia should become the driving vector for strategic planning of long-term goals of influencing the processes of global development. Goal setting based on the interests of Russian civilization will ensure the preservation and strengthening of the country's sovereignty. The current understanding of culture treats it as a secondary factor of social development. It is necessary to raise the status of cultural policy to a component of the political sphere, turning it into a foreign policy instrument that influences the improvement of the country's image in the international space, as well as strengthening its influence in the world in order to ensure its own security.*

This article examines scientific approaches to the study of globalization processes, based on research on the problems of cultural policy to determine further guidelines for improving the state cultural policy of Russia. The main problems facing the state and society are analyzed and ways to solve them are proposed. The relevance of considering cultural policy in the context of the political process as Russia's managerial influence on the main spheres of the sociocultural space both within the country and on a global scale is pointed out.

Key words: *cultural policy, globalization, national identity, clash of civilizations, public policy.*

© Марзоева А.В., текст, 2024
Статья поступила в редакцию 10.03.2024.
Публикуется в авторской редакции.

Ссылка на статью:

Марзоева, А. В. Совершенствование культурной политики России в условиях глобализации. Часть 1. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 2. – С. 10-16. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/649.html&j_id=60.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ЦИФРОВОЙ СЛЕД»

Орлов Сергей Николаевич

аспирант, Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
имени Д.С.Лихачёва (Москва)
Email: orlovs_n_99@mail.ru

Аннотация. В статье представлен культурологический анализ концепта «цифровой след». Раскрывается его природа как специфической разновидности информации и анализируются разные подходы к рассмотрению объема понятия. Определяются его место и роль в организации цифровой среды. Охарактеризованы отдельные разновидности, уровни и способы проявления, выявлены особенности бытования в цифровой среде. Рассмотрены сферы жизнедеятельности человеческого общества, в которых цифровой след функционально и дисфункционально используется. Представляется обоснование его социокультурного потенциала и определяется ведущая роль в становлении новой культуры сетевого общества.

Ключевые слова: цифровая среда, цифровой след, цифровой профиль, большие данные, социокультурный феномен, культура сетевого поведения

Сегодня, в эпоху цифровых технологий и тотального погружения в мир виртуального, в котором преобладают публичность, открытость и прозрачность, большое внимание уделяется исследованию цифровой среды. Ее структурная сложность может быть представлена в виде организованной совокупности ряда концептов, находящихся между собой в определенном соотношении. В научном дискурсе уже закрепились такие концепты, как цифровая идентичность, цифровой профиль, цифровой след, цифровой двойник и даже цифровой концлагерь. Их изучением заняты не только IT-специалисты, но и философы, социологи, психологи, культурологи, правоведы и представители других наук. Такой интерес выступает ярким свидетельством их сложности и многозначности, а также масштабного воздействия на социум, который возлагает на них принципиально новые функции.

Базовым по отношению к перечисленному выше перечню выступает концепт «цифровой след». Именно он лежит в основе формирования цифрового профиля, цифровой идентичности и других понятий. Это обстоятельство предполагает необходимость более пристального рассмотрения источника его происхождения, типологических особенностей и социокультурных последствий использования в цифровой среде.

Объектом исследования в данной статье является цифровая среда. В качестве предмета представлен цифровой след как один из ее концептов, создающий на наших глазах новую социокультурную реальность.

Цель исследования состоит в обосновании наличия у концепта «цифровой след» масштабного социокультурного потенциала, способного изменить реальность. Цель реализуется посредством решения следующих задач:

- раскрыть природу концепта «цифровой след» и проанализировать разные подходы к его дефиниции;
- охарактеризовать отдельные разновидности этого феномена и особенности бытования в цифровой среде;

- рассмотреть сферы жизнедеятельности человеческого общества, где цифровой след может быть функционально и/или дисфункционально использован;

- обосновать его социокультурный потенциал и центральную роль в становлении новой культуры сетевого общества.

Погружение в проблематику цифровой среды позволило установить, что она организована по принципу поля, и в этом поле множеством пользователей оставлены следы их пребывания – «цифровые следы». По сути, это закодированные в «цифру» электромагнитные импульсы.

Сам термин «цифровой след» получил официальный статус не сразу. На протяжении десятка лет использовались разные варианты. Так, в исследованиях по трасологии (криминалистике) применялось словосочетание “virtual traces” («виртуальные следы») [5], это явление называли также цифровым отпечатком, цифровой тенью, кибер-тенью и пр.[6] И только в последние годы в научной лексике окончательно закрепился термин «цифровой след».

Цифровые следы различаются по своим параметрам, и это дает возможность использовать их как по отдельности, так и в определенных структурированных наборах для решения разных задач. Но самое главное качество «цифрового следа» состоит в том, что он опосредованно несет в себе качественные характеристики оставившей его в цифровой среде человеческой личности, что позволяет идентифицировать субъекта, выявить его интересы, вкусы, отследить поведение, социальные связи и т.д. В силу этого он может рассматриваться сегодня как некий социокультурный феномен, появившийся в социальной практике не так давно, но уже активно интегрированный в социум. И в этом качестве он вызывает повышенный научный интерес.

Если первоначально его изучение было прерогативой специалистов в области компьютерных дисциплин, в частности, в сфере кибербезопасности, то в последние годы по мере раскрытия своего потенциала цифровой след становится предметом исследования разных научных направлений. Он исследуется в философском плане как многослойное явление, обладающее многогранными особенностями, проявляющимися в различных сферах жизни индивида и социума. (Е.В.Листвина, Р.В.Пеннер, С.И.Платонова, А.М.Кондаков, А.А.Костылева, С.А.Зайцева, В.А.Смирнов, И.М.Дзялошинский и др.).

Активно разрабатывается проблематика цифрового следа в контексте процессов цифровизации и медиатизации культуры. Так, цифровой след, рассматриваемый как атрибут культуры цифрового общества, стал предметом исследования Ю.А.Чернавина и Г.В.Бариновой. В работах Д.А.Потапова описывается влияние цифрового профиля в социальной сети на статус человека. Д.С.Ботнар и Е.Ю.Сизганова рассматривали влияние цифрового следа на формирование цифровой репутации гражданского служащего. С.В.Тихонова и Д.С.Артамонов в своих работах подчеркивали роль цифрового следа в формировании исторической памяти, накапливаемой в социальных медиа. В статье Д.А.Деткиной и В.В.Королева проводится анализ влияния цифрового следа на составление психологического портрета личности, используемого для проверки данных резюме соискателя. Особенности использования цифрового следа в условиях цифровизации образования исследуются в работах И.Н.Гостевой, С.С.Бражникова С.А.Храпова, Л.В.Баевой и др. Такое активное внимание исследователей свидетельствует о том, что данная тема находится в фокусе научного дискурса, а проблематика цифрового следа еще далеко не исчерпана.

В данной статье в качестве методологической базы исследования нами использована теория информации, в частности, одна из концепций, рассматривающих понятие информации как отраженное разнообразие окружающего мира. [13] В этой концепции источником возникновения информации выступает взаимодействие отражаемого объекта, отражающей его субстанции и обязательно наличие стороннего субъекта, который, оценивая характер отражения, делает определенные выводы.

Каждый из участников этого процесса обладает своими характеристиками. Так, отражаемый объект имеет физические параметры, которые должна запечатлеть в своей структуре отражающая субстанция. Он может также воздействовать на нее с разной степенью активности, силы давления, множественностью контактов, интенсивностью во временном аспекте и т.д.

Отражающая же субстанция воспроизводит объект с такими ограничениями, которые обусловлены ее природой, что неизбежно вносит коррективы в оставляемый в ней след. Разные отражающие возможности субстанций можно рассмотреть на примере фотопленки и мокрого песка на пляже. Они, так или иначе, несут в себе след отраженного в них объекта, но результаты различаются степенью детализации его характерных сторон и черт.

И самый главный участник этого процесса – это наблюдающий со стороны субъект. Оставленный кем-то и когда-то след должен попасть в фокус его внимания, иначе он затеряется и постепенно исчезнет.

А зачем наблюдателю он нужен? Вот тут-то и проявляется социальный потенциал этого феномена. След, оставленный объектом, может быть физическим и социальным, прямым и опосредованным, имеющим значимые последствия и таковых не имеющим. Он разный и зачастую с непредсказуемыми последствиями. Так, след от ботинка преступника может помочь в расследовании преступления. А след от мокрой обуви на полу вызовет лишь недовольство хозяйки. И чем сложнее проблема и шире аудитория, для которой этот след оказывается значимым, тем больше ему оказывается внимания в социуме. С этой точки зрения вся история человечества и его культура предстают как совокупность множественных следов, оставленных ранее жившими и создающими поколениями людей.

Посмотрим с этих позиций на цифровой след, который оставляет человек в сетевой среде, обусловивший появление новых сюжетов в жизни человека, актуализирующих идентификационную проблематику. Он может быть рассмотрен в широком и узком значениях. В узком значении – это информация, оставленная в результате просмотра пользователем веб-страниц и сохраненная в виде куки (cookie). В широком значении в объем этого понятия попадает любая информация о гражданине или организации, содержащаяся в различных базах данных и попавшая в цифровую среду разными путями.

По сути, цифровой след представляет собой зафиксированный факт активного или пассивного присутствия пользователя в сети. Активный след пользователь оставляет намеренно, публикуя в сети свои персональные данные, выставляя фотографии, публичные и личные сообщения, делая поисковые запросы и т.д. Пассивный след оставляют граждане, не ведая об этом, просто заходом на тот или иной ресурс.

И та, и другая разновидность могут быть рассмотрены с правовой точки зрения. Данные могут быть собраны с ведома и согласия их владельца, как, к примеру, в ситуации с куки, так и незаконно, без согласия владельца или путем распространения противозаконного контента. Можно также классифицировать цифровой след как общедоступный и с ограниченным доступом. Последний предоставляет возможность получить данные о пользователе только определенному кругу лиц, наделенными соответствующими полномочиями.

Цифровой след в широком смысле, с содержательной точки зрения, может характеризовать пользователя многообразно. Прежде всего, базовую основу цифрового следа составляют элементы, представляющие человека *как гражданина*. В различных базах государственных структур содержатся сведения о нем, в частности, реквизиты паспортных данных, номера ИНН, СНИЛС, ОМС, данные об образовании, гражданском состоянии и др. Дополняют эту совокупность данные, полученные с помощью биометрии, например, с камер наблюдения.

Сбор и систематизация таких сведений приобретают особую актуальность в связи с задачами, поставленными в национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации», которая предполагает, в частности, разработку цифрового профиля гражданина. Такая работа ведется, и в перспективе будут собраны: все виды регистрации, выданные удостоверения, информация о владении недвижимостью, перемещения по стране и за границей и многое другое. Задача этой платформы – обеспечить через портал госуслуг доступ к данным о гражданине или юридическом лице, содержащимся в других государственных информационных системах [7].

Вторая группа элементов, составляющих цифровой след, характеризует человека с точки зрения его *финансового положения и как потребителя товаров и услуг*. Для формирования этой совокупности данных учитываются сделанные в сети покупки, их товарный ассортимент, ценовая категория, форма

оплаты, интерес, проявленный к рекламе товаров и услуг, а также кредитная история, оплаченные и неоплаченные штрафы и т.д.

Цифровой след характеризует человека с точки зрения его *перемещения в пространстве*. В различных базах данных содержатся данные о законном пересечении государственной границы через таможенные пункты. Камеры слежения фиксируют факты присутствия человека в том или ином месте. Дополнением к этому служат факты оплаты, произведенной безналичным способом в разных точках пространства (например на автозаправках), фиксация номера автомобиля, запечатленного камерой слежения в том или ином месте и т.д.

Цифровой след характеризует человека с точки зрения его *социальных связей, интересов, направленности взглядов и гражданской позиции*. Накоплению этих данных способствуют ведение собственной странички в соцсетях, выставление своих фотографий, текстов, содержание которых может по-разному трактоваться, содержать какие-либо высказывания, некорректные с точки зрения законодательства и/или моральных норм, а также комментирование чужого контента со своего устройства, его оценка, проставленная в виде лайка/дизлайка.

Цифровой след характеризует человека с точки зрения его *здоровья*. В лечебных учреждениях ведутся базы данных с медицинскими картами граждан в электронной форме, электронно заполняются больничные листы и фиксируются назначения отдельных видов лекарственных средств, подлежащих учету.

Собранный таким образом материал представляет собой рабочий массив: из множества оставленных следов создается цифровой портрет сетевого пользователя. Его первый уровень составляют те данные, которые субъект производит своими действиями. Второй уровень – это данные из электронных баз, которые содержат идентифицирующую субъекта информацию, например, о его регистрации. Также компьютерные алгоритмы отслеживают контент, который был им просмотрен, время, потраченное на его чтение, динамику нажатия клавиш, скорость набора текста и направление движения пальцев на экране. А если к этому добавляются еще и биометрические данные, то цифровой портрет достаточно полно и достоверно способен отобразить и идентифицировать субъекта.

Далее собранные данные анализируются различными компьютерными алгоритмами и сравниваются с данными других пользователей для выявления значимых статистических корреляций. Получается множество, сгруппированное в большие данные (big data), которые мгновенно просчитываются и структурируются по разным основаниям, и могут быть многократно использованы в разных целях.

Кого интересуют эти данные? В технологии активного сбора данных о пользователях в первую очередь заинтересованы органы государственного управления, правовая сфера и работники спецслужб. Такая информация ценна для банковской отрасли, а также для любых иных организаций сферы услуг: торговли, туризма, медицины, рекламной сферы. Очень заинтересованы в них журналисты. А также хакеры, способные скачать и продать эти данные, жулики разного рода. Поскольку в сетевое пространство вовлекаются финансовые потоки, то интерес криминальных структур к этому сектору очень велик [6].

Философско-культурологический смысл этого феномена заключается в новом способе идентификации субъекта, облегчении мониторинга всех процессов его жизнедеятельности, а также – в активном вмешательстве в его личное пространство с более точной интерпретацией его намерений и действий. Феномен цифрового следа задает во всем мире глобальный тренд компьютерного слежения за человеком. Примером этого может служить социальный эксперимент, который планируется провести в Китае. Суть его заключается в том, что каждому участнику эксперимента изначально начисляют равное количество баллов. За каждый негативный проступок, выявленный с помощью цифрового следа, баллы будут автоматически сниматься. А за некие добрые дела – добавляться. Их оставшееся количество будет характеризовать статус человека. И в зависимости от него он может пользоваться некоторым перечнем социальных благ: получать кредит, претендовать на высокооплачиваемую должность, избираться в какие-то органы власти и т.д.

Обсуждающие такой вариант развития вводят в оборот понятие цифрового концлагеря, считая, что такой подход не только лишает приватности, но и права человека на ошибку. Но изменит ли цифровой концлагерь натуру человека? Станет ли это мотивацией к искоренению дурных наклонностей или, наоборот, породит еще одну ветвь криминальной деятельности в сети по «оздоровлению» цифрового следа? Неизвестно. Второе более вероятно. Ведь если можно будет «оздоровить» свой след, значит, можно будет и очернить «след» кого-то другого: методы одни и те же. Таким образом, предоставляется большое поле для такой деятельности.

Культурологический смысл этого феномена также заключается в изменении повседневных практик, в новых возможностях, открывшихся сетевым пользователям в отношении идентификации себя в сети. Они теперь могут, оперируя своими следами, насыщая их конкретикой, конструировать желаемый цифровой профиль. Е.В.Листвина отмечает, что это происходит благодаря извечному желанию человека «оставить след после себя, продолжиться во времени». Она считает, что такова особенность европейской культуры, где «каждый стремится зафиксировать свое специфическое, индивидуальное бытие, отметив свои значимые моменты и достижения, иначе человеку грозит опасность полного растворения в безымянных миллионах предшественников» [6, с. 15].

Но нередко пользователи намеренно выставляют на первый план несоответствующие реальным возможностям и личностным качествам следы. В результате получается образ, в котором правдивые и объективные характеристики перемежаются с воображаемыми и искусственно сконструированными. Такая самопрезентация имеет целью создание субъектом в цифровой среде фрагмента своего личного пространства, которое он обустроивает и демонстрирует другим. И это подразумевает активный интерес других субъектов, но с другой мотивацией, по-своему интерпретирующими его намерения и действия. Таким образом формируется виртуальный мир человеческих взаимоотношений [8].

Если в отношении реальной жизни выработаны правовые нормы поведения, то сетевая среда пока крайне уязвима в отношении всякого рода нарушений прав личности. Цифровой след может быть опасным, когда он выходит в публичное пространство и становится инструментом, используемым в неблагоприятных целях. И если рядовые граждане – пользователи сети, возможно, не так интересны журналистам, хакерам и жуликам, то известные личности практически оказываются «под стеклом». Исчезает приватность, тайна, так необходимая каждому человеку для осмысления своих действий, работы над сделанными ранее ошибками. Поэтому психологи предупреждают, что желание поделиться деталями личной жизни, выставление в публичное пространство неоднозначных фотографий, высказываний могут помешать выстроить благополучную карьеру в будущем.

Но, тем не менее, не смотря на выше обозначенные проблемы, цифровая среда уверенно входит в нашу жизнь. Ее внутренняя турбулентность создает не только новую реальность, новую экономику, но и новую арену политического, идеологического и культурного противостояния. Можно уверенно прогнозировать, что и другие науки и сферы деятельности также претерпят существенную трансформацию. Современное общество будет продолжать следовать своей логике развития, в скором будущем оно будет представлять собой социальную систему, видоизменяющуюся в автономно функционирующих контекстах.

Будет создана новая социология, анализирующая социальные страты на основе цифровых методов и принципов. Будут выстроены новые методы управления как отдельной личностью, так и большими коллективами. Видоизменится исследование историко-культурного процесса. Технокультурология как новая сфера культурологических исследований будет вводить в научный оборот не только новые цифровые источники, из которых будут черпаться сведения о прошедшей эпохе, но и разрабатывать новые историко-культурные методы оценки протекающих ныне событий, анализа деятельности отдельных лиц, их вклада в социальное развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ботнарь, Д. С., Сизганова, Е. Ю.* Формирование позитивной цифровой репутации органов государственной и муниципальной власти // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2020. – № 4 (23). – С. 92-99.
2. *Гостева, И. Н., Бражникова, С. С.* Анализ цифрового следа обучающихся с использованием технологий больших данных // Информатизация образования и методика электронного обучения: цифровые технологии в

- образовании : материалы IV Междунар. науч. конф. : в 2 ч. Ч. 2. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2020. – С. 409-413.
3. *Деткина, Д. А., Королева, В. В.* Цифровой след – современное портфолио конкурентоспособного работника // Электронное информационное пространство для науки, образования, культуры: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. / науч. ред., сост. Д. Н. Грибков. – Орел : Орлов. гос. ин-т культуры, 2020. – С. 83-88.
4. *Дзялошинский, И. М.* Философия цифровой цивилизации и трансформация медиакоммуникаций : моногр. – Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2020. – 551 с.
5. *Зайцева, С. А., Смирнов, В. А.* Аксиологический подход к понятию цифрового следа // Ноосферные исследования. – 2021. – Вып. 3. – С. 79-87.
6. *Листвина, Е. В.* Цифровое общество: социокультурный анализ цифрового следа // Аспирантский вестник Поволжья. – 2020. – № 7–8. – С. 14–18.
7. *Кондаков, А. М., Костылева, А. А.* Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. – 2019. – Т. 16. – № 3. – С. 207–218.
8. *Конева, А. В.* «Подвижное сознание» в эпоху культуры различия // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2010. – Т. 189. – С. 53–58.
9. *Пеннер, Р. В.* Цифровая идентичность как новая форма социального признания: дис. ... док. филос. наук. – Саратов, 2023. – 354с.
10. *Платонова, С. И.* Большие данные: создание вызовов и возможностей в социальных науках // Манускрипт. – 2020. – Т. 13. – № 4. – С. 119–123.
11. *Потапов, Д. А.* Идентификация профиля человека в социальной сети по неоднородным данным // Новая наука: опыт, традиции, инновации. – 2016. – № 11-12. – С. 111-114.
12. *Сорокина, А. В.* Концепт в системе культуры: философский, культурологический, лингвокогнитивный подходы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2011. – № 1(21). – С. 142-146.
13. *Урсул, А. Д.* Отражение и информация. – Москва : Мысль, 1973. – 231 с.

CULTURAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF "DIGITAL FOOTPRINT"

Orlov Sergey Nikolaevich

Post-graduate student,
Likhachev Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage (Moscow)

Abstract. *The article presents a cultural analysis of the concept of "digital footprint. Its nature as a specific type of information is revealed and different approaches to considering the scope of the concept are analyzed. Its place and role in the organization of the digital environment are determined. The individual varieties, levels and ways of manifestation are characterized, and the peculiarities of existence in the digital environment are revealed. The spheres of human society activity in which the digital footprint is functionally and dysfunctionally used are considered. The substantiation of its socio-cultural potential is presented and the leading role in the formation of a new culture of the network society is determined.*

Key words: *digital environment, digital footprint, digital profile, big data, sociocultural phenomenon, culture of network behavior*

© Орлов С.Н., текст, 2024
Статья поступила в редакцию 20.02.2024.

Ссылка на статью:

Орлов, С. Н. Культурологический анализ концепта «цифровой след». – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 2. – С. 17-22. – URL:http://cr-journal.ru/rus/journals/650.html&j_id=60 .

**ОБ ОПЫТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ФОНДА
ПРИ ОТРАБОТКЕ МЕТОДИК РЕСТАВРАЦИИ СТАНКОВОЙ ТЕМПЕРНОЙ ЖИВОПИСИ**

Чаленко Татьяна Тарасовна

художник-реставратор, заведующий Отделом
научной реставрации станковой темперной живописи
Государственного научно-исследовательского
института реставрации (Москва)
Email: tatyana.tarasovna@gmail.com

Пиунова Полина Руслановна

художник-реставратор отдела научной реставрации
станковой темперной живописи Государственного
научно-исследовательского института реставрации (Москва)
Email: piunova_polina@mail.ru

Аннотация. *Данной статьей открывается серия докладов, посвященных истории создания и использования Экспериментального фонда в отделе научной реставрации станковой темперной живописи Государственного научно-исследовательского института реставрации (ГОСНИИР). В ней собраны общие сведения о создании фонда, истории поступления предметов и первоначальных задачах фонда. Также приводится краткая информация о том, какие проблемы решаются в отделе реставрации темперной живописи сейчас с помощью фонда. В качестве примера проведения научно-исследовательских работ в статье рассмотрен проводимый отделом эксперимент по влиянию температурно-влажностного режима на рабочие составы растворителей. В настоящий момент изучение истории фонда продолжается.*

Ключевые слова: *иконопись, станковая темперная живопись, научная реставрация, Экспериментальный фонд, ГОСНИИР.*

В отделе научной реставрации станковой темперной живописи ГОСНИИР существует Экспериментальный фонд, состоящий из образцов икон и иконописных произведений, которые не состоят на музейном хранении, однако являются подлинными предметами религиозного назначения, а также представляют собой историческую и, во многом, художественную ценность. Данный фонд начал собираться в 70-е-80-е годы XX века и постепенно пополнялся в дальнейшие годы.

В 1970-е годы во ВЦНИЛКР (Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных ценностей, основанная в 1957 году, затем преобразованной в 1979 году во ВНИИР – Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации, главными задачами которой было формирование научно-методической основы изучения, практической реставрации и сохранения памятников истории и культуры) обсуждалась возможность создания музея реставрации и ее истории. Для этого во ВЦНИЛКР были привезены иконы из церкви Преподобного Пимена Великого. К сожалению, более детальной информации в документах о том, какая именно это была церковь, не сохранилось. Известно, что в 1973-74 годах сотрудниками лаборатории, в частности, Красиным Михаилом Михайловичем, искусствоведом, старшим научным сотрудником отдела экспертизы, было описано и доставлено из церкви порядка 400 икон, в основном поздних, большая часть которых была отправлена в Московское академическое художественное училище, а также в некоторые другие институты для обучения студентов по направлению реставрации станковой темперной живописи. Еще часть икон позднее была передана в часовню Дворянского собрания. Оставшиеся иконы были помещены в хранилище Новоспасского монастыря.

С течением времени от идеи создания музея отказались, а иконы остались в отделе реставрации темперной живописи. Однако пополнение экспериментального фонда не прекратилось. В некоторых случаях сотрудники отдела спасали иконы из заброшенных деревень, монастырей и их хранилищ, а также целенаправленно уничтожавшихся церковью. Иногда иконы жертвовали институту частные лица. Состояние большей части этих предметов было остро аварийным.

Таким образом был сформирован фонд, насчитывающий около 100 предметов, который иногда продолжал использоваться для обучения студентов и постепенно стал наглядно демонстрировать ряд реставрационных проблем и задач, требующих нового подхода.

Фонд стал носить название «Экспериментальный» и использоваться для изучения и отработки различных методик, относящихся не только непосредственно к реставрации. Есть сведения о проведении биологических исследований в 1977-1978 годах на некоторых фондовых образцах. Было установлено, что на некоторых предметах проводились эксперименты по работе с покрытием, удалением записей. Несколько предметов послужили для отработки различных методик по отслойке живописи; также в экспериментальном фонде находятся образцы уже отслоенной живописи, например, отслойки записи XIX в. с иконы «Святой Праотец Исаак» и XIX в. с иконы XVI в. «Святой Алексей митрополит Московский». Некоторые иконы, в частности, икона «Святой Ульяны Новоторжской» XIX в. из собрания церкви Пимена Великого, участвовали в искусствоведческих исследованиях, в настоящее время эта икона прошла полную реставрацию и хранится в ГОСНИИР.

Также в фонде существуют экспериментальные образцы, полностью воссоздающие технологические особенности традиционной станковой темперной живописи. Они были выполнены—сотрудниками отдела примерно в 1971-76 гг. для проведения исследований реставрационных материалов: оценкой их свойств и наблюдением за их изменениями в различных условиях хранения. Начатые в 70-е гг. работы имеют сегодня большое научное значение и могут послужить хорошей базой для последующих экспериментальных исследований и методических разработок.

На современном этапе фонд используется сотрудниками темперного отдела в учебных целях, а также для отработки, корректировки и совершенствования существующих методик. В процессе ежедневной работы постоянно расширяется круг проблем, решение которых можно подобрать на экспериментальных образцах. Например, в разработке до сих пор находятся методики по отслойке одного слоя живописи от другого и переносу ее на новое основание. Первые разработки были предложены еще в начале XX века, однако к настоящему времени существующие методики остаются несовершенными. Несмотря на то, что их примеры приводятся в реставрационных учебниках, подобные методики все еще являются рискованными и опасными для живописи. Подробное изучение этой задачи возможно в рамках работы с экспериментальным фондом.

За продолжительное время многолетней практической работы реставраторы фиксируют случаи, требующие поиска нестандартных решений. При их достаточном накоплении и систематизации появляются основания для полноценного изучения той или иной проблемы: причин ее появления и способов решения. Поскольку введение в структуру памятника любого материала должно быть обосновано и гарантированно не нести дальнейших рисков, отработка новых материалов и способов работы не должна осуществляться на музейных предметах. Одним из вариантов решения этой проблемы является использование экспериментальных образцов, с имитацией изучаемой проблемы. К настоящему времени нами накоплен материал для изучения сложных вопросов укрепления остро аварийных памятников, апробации новых смесей растворителей и актуализации методик консервации деревянных основ. Начаты экспериментальные работы по изучению материалов для восстановления утраченных элементов живописи и представляются перспективными исследования свойств защитных реставрационных покрытий.

Также экспериментальный фонд позволяет осуществлять наблюдение за предметами в различных моделируемых условиях окружающей среды. В качестве примера такого рода наблюдений можно привести небольшое исследование, проведенное нами в 2022-2023 гг. Работая с экспериментальным фондом ГОСНИИР в рамках учебных практик и стажировок, мы стали замечать резкое усиление действия рабочих составов растворителей в определенное время года.

Раскрытие авторской живописи от потемневшего покрытия и слоев записей является важной частью реставрационного процесса, который занимает достаточно длительное время. В ходе работы над одним памятником по удалению различных поновлений в разное время года были замечены серьезные изменения в действии растворителей. Подобные изменения в степени воздействия растворителей были подмечены реставраторами в различных обстоятельствах. К примеру, выполняя пробные раскрытия по месту хранения предметов, после их переезда в рабочую мастерскую ранее подобранные методики оказывались неэффективными, а оценка сложности предстоящих работ и необходимого времени на реставрацию – ошибочной. Подобного рода изменения были отмечены на протяжении длительного сотрудничества темперного отдела ГОСНИИР с Кирилло-Белозерским историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником и с Соловецким государственным историко-архитектурным и природным музеем-заповедником.

Также в течение последних 10 лет на ряде памятников было замечено абсолютное прекращение действия растворителя, которым осуществлялось эффективное раскрытие на протяжении нескольких месяцев. В определенный момент времени растворитель абсолютно переставал работать (размягчать или растворять покрытие), требуя полного изменения методики раскрытия.

Усиление работы растворителей было замечено в следующих случаях: выполняя пробные раскрытия на памятнике в октябре месяце, в ноябре наблюдалось резкое усиление действия растворителя. Данное изменение в действии растворителя пришлось на время включения планового отопления.

Ослабевание работы растворителей было замечено в следующих случаях: в конце мая – начале июня на памятнике выполнялись пробные раскрытия, работа велась эффективно по отработанной методике, а на рубеже сентября и октября растворитель переставал работать. Данное изменение в действии растворителя пришлось на время естественного прекращения летнего теплого периода.

Также был зафиксирован 3 вариант изменения в работе растворителя: в летний период на памятнике был выполнен подбор методики раскрытия, а зимой – ранней весной в реставрационной мастерской с постоянным музейным климатом методика становилась менее эффективной.

Описанные случаи влияния климата на работу с раскрытием памятников мы решили проверить опытным путем, сопоставить полученные данные и выявить наличие четкой взаимосвязи. Для этого было принято решение проводить пробные раскрытия в различных климатических условиях с постоянным мониторингом параметров температурно-влажностного режима (ТВР) в рабочей мастерской.

Для проведения практического исследования из экспериментального фонда ГОСНИИР были отобраны два предмета станковой темперной живописи (икона «Святого мученика Иоанна Воинственника» XVII в. с поздними поновлениями, размер 23.5x29 см, липовая доска, левкас, желтковая темпера, чернение по золоту, цветной лак; икона «Николай Чудотворец» XIX-XX в., размер 21.5x28.5 см, сосновая доска, левкас, желтковая темпера, серебрение) и одна икона, выполненная в масляной технике (икона «Спас Нерукотворный» XIX в., размеры 36x30,5 см, основа двухсоставная, дублированная, предположительно, верхняя доска из липы, нижняя из кипариса, паволока отсутствует, левкас – масляный, техника исполнения – масляная, золочение).

Экспериментальным путем на 3 иконах мы проверили влияние параметров ТВР на работу растворителей, зафиксировали изменения в их действии и выявили взаимосвязь. На всех трех памятниках при понижении температуры уменьшалась эффективность растворителей, соответственно требуя увеличения времени воздействия растворителя в 2-2.5 раза относительно каждого изменения параметров ТВР.

Для проведения эксперимента за эталон условий температурно-влажностного режима были взяты рекомендованные параметры для музейного хранения произведений станковой темперной живописи: температура 18-21°C, относительная влажность 55-65%. Два экспериментальных замера выполнялись на границах рекомендованных параметров температуры, а для сравнения были взяты максимальная и минимальная температуры, встречающиеся в рабочих помещениях. При изменении климата не создавалось экстремальных условий, параметры влажности устанавливались с учетом

рекомендованных пропорций. Таким образом, показатели температуры, в рамках которых удалось выполнить экспериментальные работы, находились в диапазоне от 16°C до 29°C. Важно отметить, что при выполнении реставрационных работ принято придерживаться параметров, установленных для музейного хранения, а отдельных методических рекомендаций для реставрационных процессов не существует. В ходе эксперимента работы по раскрытию показали разные результаты при температуре в 18°C и 21°C. Учитывая серьезные различия в действии растворителей, это может оказаться веским основанием для продолжения экспериментальных работ и необходимости выработки четких методических рекомендаций непосредственно для помещений, в которых выполняются реставрационные работы.

Таким образом, наличие экспериментального фонда позволяет нам исследовать и анализировать наши практические наблюдения, а также разрабатывать различные реставрационные материалы, корректировать техники и методики консервации и реставрации предметов и проверять их эффективность и безопасность на исторических предметах, не имеющих музейной ценности.

Недостаточно исследованным остается значение экспериментального фонда в сложении современных подходов к реставрации темперной живописи. В настоящий момент изучение собрания фонда ГОСНИИР продолжается. Нами устанавливается, происхождение икон этого собрания, систематизируется информация о времени и обстоятельствах их поступления в ГОСНИИР, а также документально и визуально определяется, какие именно экспериментальные работы проводились с предметами. Дальнейшее изучение обстоятельств формирования и использования экспериментального фонда ГОСНИИР представляется нам важным как для современной практической реставрации, так и для истории отечественной школы реставрации станковой темперной живописи.

ABOUT THE EXPERIENCE OF USING EXPERIMENTAL FUND WHEN DEVELOPING METHODS OF RESTORATION OF EASEL TEMPERA PAINTING

Chalenko Tatyana Tarasovna

Restorer, Head of Department of easel tempera painting
scientific restoration, State Research Institute of Restoration (Moscow)

Piunova Polina Ruslanovna

restorer of the Department of easel tempera painting
scientific restoration, State Research Institute of Restoration (Moscow)

Abstract. *This article opens a series of reports devoted to the history of the creation and use of the Experimental Fund in the department of scientific restoration of easel tempera painting of the State Research Institute of Restoration. It contains general information about the creation of the fund, the history of receipt of items and the initial objectives of the fund. Brief information is also provided on what problems are currently being solved in the tempera painting restoration department with the help of the fund. As an example of conducting research work, the article discusses an experiment conducted by the department on the influence of temperature and humidity conditions on the working compositions of solvents. Currently, the study of the history of the fund continues.*

Key words: *icon painting, easel tempera painting, scientific restoration, Experimental Fund, GOSNIIR.*

© Чаленко Т.Т., Пиунова П.П., текст, 2024
Статья поступила в редакцию 20.02.2024.
Публикуется в авторской редакции.

Ссылка на статью:

Чаленко, Т. Т., Пиунова, П. П. Об опыте использования экспериментального фонда при отработке методик реставрации станковой темперной живописи. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 2. – С. 23-26. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/651.html&j_id=60.

**СОВЕТСКИЕ ТЕАТРАЛЬНЫЕ ФЕСТИВАЛИ КАК ПРЕДТЕЧА
МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ФЕСТИВАЛЯ ИМ. А.П.ЧЕХОВА**

Гарафутдинов Дмитрий Владиславович

аспирант Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва,
преподаватель Московского драматического театра
«Постскриптум» (Москва)
Email: garafutdinov.dmitry@gmail.com

Аннотация. *Статья посвящена обзору советских театральных фестивалей как культурологического аспекта страны, а также влиянию данных фестивалей на Международный театральный фестиваль им. А.П.Чехова. Цель автора – выявить преемственность традиций, благодаря которым Международный театральный фестиваль им. А.П.Чехова является одним из ведущих театральных фестивалей мира, вопреки всем социальным и политическим вызовам. Данная работа заинтересует круг людей, которые занимаются исследованиями в сфере культуры и театра в частности, а также студентов, магистрантов и аспирантов по направлениям «Культуроведение и социокультурные проекты», «Театроведение», «Театральное искусство».*

Ключевые слова: *Международный театральный фестиваль им. А.П. Чехова, советские театральные фестивали, театр, культура, искусство, преемственность традиций.*

Театральные фестивали – это не только яркое и зрелищное явление, это важный образовательно-культурологический и социальный феномен. А в случае с международными фестивалями – это событие, охватывающее сразу несколько государств также в ряде вышеизложенных аспектов. Проведение театральных фестивалей помогает сохранить, а также поделиться традициями и укрепить отношения между государствами, городами или отдельными регионами в зависимости от уровня фестиваля. На данных мероприятиях участники из разных коллективов могут делиться опытом своих мастерских и выстраивать связи для реализации новых творческих проектов.

В России театральные фестивали приобрели широкую известность в конце 1910-х годов. В только сформировавшемся новом государстве уделяли большое внимание развитию самых разных по масштабу и направлению театральных фестивалей. Такое внимание способствовало укреплению межкультурных коммуникаций, подъему уровня театрального искусства и интереса публики к нему, развитию молодежных театральных коллективов даже в самые сложные для государства периоды. После развала Советского Союза многолетний опыт проведения фестивалей интегрировал в новые театральные движения, одним из которых стал Международный театральный фестиваль им. А.П.Чехова, впервые состоявшийся в 1992 году. Вобрав в себя все самое лучшее, он сохраняет и развивает традиции и опыт прошлого, несмотря на культурно-политические и социальные вызовы современности. Однако какие традиции перенял и продолжил Чеховский фестиваль? И почему театральные фестивали были неотъемлемой частью культурной программы в Советском Союзе?

**Обзор советских театральных фестивалей
в качестве культурологического аспекта страны**

Первые фестивали, посвященные драматическому искусству, активно стали проводиться с конца первого десятилетия XX века. В то время все внимание на театральных смотрах было обращено на пьесы. Так, в 1918 году состоялся конкурс ЦК Пролеткульта; в 1919 году были организованы творческие состязания при Наркомпросе отдела театров и зрелищ, в жюри которого входили

М.Горький, Ф.Шалапин, А.Луначарский; в 1920 – конкурс Политуправления Петроградского военного округа, конкурс Госиздата, конкурс Петроградского театрального отдела Наркомпроса; в 1921 – конкурс Московского театрального отдела Наркомпроса на пьесу для детских театров; в 1922 – Конкурс комиссии по оказанию помощи голодающим ("Помгол") на пьесы о борьбе с голодом и др. [1] Основной идеей данных мероприятий были отказ и разрушение устоев старой «буржуазной» культуры и создание своей «пролетарской» культуры с нуля, а также обращение к актуальным социальным проблемам.

В 1930-е гг. были организованы первые фестивали, посвященные только театральному искусству. Одним из главных, организованных в этот период был Международный театральный фестиваль в Москве, проводившийся с 1933 по 1938 г. Перед его создателем, Государственным акционерным обществом «Интурист», стояло несколько задач. Во-первых, идеологическая, которая заключалась в том, чтобы показать: пролетарская революция не несет гибели международной культуре, что большевики не варвары и не отрицают всего лучшего из буржуазной культуры. Во-вторых, задача показать гостям фестиваля «мощные пьесы о новых и важных проблемах, возникающих в устремленной вперед жизни социалистического государства» [4]. В 1933 г. такими «мощными пьесами» были «Бронепоезд 14-69» Иванова, «Черный Яр» Афиногенова о борьбе с кулаками и «Мятеж» Фурманова (премьеры этих спектаклей состоялись в 1926-1929 годах). В-третьих, важно было продемонстрировать многообразие многонациональной советской культуры, заботу о национальных меньшинствах. С этой целью на фестивале показывались спектакли Еврейского театра (ГОСЕТ) под руководством Михоэлса, Цыганского театра «Ромэн», Театра Грузии им. Шота Руставели под руководством Александра Ахметели.

Фестиваль имел колоссальный успех. Динамика посещения с каждым годом стремительно нарастала. Газета «Правда» писала: «В 1933 году, на первом показе достижений советского театра присутствовало 60 иностранных туристов из 11 стран. <...> На втором фестивале, который состоялся в 1934 году, присутствовало уже 234 иностранных гостя из 18 стран; в 1935 году приехало 310 человек из 26 стран, а в прошлом году было 602 человека из 26 стран мира. Таким образом, число иностранных гостей за короткий срок выросло в десять раз» [5]. Данный интерес к фестивалю и традициям русского театра объясняется гастрольным успехом МХАТ во главе с К.С.Станиславским 1923-1924 годов, Музыкальной студии В.И.Немировича-Данченко при МХАТ в 1925 г, успехом европейских гастролей А.Таирова 1923, 1925 и 1930 годов и гастролей Вс.Мейерхольда в 1930 году, а также выходом книги К.С.Станиславского «Моя жизнь в искусстве» в 1924 году на английском языке.

Помимо Международного театрального фестиваля, в 1930 г. состоялась Всесоюзная олимпиада театров и искусства народов СССР. В ней участвовали 16 театров и были показаны 30 спектаклей. С 1936 г. начали проводиться Декады искусства и литературы. Данный фестиваль предлагал зрителям к просмотру драматические спектакли профессиональных и самодеятельных коллективов.

В СССР также организовывались фестивали, посвященные дружбе народов социалистических стран. На них были представлены классические и современные пьесы драматургов из Польши, Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии и ГДР.

Даже во время Великой Отечественной Войны театральные фестивали не переставали проходить на территории СССР. В 1941 г. был организован показ искусства Ленинградской области, в 1943-1944 гг. – смотр работ молодых режиссеров в театрах СССР.

Середина 1950-х годов ознаменовалась масштабными изменениями в театральном искусстве. В это время переосмысливались идеи режиссеров Константина Станиславского, Всеволода Мейерхольда, Евгения Вахтангова, Александра Таирова. В театрах по-новому стали ставить классические произведения и искали новые имена. В 1956 г. выпускники Школы-студии МХАТ основали «Современник», в 1963 г. Анатолий Эфрос стал художественным руководителем Московского театра имени Ленинского комсомола (сейчас – «Ленком»), а через год открылся Театр на Таганке.

В это время было важно привлекать внимание горожан к театру. Поэтому в 1964 г. было принято решение провести в столице фестиваль «Московская театральная весна». Название праздника было выбрано в честь времени года, когда он проходил. «Московская театральная весна» представляла

зрителю итоги работы театров за завершающийся сезон. Организаторами мероприятия являлись Управление культуры Исполкома Моссовета и Всероссийское театральное общество.

В 1964 г. «Московская театральная весна» проходила с 16 по 31 мая. В фестивале приняли участие все столичные театры. Они представили зрителям свои лучшие работы за театральный сезон 1963-1964 годов. Среди них были Театры имени М.Н. Ермоловой, имени Моссовета, имени К.С.Станиславского и В.И.Немировича-Данченко, имени В.В.Маяковского, Театр Сатиры и МТЮЗ. Было представлено по два спектакля от каждого театра-участника. Один – на звание лучшего спектакля сезона, а другой презентовался как лучшая новая работа с ограничением, что его премьера должна была состояться не ранее апреля 1964 года, то есть перед самым конкурсом. Спектакли оценивали деятели театрального искусства и театральной общественности Москвы. Особое внимание уделялось постановкам, посвящённым современности, в которых наиболее полно и достоверно раскрывалась жизнь советского общества.

Завершался фестиваль «Московская театральная весна» награждениями. Лучшие постановки получали возможность быть представленными зрителю на сцене Кремлёвского театра в начале следующего театрального сезона. «Московская театральная весна» стала одним из главных ежегодных событий театрального искусства города. Благодаря фестивалю расширялось многообразие спектаклей, создавались тенденции для развития театральных жанров, роста потребности общества в театре.

Еще одним знаковым событием театральной жизни послевоенного периода является фестиваль драматического искусства ГДР в СССР. Фестивали драматического искусства социалистических стран в Советском Союзе давно стали традицией. Тем не менее, данное мероприятие было особенным, поскольку стало первым смотром работы советских театров над драматургией ГДР. В нем приняли участие около 120 театров. География смотра охватывала всю страну. В афише фестиваля были заявлены как произведения современных драматургов Германской Демократической Республики, так и классиков, например, Ф.Шиллера. Над постановками работали не только советские режиссеры. Так, Московский театр имени М.Н.Ермоловой поручил главному режиссеру Магдебургского театра Петеру Зоданну постановку пьесы современного драматурга ГДР Альфреда Матуше «Ван-Гог». Фестиваль имел большое значение в культурном и политическом плане, подчеркивая тесную связь между государствами, идущими по пути социализма.

Важно также упомянуть Международный фестиваль уличных театров, который проходит в Архангельске с 1990 года. Он является старейшим фестивалем уличных театров в России.

Таким образом, театральные фестивали, проводившиеся в Советском Союзе, имели большое значение для культурного развития государства. Благодаря фестивалям выстраивалась тесная межкультурная коммуникация, повышался интерес населения к искусству и активно развивалось советское театральное творчество.

Влияние советских театральных фестивалей на Международный театральный фестиваль им. А.П.Чехова

Идея организации Чеховского фестиваля являлась главной целью возникшего во времена «перестройки» Союза Театральных Деятелей СССР. Основные задачи фестиваля виделись в разрушении стен между советским и всемирным театральным искусством и помощи отечественному театру ощутить себя частью мировой культуры. Однако реализовать данную идею удалось лишь после распада Советского Союза: первый Международный фестиваль им. А.П.Чехова состоялся в 1992 году. На волне глобальных перемен фестиваль стал тем связующим звеном, которое позволило людям театра сохранить духовное и профессиональное единство в условиях разобщенности. Вопреки сложной политической и экономической ситуации в стране, результаты фестиваля оказались впечатляющими. Были показаны 11 спектаклей из 9 стран мира.

Организаторы во главе с К.Ю.Лавровым, О.Н.Ефремовым и В.И.Шадриним приняли решение продолжать развивать фестиваль. В этом им помог опыт прошлых лет. Пользуясь советской театральной традицией звать иностранных режиссеров для постановки спектаклей по зарубежной

драматургии, на III Международный театральный фестиваль им. А.П.Чехова был приглашен немецкий режиссер Петер Штайн для создания спектакля «Орестея» с участием российских актеров. Результаты работы были тепло приняты не только публикой фестиваля, но и зарубежными и российскими театральными критиками.

Также Чеховский фестиваль перенял опыт проведения уличных театральных фестивалей. Так, в 2001 году во время проведения четвертого фестиваля параллельно с III Международной театральной Олимпиадой появилась программа «Площадные театры мира», руководителем которой был Слава Полунин. В ней приняли участие около 50 уличных театров из 20 стран, а также 6 самых знаменитых клоунов, работающих на театральных подмостках.

Международный театральный фестиваль им. А.П. Чехова продолжает традиции советских фестивалей по развитию и укреплению межкультурных коммуникаций. Например, в 2008 году во время конфликта между Россией и Грузией В.И.Шадрин организовал выступления Тбилисского театра в России. В период «отмены» русской культуры на Западе организаторы фестиваля продолжают укреплять межкультурные коммуникации с дружественными странами Азии, Востока, Африки и Южной Америки.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что Международный театральный фестиваль им. А.П.Чехова быстро стал одним из ведущих театральных фестивалей мира благодаря успешно интегрированному опыту проведения советских фестивалей. Опираясь на этот опыт, организаторы фестиваля могут не только использовать уже созданные приемы и модели проведения фестивалей, но и на их основе создавать новые формы и тенденции, отвечающие всем современным вызовам.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Театральная энциклопедия : в 5 т. Т. 5 // Гл. ред. П.А.Марков. – Москва : Сов. энциклопедия, 1967.
- [2] Лапина, Г. В. Американские паломники в театральной Мекке: Московские театральные фестивали «Интуриста» 1933-1937 гг. // Литературные связи и контакты. – 2022. – № 2, – С. 98-132.
- [3] Клюев, В. Фестиваль драматического искусства ГДР в СССР // Театральная жизнь. – 1976. – № 5. – С. 6-9.
- [4] Третий театральный фестиваль // Литературная газета. – 1935. –15 сен.
- [5] Пятый советский театральный фестиваль // Правда. – 1937. –31 авг.
- [6] Архив Архангельского Молодежного театра : [сайт]. – URL: <https://panov-archive.ru/> (дата обращения: 29.03.2024).
- [7] Театральное счастье. История Международного Чеховского фестиваля : Интервью с А.Бартошевичем // Смотрим.ру : [сайт]. – URL: <https://smotrim.ru/audio/2657852> (дата обращения: 29.03.2024).
- [8] Главархив рассказал, как в 1964 году проходил фестиваль «Московская театральная весна» // Центральный государственный архив города Москвы : официальный сайт. – URL: <https://cgamos.ru/news/e57419/> (дата обращения: 29.03.2024).
- [9] Международный театральный фестиваль им. А.П. Чехова : официальный сайт. – URL: <https://chekhovfest.ru/festival/history/> (дата обращения: 29.03.2024).
- [10] Великая Культура : сайт проекта. – URL: <http://velikayakultura.ru/russkiy-teatr/teatralnyiy-festival-istoriya-konkursov-v-sssr-i-rossii> (дата обращения: 29.03.2024).

SOVIET THEATER FESTIVALS AS THE FORERUNNER OF THE CHEKHOV INTERNATIONAL THEATER FESTIVAL

Garafutdinov Dmitry Vladislavovich

Post-graduate student, Likhachev Russian Research
Institute for Cultural and Natural Heritage,
Teacher, Moscow Drama Theater "Postscriptum" (Moscow)

Abstract. *The article is devoted to an overview of Soviet theater festivals as a cultural aspect of the country, as well as the influence of these festivals on the Chekhov International Theater Festival. The author's goal is*

to identify the continuity of traditions, thanks to which the Chekhov International Theater Festival is one of the leading theater festivals in the world, despite all social and political challenges. This work will be of interest to a range of people who are engaged in research in the field of culture and theater in particular, as well as students, undergraduates and postgraduates in the fields of "Cultural studies and socio-cultural projects", "Theater Studies", "Theatrical Art".

Key words: *Chekhov International Theater Festival, Soviet theater festivals, theater, culture, art, continuity of traditions.*

© Гарафутдинов Д.В., текст, 2024
Статья поступила в редакцию 20.02.2024.

Ссылка на статью:

Гарафутдинов, Д. В. Советские театральные фестивали как предтеча Международного театрального фестиваля им. А.П.Чехова.
– Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 2. – С. 27-31. – URL: http://cjournal.ru/rus/journals/652.html&j_id=60.

ОТНОШЕНИЕ К ЦЕННОСТЯМ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ АДЫГСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Натхо Адам Юрьевич

Кубанский государственный университет (Краснодар)

Email: adamnatkho13@gmail.com

Аннотация. Предметом исследования в статье является отношение адыгской молодежи к ценностям традиционной этнокультуры, выраженное оценками важности базовых форм этнокультуры в повседневной жизни. Комплекс общенаучных (типология, сравнение, обобщение) и специальных методов, включая культурологическую атрибуцию и контент-анализ, которые позволили рассмотреть предмет исследования как ресурс формирования общероссийской гражданской идентичности, а также опросный метод сбора эмпирических данных, статистические и математические приемы их обработки, обеспечивает достоверность и научную новизну полученных результатов. Установлено, что традиционные ценности населяющих Россию народов являются важным фактором и социокультурным основанием развития общероссийской гражданской идентичности.

Ключевые слова: традиционная культура, ценности, молодежь, общероссийская идентичность, культурологическая атрибуция, этнокультура, адыги.

Актуальность изучения отношения молодежи к ценностям традиционной культуры обусловлена, прежде всего, необходимостью сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей народов России, в защиту которых выступает российское государство, определяя их как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение <...> передаваемые от поколения к поколению...» [1]. В Стратегии ЮНЕСКО на новый восьмилетний период (2022-2029) проблема отношения к традиционной культуре выступает ключевой и реализована в концепциях сохранения культурного наследия и межкультурного диалога [2; 3]. Учитывая, что современная российская культура носит транзитивный, переходный характер [4], отношение молодежи к ценностям традиционной культуры представляет острую проблему поиска социокультурных оснований воспроизводства культуры и построения общегражданской российской идентичности.

Необходимо отметить, что этнополитические процессы на Кавказе и отношение к ним студенческой молодежи находятся под пристальным вниманием социологов [5; 6]. Существенным является акцент ученых на социологических замерах представлений студенческой молодежи об исторических и современных социокультурных процессах [3]. С опорой на концепцию общегражданской идентичности Э.Смита, в которой общегражданская идентичность формируется из таких базовых элементов, как этническая идентичность, этническая солидарность, этнокультура и историческая память [7, с. 16], коллеги приходят к выводу о снижении в представлениях молодежи роли традиционных духовно-нравственных ценностей под влиянием норм и ценностей, транслируемых блогосферой и социальными сетями Интернета: «при возрастании роли гражданской идентичности в сознании молодежи, национальная и религиозная идентичности продолжают оставаться значимыми для абсолютного большинства молодых людей Кавказа», – а также подчеркивают, «что среди молодежи региона сохраняются риски конфликтности гражданской, национальной и религиозной идентичностей» [6, с. 123].

Вполне очевидно, что конфликт идентичностей учеными понимается как фактор риска, препятствующий общегражданской солидарности, необходимой для преодоления транзитивного состояния культуры. Вопрос о социокультурных основаниях общегражданской российской

идентичности в этой связи является основополагающим, а его решение, если следовать логике Э.Смита, заложено в многовековом опыте поколений сохранения этнической идентичности.

Существенную проблему, таким образом, представляет поиск общего основания масштабирования этнической идентичности до уровня национальной общегражданской идентичности многонационального государства и таким общим основанием может служить именно отношение молодежи к системам традиционных ценностей. Наш тезис состоит в том, что отношение к системам традиционных ценностей автохтонной культуры вне зависимости от этнокультурной принадлежности является коммуникативным мостом, сближающим культуры при сохранении культурного разнообразия: общая этическая норма уважения к традициям другого может сложиться исключительно на базе знания и уважения традиций собственного народа, собственной этнокультуры.

Существенное место в трансляционных механизмах культуры отношения человека (индивида, социальной группы, общества) к культуре на протяжении XX в. постоянно находилось в сфере теоретического внимания (М.Вебер, П.А.Сорокин, Р.Мертон, Б.Малиновский, Ю.Хабермас и др.). Кроме того, в постструктуралистской риторике актуализирован призыв к пересборке социальности (reassembling the social) на основе опыта традиционных культур [8]. Преследуя цель поиска общих оснований для общегражданской идентичности на базе сложной совокупности культурных особенностей полиэтничного региона, следует упомянуть структурно-функциональную теорию культурных универсалий, в которой, по мысли её основателя, в любых обществах можно наблюдать типовые аспекты жизни вне зависимости от культурного разнообразия и каких-либо различий этапов общественного развития [9]. Конфликт идентичностей преодолевается за счет артикуляции общей проблемы безопасности [10], которая в условиях интенсивной цифровизации средств социальной коммуникации обретает конфигурацию общей социальной реакции, некоторого универсального паттерна поведения, обусловленного, как отметила группа ученых под руководством А.М.Ерохина, трансформацией ценностей в сознании молодежи «под влиянием блогосферы и социальных сетей» [6, с. 123]. Вне зависимости от этнокультурных различий особое отношение к автохтонной этнокультуре актуализирует общую экологическую угрозу нового типа [11], противодействие которой в рамках концепции медиа-экологии и экологии культуры формирует социокультурные основания общегражданского единства на базе концепции сохранения важнейшей сферы нематериального культурного наследия народов России – комплекса традиционных форм этнокультуры.

Поскольку формирование отношения молодежи к ценностям традиционной культуры может стать триггером общегражданского единства многонациональной России, представляется актуальной и своевременной диагностика этого локуса отношения к культуре на примере адыгской молодежи.

История и культура адыгов (черкесов) составляет предмет достаточно обширного корпуса исследований как отечественных (Ф.И.Леонтович, А.М.Ладыженский, Л.И.Лавров, Б.Х.Бгажноков, Р.А.Ханаху, Р.Д.Хунагов, Х.М.Казанов, Л.Н.Кубашичева, К.Р.Мухаметшина, Ф.А.Озова, З.К.Бгуашева и др.), так и зарубежных ученых (У.Ричмонд, К.И.Натхо, А.Башкави, А.О.Азоука, А.Джаймуха и др.). Особое место в научной литературе занимает многолетний труд коллектива ученых Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М.Керашева под руководством профессора Р.А.Ханаху, посвященный комплексному изучению этнофеномена адыгагъэ (адыгство) и социологическим замерам адыгской этнокультуры начиная с 1990-х гг. [12].

Цель исследования состоит в разработке и апробации опросной модели диагностики отношения целевой аудитории к ценностям традиционной культуры на примере адыгской молодежи. Поставленная цель потребовала решения комплекса теоретических и практических задач:

- 1) выделить и типологизировать комплекс традиционных форм этнокультуры, применимый для диагностики отношения обыденного человека к ценностям традиционной культуры в повседневной жизни;
- 2) разработать опросную форму «Отношение адыгов к традиционным ценностям народной культуры в повседневной жизни» (далее Опрос) и провести опрос адыгской молодежи;
- 3) проанализировать собранные в ходе опроса данные.

Объектом исследования является комплекс традиционных форм этнокультуры, а предметом – отношение адыгской молодежи к ценностям традиционной этнокультуры в повседневной жизни.

Научная новизна исследования состоит в разработке и апробации опросной модели диагностики отношения адыгской молодежи к ценностям традиционной культуры в повседневной жизни, в сборе и анализе эмпирических данных.

Методология исследования опирается на комплекс общенаучных и специальных (культурологических и социологических) методов.

Определение и типологизация комплекса традиционных форм этнокультуры, применимого для диагностики отношения обыденного человека к ценностям традиционной культуры в повседневной жизни, потребовали опоры на теорию культурных универсалий [9] в её логичном дополнении и развитии в концепциях культурогенеза и культурной формы А.Я.Флиера [13], а также социокультурного процесса символизации успеха [14] и вытекающих из этих концепций специальных методов культурологической типологизации и атрибуции [15].

При разработке опросной формы диагностики отношения адыгов к ценностям традиционной культуры в повседневной жизни учитывалась «иерархическая метамодель ресакрализации духовных практик» [16], поскольку сам опрос является особым механизмом вмешательства в повседневную жизнь и триггером пересмотра отношения реципиентов к базовым ценностям традиционной культуры. На наш взгляд, иерархия семиотической сложности коммуникативных отношений обладает универсальной спецификой, позволяющей эксплицировать предложенную метамодель в исследовании трансляционных механизмов традиционной культуры.

Вступая в дискуссию с авторами иерархической метамодели, хотелось бы дополнить их существенный вклад собственным замечанием о том, что с возрастанием семиотической сложности коммуникативных отношений их результат в повседневных практиках традиционных культур закрепляется в форме сакральных ценностей: прагматика и рациональность результата сложных семиотических связей обыденным человеком воспринимается интуитивно в качестве особо ценного социального опыта за пределами сложной причинно-следственной обусловленности. Автор поддерживает мысль теоретиков о том, что в реальности коммуникативные отношения отличаются разнообразием, но предполагает зависимость уровня сакральной ценности в традиционных культурах от степени сложности необходимых для её выработки и идеализации (сакрализации/ресакрализации) коммуникативных отношений, а особую ценность обретает опыт, который может быть накоплен лишь усилиями нескольких поколений. Такая трактовка сакральных ценностей предполагает соотнесение самой процедуры опроса с методом концептуальной рекламы на основе ресакрализации духовных практик [16, с. 16].

Методология сбора и обработки эмпирических данных сформирована на основе авторизованного комплекса методов качественного и количественного анализа, включая контент-анализ. Опрос проводился двумя способами: 1) устное анкетирование, в ходе которого агент опрашивал респондента, заполняя электронную опросную форму Google Forms; 2) сетевое распространение опросной формы от агента к респонденту и далее к ближнему кругу респондента путем передачи ссылки на опросную форму Google Forms с помощью мессенджеров WhatsApp и Telegram (в обоих случаях соблюдался принцип конфиденциальности персональных данных и условие передачи ссылки на опросную форму целевой аудитории). Обработка данных осуществлялась с помощью стандартных аналитических средств Google Forms и MS Excel.

В качестве источниковой и эмпирической базы исследования использованы этнографические сведения, обобщенные в трудах Б.Х.Бгажнокова [17], Р.А.Ханаху [12; 18], а также собранные автором в ходе опроса данные и нормативная база государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (Стратегия национальной безопасности РФ, Доктрина информационной безопасности РФ, Стратегия противодействия экстремизму в РФ до 2025 года, Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года, Основы государственной культурной политики, Стратегия развития информационного общества в Российской

Федерации на 2017-2030 годы, Указы Президента РФ от 07.05.2018 № 204, 21.07.2020 № 474, от 09.11.2022 № 809).

Всего в период с 16 августа 2023 г. по 28 августа 2023 г. принял участие в опросе 151 респондент: жители поселка Энем Тахтамукайского района Республики Адыгея и студенты отдельных учреждений высшего образования Юга России и Северного Кавказа (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Регионы проживания респондентов опроса (август, 2023)

№	Регион проживания	Результат:	
		число	%
1.	Республика Адыгея	82	54,3
2.	Кабардино-Балкарская Республика	58	38,4
3.	Ставропольский край	10	6,6
4.	Краснодарский край	1	0,7

Из 151 опрошенного подавляющее большинство (135 человек 89,4% от общего состава) представляют респонденты в возрасте до 35 лет (см. Таблицу 2), среди которых – 89 женщин и 46 мужчин.

Таблица 2. Возрастные группы респондентов опроса (август, 2023)

№	Возрастная группа	Результат	
		число	%
1.	до 21 года	113	74,8
2.	22-35 лет	22	14,6
3.	36-50 лет	12	7,9
4.	51-65 лет	3	2,0
5.	более 65 лет	1	0,7

Помимо дифференциации респондентов по (а) региону проживания, (б) возрастной группе, (в) полу, (г) уровню образования и (д) уровню урбанизации места проживания, целевой аудитории было предложено:

во-первых: оценить по пятибалльной шкале важность ценностей народной культуры, структурированных из семи базовых форм адыгской культуры, сформулированных на основе обобщения опыта многолетних исследований [12; 17; 18]:

- 1) традиционная этика, мораль и этикет (Адыгэ Хабзэ или Шариат);
- 2) знание родного языка;
- 3) знание Нартского эпоса и народных песен;
- 4) традиционные обряды и национальные танцы;
- 5) национальный костюм;
- 6) национальная кухня;
- 7) национальные виды спорта;

во-вторых: соответственно каждой из семи традиционных ценностей респондентам предложено выбрать одно из суждений (от 5 до 7 суждений о степени востребованности ценности в повседневной культуре), в наибольшей степени соответствующее, по мнению респондента, характеристике его отношения к данной ценности.

Полностью собранные данные опубликованы в публичном репозитории Harvard Dataverse [19]. Здесь ограничимся сравнением оценки важности ценностей народной культуры мужчинами и женщинами в возрасте до 35 лет и атрибутируем полученные показатели с перечнем формирующих мировоззрение

граждан России нравственных ориентиров, положенных в основу общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны (см. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809).

Основанием культурологической атрибуции традиционных ценностей адыгской культуры с нравственными ориентирами общероссийской гражданской идентичности является то, что совокупность оцененных респондентами ценностей является носителем (означающим) определенного контента, транслирующим те или иные идеалы (означаемого). Соответственно, культурологическая атрибуция ценностей и идеалов (соотнесение распространения качества отдельного артефакта в культурных системах двух порядков) позволяет осуществить количественный подсчет выраженного контента и его ценности для отдельных групп респондентов.

Для упрощения таблицы культурологической атрибуции (Таблица 3) нравственные ориентиры общероссийской гражданской идентичности (ООИ) были пронумерованы (см. пояснения к этой таблице).

В столбце 2 «Атрибуты оценки» этой таблицы в указан перечень культурных форм адыгской этнокультуры, представляющих ценность традиционной культуры адыгов, а в столбце 5 «ООИ» перечислены установленные номера задекларированных указом Президента России ориентиров общероссийской гражданской идентичности, которые могут быть выражены соответствующей формой этнокультуры.

В столбцах 3, 4 представлены средние значения оценок респондентами в возрасте до 35 лет по пятибалльной системе важности отдельной формы этнокультуры: «μЖ» — средняя оценка женщинами, «μМ» — средняя оценка мужчинами.

Таблица 3. Культурологическая атрибуция комплекса ценностей адыгской традиционной культуры (означающего) с выраженными ими ориентирами общероссийской гражданской идентичности (означаемого)

№	Атрибут оценки	μЖ	μМ	ООИ
1	2	3	4	5
1.	Этика: Важность традиционной этики, морали и этикета (Адыгэ Хабзэ или Шариат)	4,92	4,93	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16
2.	Язык: Важность знания родного языка	4,97	4,96	1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15
3.	Эпос и песни: Важность знания Нартского эпоса и народных песен	4,91	4,80	1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16
4.	Обряды и танцы: Важность традиционных обрядов и национальных танцев	4,96	4,93	1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16
5.	Костюм: Важность национального костюма	4,88	4,83	2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 13, 14, 15, 16
6.	Кухня: Важность национальной кухни	4,71	4,74	1, 2, 3, 8, 9, 11, 12, 14, 15, 16
7.	Спорт: Важность национальных видов спорта	3,96	4,96	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16

ООИ – ориентиры общероссийской гражданской идентичности:

- 1 – жизнь, 2 – достоинство, 3 – права и свободы человека, 4 – патриотизм,
- 5 – гражданственность, 6 – служение Отечеству и ответственность за его судьбу,
- 7 – высокие нравственные идеалы, 8 – крепкая семья, 9 – созидательный труд,
- 10 – приоритет духовного над материальным, 11 – гуманизм, 12 – милосердие,
- 13 – справедливость, 14 – коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение,
- 15 – историческая память и преемственность поколений, 16 – единство народов России.

Необходимо отметить, что не смотря на возможные расхождения в трактовке отдельных понятий, составляющих перечень ориентиров общероссийской гражданской идентичности, все они так или иначе транслируются анализируемой совокупностью форм адыгской этнокультуры. Социокультурную ценность в данном случае представляет не абсолютное соответствие установок государственной

политики традиционным ценностям адыгской этнокультуры, а потенциал интерпретации ориентиров общероссийской гражданской идентичности в категориях ценностей этнокультуры. Установки государственной политики могут быть поняты, интерпретированы, а соответственно достижимы, лишь при условии указанного потенциала, который вполне очевиден (см. Таблицу 3).

Культурологическая атрибуция, усиленная приемами контент-анализа, позволяет выстроить своего рода рейтинг ориентиров общероссийской гражданской идентичности, выраженных комплексом ценностей адыгской традиционной культуры (Таблица 4).

Таблица 4. Рейтинг ориентиров общероссийской гражданской идентичности, выраженных комплексом ценностей адыгской традиционной культуры

<i>Место рейтинга</i>	<i>Ориентиры общегражданской идентичности (означаемое)</i>	<i>Количество означающих</i>
1	достоинство крепкая семья созидательный труд коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение историческая память и преемственность поколений права и свободы человека	7
2	патриотизм высокие нравственные идеалы приоритет духовного над материальным единство народов России служение Отечеству и ответственность за его судьбу жизнь гуманизм	6
3	милосердие справедливость	5
4	гражданственность	4

Рейтинг образуется путем подсчета количества означающих (атрибутов оценки опроса), выражающих отдельные ориентиры общероссийской гражданской идентичности (означаемого). К примеру, означаемые «достоинство» (2), «крепкая семья» (8), «созидательный труд» (9), «коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение» (14), «историческая память и преемственность поколений» (15), «права и свободы человека» (3) выражены всеми семью атрибутами, а означаемое «гражданственность» (5) выражено только четырьмя атрибутами: «Этика», «Язык», «Костюм», «Спорт». Рейтинг свидетельствует о степени отражения ориентиров общегражданской идентичности этнокультурой. А показатели оценок важности форм этнокультуры свидетельствуют об устойчивости их влияния на мировоззрение молодежи (см. Рис. 1).

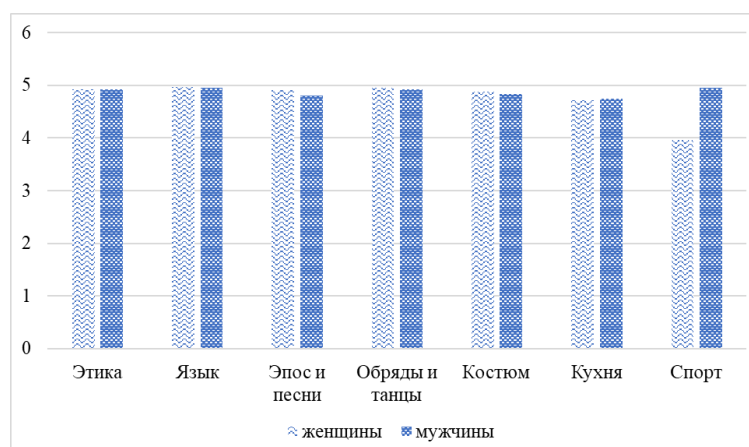

Рис. 1. Оценка адыгской молодежью важности традиционных ценностей этнокультуры

Если взять во внимание, что максимально возможное значение числового показателя средней оценки важности форм этнокультуры – «5», следует указать на высокую оценку респондентами комплекса представленных для оценки аргументов: наименьшая оценка «3,96» характеризует важность спорта (аргумент «Спорт: Важность национальных видов спорта») для женщин, важность остальных форм этнокультуры адыгская молодежь оценила в подавляющем большинстве максимально (средние значения от «4,71» до «4,97»).

В совокупности полученные результаты свидетельствуют о существенном потенциале ценностей адыгской этнокультуры в формировании общероссийской идентичности, значимом для адыгской молодежи. Вероятнее всего, далеко не вся молодежь так высоко ценит базовые формы собственной этнокультуры, поэтому исследования отношения российской молодежи различной национальности к собственной этнокультуре следует продолжить. Более широкий охват аудитории позволит получить релевантные данные для сравнения возрастных особенностей. Но вполне очевидно, что традиционные ценности населяющих Российскую Федерацию народов являются весомым фактором, социокультурным основанием развития общероссийской гражданской идентичности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России: официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 04.09.2023).
- [2] *Spivak, D.L.* Intercultural dialogue in UNESCO new medium-term strategy // *International Journal of Cultural Research*. – 2022. – N 1 (46). – P. 111-125. DOI 10.52173/2079-1100_2022_1_111.
- [3] *Спивак, Д. Л.* Диалог наследий в культурной стратегии ЮНЕСКО. – DOI 10.34685/ИИ.2023.37.95.011. – Текст: электронный // *Культурологический журнал*. – 2023. – № 2. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/614.html&j_id=56 (дата обращения: 29.03.2024).
- [4] *Рындин, Е. В.* Процессы идеологизации культуры в транзитивном обществе / *Рындин Е.В., Трунов А.А., Черникова Е.И.* // *Социология и психология перед вызовом цифровизации*. Белгород: Белгородский университет кооперации, экономики и права, 2022. С. 30–37.
- [5] Национальная политика СССР и ее влияние на современную этнополитическую ситуацию в представлениях молодежи Северного Кавказа / *Е. А. Авдеев, А. В. Аверьянов, С. М. Воробьев* [и др.]; отв. ред. А. М. Ерохин. – Ставрополь : Бюро новостей, 2022. – 370 с.
- [6] *Ерохин, А. М.* Этнополитические процессы на Кавказе: конфликт идентичностей и политическая активность молодежи / *Ерохин А.М., Воробьев С.М., Авдеев Е.А.* // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. – 2021. – Т. 26. – № 5. – С. 112-125.
- [7] *Smith, A.* *The Ethnic Origins of Nations*. – Oxford : Basil Blackwell, 1986. – 312 p.
- [8] *Latour, B.* *Ecological Mutation and Christian Cosmology* // *International Congress of the European Society for Catholic Theology [Conference]*. Osnabrück: Osnabrück University, 2021. – URL: <http://www.bruno-latour.fr/sites/default/files/177-OSNABRUCK-GB.pdf> (дата обращения: 05.09.2023).
- [9] *Мёрдок, Д. П.* Фундаментальные характеристики культуры / пер. В. Г. Николаева // *Антология исследований культуры*. Т. 1: Интерпретация культуры. – Санкт-Петербург : Универс. книга, 1997. – С. 49-57.
- [10] *Rothman, J.* *Resolving Identity-Based Conflict in Nations, Organizations, and Communities*. – San Francisco : Jossey-Bass Publishers, 1997. – 224 p.
- [11] *Бакуменко, Г. В.* Экология социальной коммуникации в контексте интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий // *Актуальные вопросы экологии человека: социальные аспекты*. – Уфа : Исслед. центр инф.-прав. технологий, 2017. – С. 30-34.
- [12] *Социальное познание в регионе / АРИГИ*; отв. ред. Р.А.Ханаху. – Майкоп : ЭлИТ, 2018. – URL: http://apsnyteka.org/file/Sotsialnoe_poznanie_v_regione.pdf (дата обращения: 05.09.2023).
- [13] *Флиер, А. Я.* *Культурогенез*. – Москва : РИК, 1995. 128 с.; *его же.* *Культурология для культурологов*. – Москва : Акад. Проект, 2000. – 496 с.
- [14] *Бакуменко, Г. В.* *Ценностная динамика символов успеха: на материале статистики кинопроката*. Москва : Сам Полиграфист, 2021. – 276 с.
- [15] *Бакуменко, Г. В.* Междисциплинарный потенциал культурологической атрибуции // *Культурология в теориях и практиках: к 30-летию кафедры культурологии МПГУ*. – Москва : МПГУ, 2022. – С. 50-61.

- [16] Hierarchical Metamodel of Communication in the Experience of Resacralization of Spiritual Practics / *Bakumenko G.V., Biryukov I.L., Scherbak N.F., Luginina A.G.* // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2023. – Vol. 5. – No. 2. – P. 15-45.
- [17] *Бгажноков, Б. Х.* Адыгская этика. – Нальчик : Эль-Фа, 1999. 96 с.; его же. Адыгский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1978. 160 с.; его же. Антропология морали. – Нальчик : КБИГИ, 2010. – 128 с.
- [18] *Ханаху, Р. А.* Адыгская (черкесская) философия и культура. – Майкоп : ЭЛИТ, 2022. – URL: <https://201824.selcdn.ru/elit-157/pdf/9785604763254.pdf> (дата обращения: 06.09.2023).
- [19] Отношение адыгов к традиционным ценностям этнической культуры в повседневной жизни: предварительный отчет пилотного исследования / Бакуменко, Г.; Натон, А.; Бакуменко, Д., 2023=The Attitude of the Adyghe to the Traditional Values of Ethnic Culture in Everyday Life: Preliminary Report of the Pilot Study / *Bakumenko G., Natho A., Bakumenko D.*, 2023 // *Harvard Dataverse*, V1. – URL: <https://doi.org/10.7910/DVN/NIRWKZ> (дата обращения: 06.09.2023).

ATTITUDE TO THE VALUES OF TRADITIONAL CULTURE OF ADYGHE YOUTH

Natkho Adam Yurievich

Kuban State University (Krasnodar)

Abstract. *The subject of the research in the article is the attitude of Adyghe youth to the values of traditional ethno-culture, expressed by assessments of the importance of the basic forms of ethno-culture in everyday life. A complex of general scientific (typology, comparison, generalization) and special methods, including culturological attribution and content analysis, which made it possible to consider the subject of research as a resource for the formation of all-Russian civic identity, as well as a survey method for collecting empirical data, statistical and mathematical techniques for their processing, ensures reliability and the scientific novelty of the results obtained. It has been established that the traditional values of the peoples inhabiting Russia are an important factor and sociocultural basis for the development of all-Russian civic identity.*

Key words: *traditional culture, values, youth, all-Russian identity, culturological attribution, ethno-culture, Adygs.*

© Натхо А.Ю., текст, 2024
Статья поступила в редакцию 20.02.2024.
Публикуется в авторской редакции.

Ссылка на статью:

Натхо, А. Ю. Отношение к ценностям традиционной культуры адыгской молодежи. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 2. – С. 32-39. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/653.html&j_id=60.

ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ В ВОСПРИЯТИИ ОБУЧАЮЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

Тюрина Евгения Вячеславовна

соискатель, Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва (Москва)
Email: take036@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена результатам всероссийского анкетирования «Объекты культурного наследия, имеющие для вас значение» в категории «обучающаяся молодежь» по вопросам: «Какие историко-культурные или современные объекты Вы показали бы своим гостям в месте (регионе) Вашего проживания (или «малой родины»)», «Какие природные объекты Вы показали бы своим гостям в месте (регионе) Вашего проживания (или «малой родины»)», «О каких традициях, праздниках, обычаях, Вы рассказали бы своим гостям в месте (регионе) Вашего проживания (или «малой родины»)». Описан уровень конкретизации ответов респондентов о культурном и природном наследии места проживания. Выявлены и проанализированы максимальные и минимальные показатели по субъектам России.*

Ключевые слова: *анкетирование, всероссийский опрос, идентичность, цивилизационная идентичность, обучающаяся молодежь, культурное и природное наследие, историческая память, традиции.*

Российская цивилизационная идентичность – это процесс осознания индивидом единства и солидарности с межэтническим сообществом россиян, взаимосвязанных исторической коллективной судьбой, близкими культурными ценностями, нормами и идеалами [1]. Вопрос цивилизационной идентичности всегда встает остро в моменты исторических испытаний [2], когда необходимо объединение людей, побуждение к коллективным действиям [3]. Именно в такие периоды возрастает роль молодежи, обладающей физической силой, активной жизненной позицией, способностью к самоопределению и объединению [4]. Необходимость восстановления и защиты ценностной цивилизационной самобытности России предполагает более подробное изучение российской цивилизационной идентичности молодежи [5].

Российская цивилизационная идентичность находится в неразрывной связи с региональной и локальной идентичностями. Региональная идентичность подразумевает осознание индивидом своей принадлежности к определенному региону, который характеризуется территориальной, историко-культурной, политико-правовой и языковой целостностью. Региональная идентификация представляет собой совокупность взаимодействующих локальных идентификаций [6]. Локальная идентичность определяется как чувство сопричастности человека к местному обществу и событиям, происходящим на территории непосредственного проживания (города, села, деревни) [7]. Социолог и культуролог Питирим Александрович Сорокин утверждал: «Из всех связей, которые соединяют людей между собой, связи по местности являются самыми сильными. Одно и то же местожительство порождает в людях общность стремлений и интересов. Сходство в образе жизни, семейные связи, товарищеские отношения, созданные еще с детства, придают им общий характер, создающий живую связь. В итоге образуется группа, отмеченная колоритом данного места. Таковы в России типы “ярославца”, “помора”, “сибиряка” и т.п.» [8].

Каждый регион Российской Федерации обладает своей уникальной идентичностью, основой которой является культурное наследие этносов региона, сформировавшееся в результате взаимодействия и совместного проживания на данной территории. Культурное и природное наследие места проживания

(или «малой Родины») является ядром сохранения традиций, исторических артефактов, исторической памяти для каждого конкретного места, что служит залогом сохранения и укрепления региональной и национальной идентичности [9].

В познании культурного наследия важная роль отводится системе образования. Обучающаяся молодежь отличается наиболее высоким образовательным уровнем, активным потреблением культуры и высоким уровнем познавательной мотивации [10]. Во время обучения у молодежи формируется прочная основа традиционных ценностей. Исследование восприятия обучающейся молодежью культурного и природного наследия позволит определить проблемные места и наметить перспективы и механизмы укрепления региональной и, как следствие, российской цивилизационной идентичности у молодежи в период обучения.

В период с июня по ноябрь 2023 года при поддержке Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачева проводилось всероссийское анкетирование «Объекты культурного наследия, имеющие для вас значение». Цель анкетирования: определить уровень информированности и осведомленности населения об объектах культурного наследия своего региона. Общее количество респондентов, принявших участие в анкетировании, составило 6152 человека практически из всех регионов России.

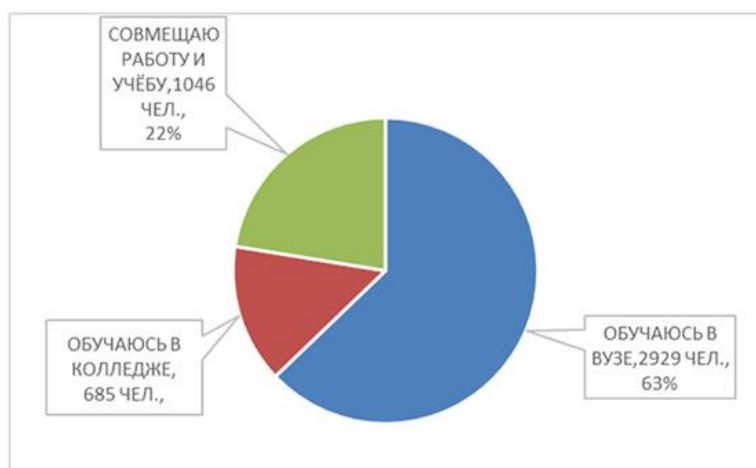

Рис. 1 Род деятельности обучающейся молодежи, принявшей участие в анкетировании

Целевую аудиторию опроса – обучающуюся молодежь составили 4660 человек из 70 субъектов Российской Федерации. В эту категорию вошли студенты вузов (2929 человек – 63%), учащиеся колледжей (685 человек – 15%), отдельную группу составила молодежь, совмещающая работу с учебой в вузе или колледже (1046 человек – 22%) (Рис. 1).

Возрастные рамки исследуемой группы респондентов находятся в границах 14-35 лет, что определено понятием «молодежь» на законодательном уровне Российской Федерации [11]. Категория 14-19 лет представлена 2363 респондентами (51%), 2297 человек – категория 20-35 лет (49%).

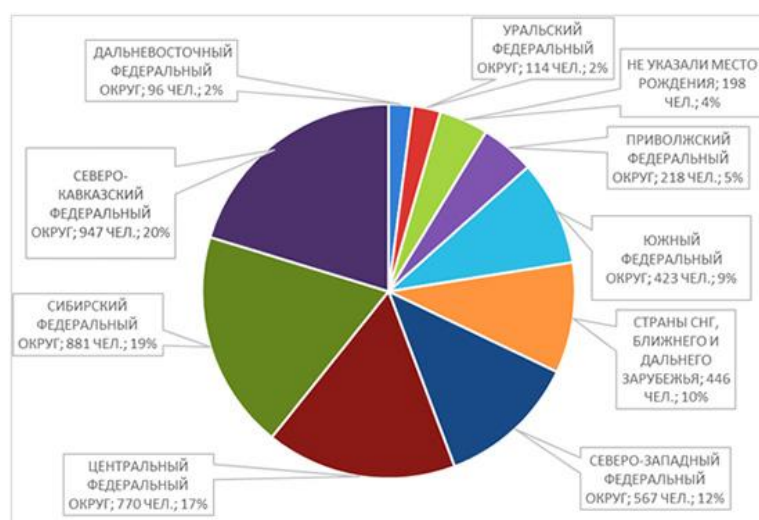

Рис. 2 Место рождения прошедшей анкетирование обучающейся молодежи

Местом рождения наибольшее количество респондентов из числа обучающейся молодежи указало Северо-Кавказский федеральный округ – 947 человек (20%), из которых большая часть – уроженцы Ставрополя – 619 респондентов. Сибирский федеральный округ указан местом рождения 881 человек (19%), наибольшее количество которых родились в Республике Тыва – 600 человек. Центральный федеральный округ местом рождения указали 770 респондентов (17%), большая часть которых родились в Московской области и Москве (303 и 207 человек соответственно). В Северо-Западном федеральном округе родились 567

человек (12%), где наибольшими значениями характеризуются Псковская область (221 респондент) и Калининградская область (180 респондентов). Страны СНГ, Ближнего и Дальнего зарубежья местом рождения указали 446 респондентов (10%). Южный федеральный округ местом рождения назвали 423 человека (9%), из которых наибольшее количество составили рожденные в Астраханской области – 245 респондентов и в Краснодарском крае – 95 человек. В Приволжском федеральном округе родились 218 человек (5%), из которых наибольшее число в Саратовской области – 67 человек. Уральский федеральный округ местом рождения указало 114 человек (2%), большее количество из которых родилось в Тюменской (39 человек) и Свердловской областях (26 человек). Меньше всего респондентов местом рождения указало Дальневосточный федеральный округ – 96 человек (2%), где большее значение показали Хабаровский край (25 человек) и Приморский край (29 человек). Не указали место своего рождения 198 респондентов (4%). Детальные характеристики по всем регионам представлены в Приложении 1 к данной статье, графически картина по округам в целом выглядит следующим образом (Рис. 2).

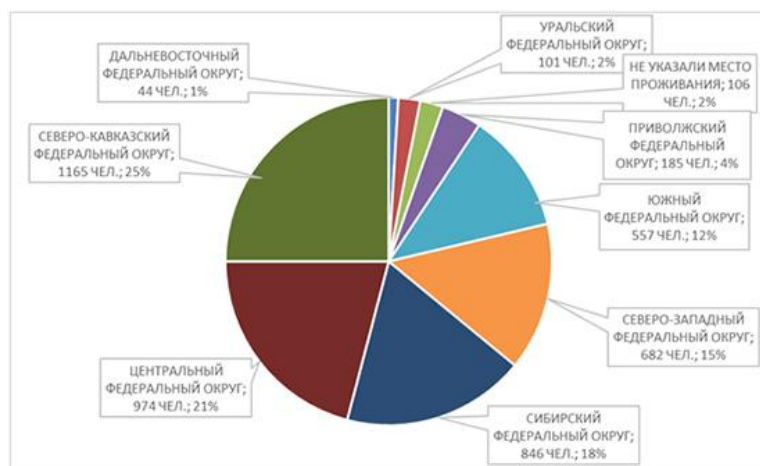

Рис. 3. Место проживания респондентов из числа обучающейся молодежи

Местом проживания наибольшее количество респондентов указало Северо-Кавказский федеральный округ – 1165 человек (25%), из которых наибольшее количество проживает в Ставропольском крае (883 человека) и в Кабардино-Балкарской Республике (188 человек). В Центральном федеральном округе проживают 974 опрошенных (21%), здесь наибольшие показатели – у Московской области (521 человек) и Москвы (287 человек). Сибирский федеральный округ местом проживания указали 846 респондентов (18%), наибольшее количество которых проживают в Республике Тыва (610 человек) и Красноярском крае (122 респондента). В Северо-Западном

федеральном округе проживают 682 респондента (15%), наибольшее число из которых в Псковской (282 человека) и Калининградской (273 человека) областях. Южный федеральный округ местом проживания указали 557 респондентов (12%), большая часть из которых проживает в Астраханской области (274 человека) и Республике Крым (194 человека). В Приволжском федеральном округе проживают 185 респондентов (4%), наибольшее количество из которых в Саратовской области (114 человек) и в Республике Марий Эл (39 человек). Уральский федеральный округ местом проживания указал 101 респондент (2%), чаще всего это Тюменская область (66 человек) и ХМАО–Югра (20 человек). Наименьшее количество респондентов, принявших участие в анкетировании, проживает в Дальневосточном федеральном округе – 44 человека (1%), где наибольшими показателями представлены Приморский край (20 человек) и Хабаровский край (19 человек). Не указали место проживания 106 респондентов (2%). Детальные характеристики по всем регионам представлены в Приложении 2, графически картина по округам в целом выглядит следующим образом (Рис. 3).

Для выявления уровня восприятия обучающейся молодежью России культурного и природного наследия регионов проживания были проанализированы ответы на вопросы анкеты: «Какие историко-культурные или современные объекты Вы показали бы своим гостям в месте (регионе) Вашего проживания (или «малой родины»)??», «Какие природные объекты Вы показали бы своим гостям в месте (регионе) Вашего проживания (или «малой родины»)??», «О каких традициях, праздниках, обычаях, Вы рассказали бы своим гостям в месте (регионе) Вашего проживания (или «малой родины»)??». Вопросы анкеты о культурном и природном наследии места проживания были открытыми и предполагали множественные ответы. При оценке результатов особое внимание было уделено ответам с указанием конкретных объектов, а не обобщающих понятий. Для корректного сравнительного анализа данных по отдельным субъектам были взяты регионы с количеством респондентов 10 и более человек, что составило 31 субъект Российской Федерации. Сведения по всем регионам, охваченным опросом, приведены в Приложении 3.

При ответе на вопрос «**Какие историко-культурные или современные объекты Вы показали бы своим гостям в месте (регионе) Вашего проживания (или «малой родины»)?**» 64% респондентов из числа обучающейся молодежи смогли конкретизировать такие объекты, а 36% затруднились с ответом.

Наибольшее число респондентов, конкретизирующих объекты культурного наследия, зафиксировано в Приволжском федеральном округе (80% прошедших анкетный опрос в округе), наименьшее – в Сибирском федеральном округе (53%). В целом ситуация по округам представлена на Рис. 4.

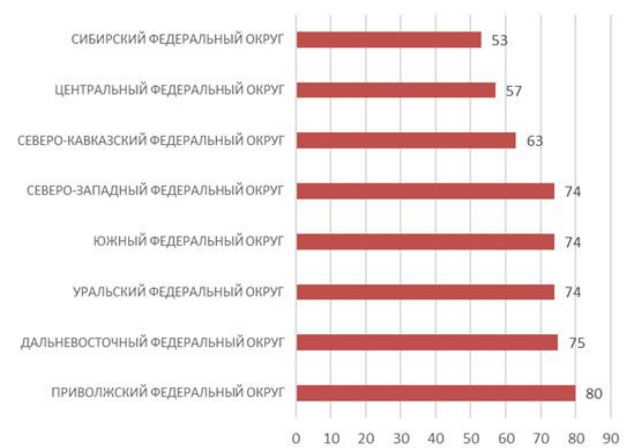

Рис. 4. Уровень осведомленности обучающейся молодежи об объектах культурного наследия своего места проживания

Республике Тыва (Сибирский федеральный округ) – 45%, Кабардино-Балкарской Республике (Северо-Кавказский федеральный округ) – 38%. Низкие показатели объясняются тем, что большая часть респондентов затруднилась ответить на вопрос или обобщила ответы. Обобщающие ответы звучали так: «местные достопримечательности», «музей, парк, сквер», «памятники, культурные комплексы, достопримечательности» и т.п.

Ответы на вопрос о знании молодежью объектов культурного наследия места проживания характеризуются достаточно высокими показателями. Это, на наш взгляд, связано в первую очередь с тем, что объекты всегда находятся в «поле зрения»: близость расположения и удобство посещения, привлечение внимания со стороны различных ресурсов (городские мероприятия, социокультурные проекты, СМИ, и т.д.).

При ответе на вопрос «**Какие природные объекты Вы показали бы своим гостям в месте (регионе) Вашего проживания (или «малой родины»)?**» 58% респондентов из числа обучающейся молодежи конкретизировали объекты культурного наследия, 42% испытали затруднения.

Наибольшее количество респондентов, конкретизирующих объекты природного наследия, проживают в Дальневосточном федеральном округе (75%), наименьший результат показали респонденты, проживающие в Центральном федеральном округе (43%). В целом ситуация по округам представлена на Рис. 5.

Большее количество респондентов, конкретизирующих объекты природного наследия, являются жителями Хабаровского края (Дальневосточный федеральный округ) – 95%, Ростовской области (Южный федеральный округ) – 82%, Красноярского края (Сибирский федеральный округ) – 82%. Наименьшее количество таких респондентов проживает в Республике Коми (Северо-Западный федеральный округ) – 50%, Донецкой Народной Республике (Северо-Кавказский федеральный округ) – 48%, Республике Ингушетия (Северо-Кавказский федеральный округ) – 46%, Республике Тыва (Сибирский федеральный округ) – 43%, Курской области (Центральный федеральный округ) – 40%, Кабардино-Балкарской Республике (Северо-Кавказский федеральный округ) – 39%, Московской области (Центральный федеральный округ) – 34%. Детализация ответов – в Приложении 3.

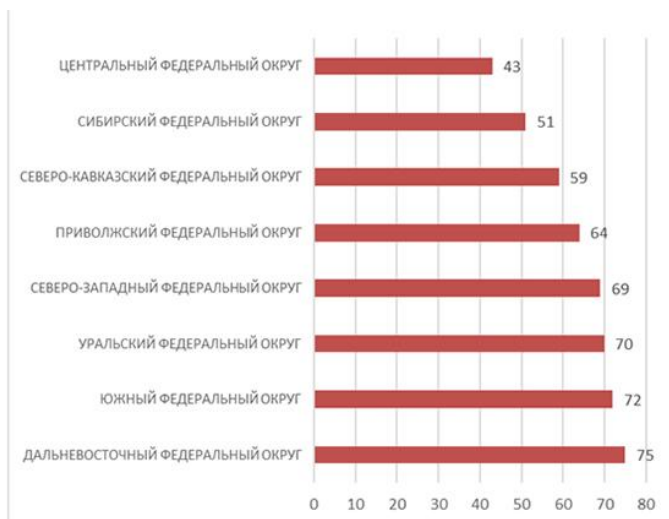

Рис. 5. Уровень осведомленности обучающейся молодежи об объектах природного наследия своего места проживания

(!), или 3% от общего числа респондентов региона, конкретизировали ответы на все три вопроса.

При ответе на вопрос «О каких традициях, праздниках, обычаях, Вы рассказали бы своим гостям в месте (регионе) Вашего проживания (или «малой родины»)?» половина респондентов конкретизировали традиции, праздники, обычаи, а половина затруднились ответить на вопрос.

Больше всего респондентов, конкретизирующих традиции, праздники и обычаи, проживает в Сибирском федеральном округе – 69%, самый низкий показатель – у представителей Северо-Западного федерального округа – 40% (Рис. 6).

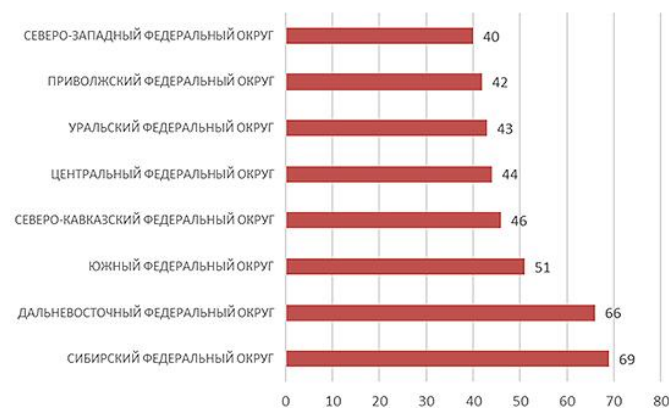

Рис. 6. Уровень осведомленности обучающейся молодежи о традициях, праздниках, обычаях своего места проживания

области (Северо-Западный федеральный округ) – 46%, Приморском крае (Дальневосточный федеральный округ) – 45%, Ставропольском крае (Северо-Кавказский федеральный округ) – 45%, Кабардино-Балкарской Республике (Северо-Кавказский федеральный округ) – 44%, Республике Крым (Южный федеральный округ) – 42%, Псковской области (Северо-Западный федеральный округ) – 41%, Тюменской области (Уральский федеральный округ) – 41%, Краснодарском крае (Южный федеральный округ) – 40%, Саратовской области (Приволжский федеральный округ) – 39%, Калининградской области (Северо-Западный федеральный округ) – 38%, Московской области (Центральный федеральный округ) – 36%, Кемеровской области – Кузбасс (Сибирский федеральный округ) – 30%, Республике Коми (Северо-Западный федеральный округ) – 26% респондентов. Детальная статистика – в Приложении 3.

Высокий показатель по Хабаровскому краю – отражение достаточно высокого уровня знакомства респондентов с природным наследием места проживания. Ответы на вопрос анкеты не вызвали у них затруднений и отличались детальностью: указывались кедрово-тисовая роща [12], Силянский лес [13], озеро Рудниковское [14], сопка Двух братьев [15], Змеиная сопка [16], река Амур [17], озеро Амут [18], заповедник Большехехцирский [19] и другие объекты природного наследия Хабаровского края.

Низкий показатель понимания молодежью природного наследия Московской области (34%) связан, возможно, с тем, что из 514 респондентов, принявших участие в анкетировании только 308 человек родились и выросли в Подмосковье (60%), а также с недостаточным просвещением, т.к. по результатам анкетирования только 45 человек

По отдельным субъектам высокий результат конкретизации традиций, праздников, обычаев – у респондентов из Республики Ингушетия (Северо-Кавказский федеральный округ) – 92% и Хабаровского края (Дальневосточный федеральный округ) – 89%. Представители 18 субъектов России показали низкий уровень конкретизации традиций и праздников места проживания: в Липецкой области (Центральный федеральный округ) – 50% респондентов, Ханты-Мансийском автономном округе – Югра (Уральский федеральный округ) – 50%, Республике Марий Эл (Приволжский федеральный округ) – 49%, Донецкой Народной Республике (Северо-Кавказский федеральный округ) – 48%, Красноярском крае (Сибирский федеральный округ) – 47%, Архангельской

Высокий результат Республики Ингушетия поясняет ответ респондента: «Для каждого ингуша традиции и обычаи, составляющие главное наследие предков, – непререкаемый повод для гордости. Ингуши уважают старших, искренне заботятся о младших, с почтением относятся к женщинам, мудрым хранительницам очага, и неизменно сохраняют дух добрососедства, передаваемый из поколения в поколение. Неписанный свод законов, называемых адатами, соблюдается в каждой семье».

Стоит учесть и тот факт, что в субъектах с высоким показателем знаний традиций, праздников, обычаев относительно компактно проживают титульные нации, которые обладают этнической идентичностью, усиливающей действие региональной идентичности [20].

Самый низкий показатель зафиксирован у молодежи из Республики Коми – 26%. Лишь меньшинство ее представителей ответили ответить на вопрос, назвав такие традиции и праздники своего народа, как Луд [21], обрядовую Усть-Цилемская горку [22], День оленевода, охотничьи традиции. Однако большая часть респондентов затруднилась ответить на данный вопрос.

В целом на основе критериев уровня охвата и тематики (содержания) наиболее часто встречающиеся ответы о традициях места проживания можно сгруппировать следующим образом:

- общероссийские праздники (Новый год, 9 Мая, 8 марта, 23 февраля, День России, День семьи и др.);
- религиозные праздники (Рождество, Пасха, Крещение, Курбан-байрам [23], Ураза-байрам [24] и др.);
- народные праздники (Шагаа [25], Наадым [26], Масленица, Иван Купала, Шорыкйол [27], Пеледыш пайрем [28] и др.);
- городские праздники (День города и др.);
- семейные традиции (свадебные обряды, гостеприимство, уважение к старшим);
- профессиональные праздники (День рыбака, День металлурга, День химика, День шахтера и др.).

Несложно заметить, что подавляющее большинство ответов фиксируют достаточно универсальные форматы традиций, не только не отражающих специфики места обитания человека, но и с этим местом исторически не связанных. К сожалению, уникальных традиций и праздников, несущих в себе самобытность региона, указано несравненно мало, хотя стоит отметить, что респонденты пусть и в небольшом числе, но все же указывали традиции своего места проживания. Приведем несколько примеров отличившихся в этом плане регионов: Ставропольский край (горские танцы, традиции казачества, гостеприимство и уважение старших), Кабардино-Балкарская Республика (аталычество [29], гостеприимство, соблюдение Адыгэ хабзэ [30]), Республика Тыва (горловое пение, резьба по камню, борьба хуреш, шаманизм, буддизм), Красноярский край (культура коренных малочисленных народов Таймырского полуострова: нганасан, ненцев, долган, эвенков), праздник Хейро [31], ремёсла коренных народов (вышивка бисером, резьба по кости и бивню мамонта), сибирское чаепитие.

Надо признать, что в последние десятилетия большинству субъектов Федерации свойственно новаторство, способствующее сохранению, популяризации, укреплению исконных традиций своего региона, а также зарождению новых традиций. В качестве примеров можно упомянуть такие фестивали, как саратовский «Укек» [32], псковский «День скобаря» [33], тюменский «Играй гармонь тюменская» [34], хабаровский «Ритмы Дальнего Востока» [35], калининградский «Балтийские сезоны» [36], московский «Ночь театров» [37] и др.

Подводя итог данного исследования, можно с уверенностью сказать, что в ряде субъектов России восприятие обучающейся молодежью культурного и природного наследия своего места проживания находится пока на недостаточном уровне. Эта проблема, несомненно, требует поиска решений. Если общество ставит перед собой задачу укрепления российской цивилизационной идентичности, то необходимо в первую очередь обратить внимание на укрепление региональной и даже локальной идентичности [38]. Природное и культурное наследие регионов России является кодом российской цивилизации, а сохранение и укрепление российского цивилизационного кода – основным направлением политики идентичности в современной России [39].

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] *Маслов, А. А.* Цивилизационная идентичность российского общества // Библиотека диссертаций : [сайт]. – URL: <http://www.dslib.net/soc-filosofia/civilizacionnaja-identichnost-rossijskogo-obwestva.html?ysclid=lqjskj14dv144080397> (дата обращения: 02.01.2024).
- [2] *Хабермас, Ю. В.* В поисках национальной идентичности. – Донецк, 1999.
- [3] *Алаудинов, А. А.* Региональная идентичность как основа формирования общенациональной политической идентичности // Высшая аттестационная комиссия : [сайт]. – URL: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/advert/104864> (дата обращения: 02.01.2024).
- [4] *Ильинский, И. М.* Молодежь и революция (эскиз к политическому портрету) // КиберЛенинка: научная электронная библиотека : [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-i-revolutsiya-eskiz-k-politicheskomu-portretu?ysclid=lqhren8lzd952588259> (дата обращения: 02.01.2024).
- [5] *Дымов, Э. М.* Идентичность молодежи России в контексте современных социокультурных процессов // disserCat: электронная библиотека диссертаций: [сайт]. – URL: <https://www.dissercat.com/content/identichnost-molodezhi-rossii-v-kontekste-sovremennykh-sotsiokulturnykh-protsesov?ysclid=lqjt0e2wux880308066> (дата обращения: 02.01.2024).
- [6] *Лисицкий, А. В.* Культурное наследие как ресурс устойчивого развития // disserCat: электронная библиотека диссертаций : [сайт]. – URL: <https://www.dissercat.com/content/kulturnoe-nasledie-kak-resurs-ustoichivogo-razvitiya?ysclid=lrthot56jd987345182> (дата обращения: 02.01.2024).
- [7] *Морозова, Е. В., Улько, Е. В.* Локальная идентичность: формы актуализации и типы // КиберЛенинка: научная электронная библиотека : [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lokalnaya-identichnost-formy-aktualizatsii-i-tipy> (дата обращения: 02.01.2024).
- [8] *Сорокин, П. А.* Система социологии : в 2 т. Т. 2. – Москва : Наука, 1993. – С. 210.
- [9] *Путрик, Ю.С., Тюрина, Е. В.* Пути актуализации объектов культурного наследия средствами туризма и социокультурного проектирования. – DOI 10.34685/НЛ.2023.82.47.001. – Текст: электронный // Журнал Института Наследия. – 2023. – № 4. – С. 8-12. – URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/617.html> (дата обращения: 02.01.2024).
- [10] *Кукушин, В. С.* Общие основы педагогики: учеб. пособие. - Пермь.: КАПИК, 1998.
- [11] Федеральный закон от 30.12.2020 N 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 02.01.2024).
- [12] Кедрово-тисовая роща – памятник природы краевого значения «Кедрово-тисовая роща», создан для сохранения произрастающих здесь плотных группировок тиса остроконечного, занесенного в Красную книгу РФ, и сосны корейской («кедра» корейского). Расположена в черте города Комсомольска-на-Амуре Хабаровского края.
- [13] Силинский лес – лесной массив и памятник природы краевого значения в Ленинском округе Комсомольска-на-Амуре Хабаровского края.
- [14] Озеро Рудниковское – ООПТ; расположено между рекой Амуром и озером Мылки в близости с Комсомольском-на Амуре Хабаровского края, площадь составляет 7 га, является рекреационной зоной.
- [15] Сопка Двух братьев – две скалы (высотой 80 и 40 метров) Большехехцирского хребта. Расположение: 18-й км автодороги Хабаровск-Уссури, Хабаровский край.
- [16] Горная вершина «Сопка Змеинка» – доступная обзорная точка. Расположение: Хабаровский край, Хехцирский государственный природный заказник.
- [17] Амур – одна из крупнейших рек России. Протяженность 2842 км.
- [18] Озеро Амур – высокогорное обвальное озеро, расположено в Солнечном районе Хабаровского края, в 60 км от Комсомольска-на-Амуре на хребте Мяо-Чан. Является памятником природы краевого значения.
- [19] Большехехцирский государственный природный заповедник – старейший заповедник Хабаровского края, создан в 1963 г., площадь 45 тыс.га.
- [20] *Кулаков, С. В.* Проблемы формирования региональной политической идентичности в современной России // КиберЛенинка: научная электронная библиотека : [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-regionalnoy-politicheskoy-identichnosti-v-sovremennoy-rossii/viewer> (дата обращения: 04.01.2024).
- [21] Луд – старинный обрядовый праздник коми-ижемцев, проводится в первое воскресенье июля. При советской власти праздник не проводился, но с начала 1990-х гг. местные стали его возрождать. И сейчас Луд считается культурным достоянием не только Ижемского района, но и всей Республики Коми. С 2013 г. народный праздник «Луд» включён в региональный реестр объектов нематериального культурного наследия Республики Коми.

[22] Праздник «Усть-Цилемская горка» – республиканский праздник, проводится 12 июля, в Петров день в селе Усть-Цильма Усть-Цилемского района Республики Коми. Во время красочного гуляния участники водят хороводы, облачаясь в подлинные народные костюмы, бережно соблюдая все старинные обычаи и обряды.

[23] Курбан-байрам – исламский праздник окончания хаджа, отмечается через 70 дней после праздника Ураза-байрам, в 10-й день месяца Зуль-хиджа, в память жертвоприношения Ибрахима, почитаемого в исламе пророком.

[24] Ураза-байрам (известен также как Праздник разговения) – исламский праздник в честь окончания поста в месяц Рамадан (священный месяц, девятый месяц календаря хиджры). Отмечается в первый день месяца Шавваль.

[25] Шагаа – тувинский (Республика Тыва) Новый год по лунно-солнечному календарю, традиционный большой праздник, знаменующий начало новой жизни; символ рождения, обновления и очищения.

[26] Наадым – тувинский (Республика Тыва) национальный праздник животноводов (аратов). Проводится в середине августа, включает в себя национальную борьбу хуреш, конные скачки, стрельбу из лука, конкурсы на лучшую национальную юрту, лучшие национальный костюм и снаряжение коня.

[27] Шорыкйол – марийский традиционный праздник (Республика Марий Эл), представляет собой комплекс обрядов, направленный на обеспечение благополучия семьи, хозяйства, увеличение числа будущего урожая, домашних животных.

[28] Пеледыш пайрем – общенародный праздник в Республике Марий Эл. Проводится после завершения весенне-полевых работ и символизирует весенне-летнее возрождение природы, служит сохранению и развитию традиционной марийской культуры, активизации межрегиональных связей, воспитанию патриотизма.

[29] Аталычество – древний обычай кавказских народов, по которому ребёнок вскоре после своего рождения переходит на некоторое время (для воспитания) в семью приёмного родителя.

[30] Адыгэ хабзэ – адыгская (черкесская) этико-философская доктрина, свод неписаных правил и законов. Включает в себя как нормы обычного права, так и моральные принципы, определяющие поведение отдельного человека и нормы жизни общества в целом.

[31] Хейро – праздник долган, связанный с появлением солнца после долгой полярной ночи. На традиционном празднике окончания зимы люди выражают благодарность за прожитую зиму, просят у духов плодородия благополучия в семье. Праздник символизирует начало новой жизни. Люди в этот день собираются возле ритуального костра и, взявшись за руки, водят хороводы.

[32] «Укек» – фестиваль археологии и реконструкции, направленный на популяризацию археологического наследия Увекского городища (золотоордынского городища Укек), рассказывающий о раскопках, археологических исследованиях, жизни и быте средневекового города. Проводится с 2012 года в Саратове.

[33] «День скобаря» – фестиваль народных искусств и ремесел, проводится с 2011 года во Пскове.

[34] «Играй, гармонь тюменская» – городской фестиваль, посвящённый исконно русскому музыкальному инструменту – гармонии, проводит в Тюмени с 2011 г.

[35] Фестиваль этнической музыки и песни «Ритмы Дальнего Востока» проводится в Хабаровске с 2018 г. с целью поддержки и развития традиционной культуры коренных малочисленных народов Дальнего Востока, содействия сохранению, преемственности и развития национальных художественных традиций, популяризации уникального культурного наследия.

[36] Фестиваль искусств «Балтийские сезоны» – крупномасштабный культурный проект, в ходе которого проходит показ спектаклей драматических и музыкальных театров страны, национальных государственных и фольклорных коллективов, музыкантов академического и джазового направлений, творческие встречи, цирковые представления. Проводится в Калининградской области с 2004 г.

[37] «Ночь театров» – ежегодная общегородская акция, приуроченная ко Всемирному дню театра, проводится в Москве с 2013 г.

[38] См. подробнее: *Путрик, Ю. С., Тюрина, Е. В.* Указ. соч.

[39] Указ Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» // Президент России: официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43843> (дата обращения: 06.01.2024).

OBJECTS OF CULTURAL AND NATURAL HERITAGE IN THE PERCEPTION OF LEARNING YOUTH

Tyurina Evgenia Vyacheslavovna

Post-graduate student, Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Abstract. The article is devoted to the results of the all-Russian survey “Objects of cultural heritage that are important to you” in the category “student youth” on the questions: “What historical, cultural or modern objects would you show to your guests in the place (region) of your residence (or “small homeland”)?”, “What natural objects would you show to your guests in the place (region) of your residence (or “small homeland”)?”, “What traditions, holidays, customs would you tell your guests about in the place (region) of your residence (or “small homeland”)”? The level of specificity of respondents' answers about the cultural and natural heritage of their place of residence is described. The maximum and minimum indicators for the constituent entities of Russia were identified and analyzed.

Key words: questionnaire, all-Russian survey, identity, studying youth, cultural and natural heritage, historical memory, traditions.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Место рождения респондентов из числа обучающейся молодежи

НАИМЕНОВАНИЕ	КОЛИЧЕСТВО ЧЕЛОВЕК
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	947
СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ	619
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА	200
РЕСПУБЛИКА СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ — АЛАНИЯ	43
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКАЯ РЕСПУБЛИКА	40
РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН	25
РЕСПУБЛИКА ИНГУШЕТИЯ	15
ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА	5
СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	881
РЕСПУБЛИКА ТЫВА	600
КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ	98
КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ — КУЗБАСС	96
ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ	23
ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ	17
АЛТАЙСКИЙ КРАЙ	14
НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ	12
РЕСПУБЛИКА ХАКАСИЯ	11
ТОМСКАЯ ОБЛАСТЬ	6
РЕСПУБЛИКА АЛТАЙ	4
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	770
МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	333
ГОРОД ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ МОСКВА	207
КУРСКАЯ ОБЛАСТЬ	77
ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ	47
ЛИПЕЦКАЯ ОБЛАСТЬ	20
КАЛУЖСКАЯ ОБЛАСТЬ	15
ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТЬ	9
ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТЬ	8

НАИМЕНОВАНИЕ	КОЛИЧЕСТВО ЧЕЛОВЕК
БРЯНСКАЯ ОБЛАСТЬ	8
ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ	8
СМОЛЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ	7
РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТЬ	6
ТАМБОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	6
БЕЛГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ	6
КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ	4
ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	4
ОРЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	3
ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТЬ	2
ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТЬ	8
КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ	4
ОРЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	3
ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	4
ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТЬ	2
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	567
ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	221
КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ	180
РЕСПУБЛИКА КОМИ	63
ГОРОД ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ	45
АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ	25
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ	8
ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ	8
МУРМАНСКАЯ ОБЛАСТЬ	7
РЕСПУБЛИКА КАРЕЛИЯ	5
НОВГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ	5
НЕНЕЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ	0
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	423
АСТРАХАНСКАЯ ОБЛАСТЬ	245
КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ	95
РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	26
РЕСПУБЛИКА АДЫГЕЯ	23
ВОЛГОГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ	18
РЕСПУБЛИКА КАЛМЫКИЯ	16
ПРИВОЛЖСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	218
САРАТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	67
РЕСПУБЛИКА МАРИЙ ЭЛ	29
РЕСПУБЛИКА БАШКОРТОСТАН	24
РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН	24
САМАРСКАЯ ОБЛАСТЬ	19
ПЕРМСКИЙ КРАЙ	11
ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТЬ	9
НИЖЕГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ	9
КИРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	6
ПЕНЗЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ	6
УДМУРТСКАЯ РЕСПУБЛИКА	6
УЛЬЯНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	4
РЕСПУБЛИКА МОРДОВИЯ	3
ЧУВАШСКАЯ РЕСПУБЛИКА	1

НАИМЕНОВАНИЕ	КОЛИЧЕСТВО ЧЕЛОВЕК
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	114
ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ	39
СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	26
ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ — ЮГРА	24
ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ	14
ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ	8
КУРГАНСКАЯ ОБЛАСТЬ	3
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	96
ПРИМОРСКИЙ КРАЙ	29
ХАБАРОВСКИЙ КРАЙ	25
АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ	11
ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ КРАЙ	9
РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ)	6
РЕСПУБЛИКА БУРЯТИЯ	6
КАМЧАТСКИЙ КРАЙ	5
САХАЛИНСКАЯ ОБЛАСТЬ	2
МАГАДАНСКАЯ ОБЛАСТЬ	1
ЕВРЕЙСКАЯ АВТОНОМНАЯ ОБЛАСТЬ	1
ЧУКОТСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ	1
СТРАНЫ СНГ, БЛИЖНЕГО И ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ	446
НЕ УКАЗАЛИ МЕСТО РОЖДЕНИЯ	198

Приложение 2. Место проживания респондентов из числа обучающейся молодежи

НАИМЕНОВАНИЕ	КОЛИЧЕСТВО ЧЕЛОВЕК
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	1165
СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ	883
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА	188
РЕСПУБЛИКА СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ — АЛАНИЯ	25
ДОНЕЦКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА	33
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКАЯ РЕСПУБЛИКА	13
РЕСПУБЛИКА ИНГУШЕТИЯ	15
РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН	4
ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА	2
ЛУГАНСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА	1
ХАРЬКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	1
ЗАПОРОЖСКАЯ ОБЛАСТЬ	0
ХЕРСОНСКАЯ ОБЛАСТЬ	0
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	974
МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	521
ГОРОД ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ МОСКВА	287
КУРСКАЯ ОБЛАСТЬ	87
ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ	47
ЛИПЕЦКАЯ ОБЛАСТЬ	20
КАЛУЖСКАЯ ОБЛАСТЬ	1
ОРЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	0
ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ	2

НАИМЕНОВАНИЕ	КОЛИЧЕСТВО ЧЕЛОВЕК
БЕЛГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ	2
КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ	4
СМОЛЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ	0
БРЯНСКАЯ ОБЛАСТЬ	0
ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТЬ	0
ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТЬ	0
ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТЬ	1
ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	1
РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТЬ	1
ТАМБОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	0
СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	846
РЕСПУБЛИКА ТЫВА	610
КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ	122
КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ — КУЗБАСС	99
ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ	1
РЕСПУБЛИКА ХАКАСИЯ	2
АЛТАЙСКИЙ КРАЙ	2
ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ	5
НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ	4
ТОМСКАЯ ОБЛАСТЬ	1
РЕСПУБЛИКА АЛТАЙ	0
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	682
КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ	273
ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	282
РЕСПУБЛИКА КОМИ	70
ГОРОД ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ	36
АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ	13
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ	3
ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ	3
НОВГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ	1
МУРМАНСКАЯ ОБЛАСТЬ	1
РЕСПУБЛИКА КАРЕЛИЯ	0
НЕНЕЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ	0
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	557
АСТРАХАНСКАЯ ОБЛАСТЬ	274
РЕСПУБЛИКА КРЫМ	194
РЕСПУБЛИКА АДЫГЕЯ	31
КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ	28
РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	17
ВОЛГОГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ	9
РЕСПУБЛИКА КАЛМЫКИЯ	3
ГОРОД ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЬ	1
ПРИВОЛЖСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	185
САРАТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	114
РЕСПУБЛИКА МАРИЙ ЭЛ	39

НАИМЕНОВАНИЕ	КОЛИЧЕСТВО ЧЕЛОВЕК
РЕСПУБЛИКА БАШКОРТОСТАН	17
РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН	4
САМАРСКАЯ ОБЛАСТЬ	4
КИРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	2
НИЖЕГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ	1
ПЕНЗЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ	1
ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТЬ	0
РЕСПУБЛИКА МОРДОВИЯ	1
ЧУВАШСКАЯ РЕСПУБЛИКА	1
ПЕРМСКИЙ КРАЙ	1
УДМУРТСКАЯ РЕСПУБЛИКА	0
УЛЬЯНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	0
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	101
ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ	66
ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ — ЮГРА	4
ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ	20
ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ	7
СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	3
КУРГАНСКАЯ ОБЛАСТЬ	1
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	44
ХАБАРОВСКИЙ КРАЙ	19
ПРИМОРСКИЙ КРАЙ	20
РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ)	1
АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ	2
РЕСПУБЛИКА БУРЯТИЯ	1
ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ КРАЙ	0
КАМЧАТСКИЙ КРАЙ	1
ЕВРЕЙСКАЯ АВТОНОМНАЯ ОБЛАСТЬ	0
МАГАДАНСКАЯ ОБЛАСТЬ	0
ЧУКОТСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ	0
САХАЛИНСКАЯ ОБЛАСТЬ	0
НЕ УКАЗАЛИ МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ	106

Приложение 3. Конкретизация обучающейся молодежью объектов культурного и природного наследия места проживания

НАИМЕНОВАНИЕ	КОЛИЧЕСТВО РЕСПОНДЕНТОВ, ПРОШЕДШИХ АНКЕТИРОВАНИЕ ИЗ ЧИСЛА ОБУЧАЮЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ	КОЛИЧЕСТВО И ДОЛЯ РЕСПОНДЕНТОВ, КОНКРЕТИЗИРОВАВШИХ ОБЪЕКТЫ НАСЛЕДИЯ		
		культурное наследие	природное наследие	традиции
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	1165	740 (63%)	681 (59%)	538 (46%)
СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ	883	607 (69%)	560 (63%)	393 (45%)
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА	188	72 (38%)	73 (39%)	83 (44%)
РЕСПУБЛИКА СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ — АЛАНИЯ	33	22 (67%)	17 (52%)	22 (67%)

НАИМЕНОВАНИЕ	КОЛИЧЕСТВО РЕСПОНДЕНТОВ, ПРОШЕДШИХ АНКЕТИРОВАНИЕ ИЗ ЧИСЛА ОБУЧАЮЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ	КОЛИЧЕСТВО И ДОЛЯ РЕСПОНДЕНТОВ, КОНКРЕТИЗИРОВАВШИХ ОБЪЕКТЫ НАСЛЕДИЯ		
		культурное наследие	природное наследие	традиции
ДОНЕЦКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА	25	16 (64%)	12 (48%)	12 (48%)
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКАЯ РЕСПУБЛИКА	15	8 (53%)	8 (53%)	11 (73%)
РЕСПУБЛИКА ИНГУШЕТИЯ	13	10 (77%)	6 (46%)	12 (92%)
РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН	4	3 (75%)	3 (75%)	4 (100%)
ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА	2	1 (50%)	1 (50%)	1 (50%)
ЛУГАНСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА	1	1 (100%)	0	0
ХАРЬКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	1	0	1 (100%)	0
ЗАПОРОЖСКАЯ ОБЛАСТЬ	0	0	0	0
ХЕРСОНСКАЯ ОБЛАСТЬ	0	0	0	0
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	974	560 (57%)	418 (43%)	424 (44%)
МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	521	260 (50%)	178 (34%)	186 (36%)
ГОРОД ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ МОСКВА	287	191 (67%)	151 (53%)	148 (52%)
КУРСКАЯ ОБЛАСТЬ	87	49 (56%)	35 (40%)	49 (56%)
ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ	47	36 (77%)	31 (66%)	28 (60%)
ЛИПЕЦКАЯ ОБЛАСТЬ	20	17 (85%)	15 (75%)	10 (50%)
КАЛУЖСКАЯ ОБЛАСТЬ	4	2 (50%)	2 (50%)	1 (25%)
ОРЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	2	1 (50%)	2 (100%)	1 (50%)
ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ	2	1 (50%)	1 (50%)	0
КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ	1	1 (100%)	1 (100%)	0
СМОЛЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ	1	1 (100%)	1 (100%)	0
БЕЛГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ	1	1 (100%)	1 (100%)	1 (100%)
БРЯНСКАЯ ОБЛАСТЬ	1	0	0	0
ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТЬ	0	0	0	0
ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТЬ	0	0	0	0
ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТЬ	0	0	0	0
ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	0	0	0	0
РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТЬ	0	0	0	0
ТАМБОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	0	0	0	0
СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	846	445 (53%)	428 (51%)	580 (69%)
РЕСПУБЛИКА ТЫВА	610	277 (45%)	262 (43%)	483 (79%)
КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ	122	85 (70%)	100 (82%)	57 (47%)
КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ — КУЗБАСС	99	69 (70%)	53 (54%)	30 (30%)
ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ	5	5 (100%)	4 (80%)	4 (80%)
РЕСПУБЛИКА ХАКАСИЯ	4	3 (75%)	3 (75%)	2 (50%)
АЛТАЙСКИЙ КРАЙ	2	2 (100%)	2 (100%)	2 (100%)
ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ	2	2 (100%)	2 (100%)	1 (50%)
НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ	1	1 (100%)	1 (100%)	0
ТОМСКАЯ ОБЛАСТЬ	1	1 (100%)	1 (100%)	1 (100%)
РЕСПУБЛИКА АЛТАЙ	0	0	0	0

НАИМЕНОВАНИЕ	КОЛИЧЕСТВО РЕСПОНДЕНТОВ, ПРОШЕДШИХ АНКЕТИРОВАНИЕ ИЗ ЧИСЛА ОБУЧАЮЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ	КОЛИЧЕСТВО И ДОЛЯ РЕСПОНДЕНТОВ, КОНКРЕТИЗИРОВАВШИХ ОБЪЕКТЫ НАСЛЕДИЯ		
		культурное наследие	природное наследие	традиции
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	682	506 (74%)	469 (69%)	270 (40%)
КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ	273	200 (73%)	215 (79%)	105 (38%)
ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	282	221 (78%)	188 (67%)	116 (41%)
РЕСПУБЛИКА КОМИ	70	43 (61%)	35 (50%)	18 (26%)
ГОРОД ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ	36	27 (75%)	19 (53%)	22 (61%)
АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ	13	11 (85%)	9 (69%)	6 (46%)
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ	3	2 (67%)	2 (67%)	1 (33%)
ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ	3	1 (33%)	1 (33%)	2 (67%)
НОВГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ	1	1 (100%)	0	0
МУРМАНСКАЯ ОБЛАСТЬ	1	0	0	0
РЕСПУБЛИКА КАРЕЛИЯ	0	0	0	0
НЕНЕЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ	0	0	0	0
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	557	412 (74%)	400 (72%)	282 (51%)
АСТРАХАНСКАЯ ОБЛАСТЬ	274	215 (78%)	200 (73%)	152 (56%)
РЕСПУБЛИКА КРЫМ	194	136 (70%)	140 (72%)	81 (42%)
РЕСПУБЛИКА АДЫГЕЯ	31	16 (52%)	18 (58%)	20 (65%)
КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ	28	21 (75%)	17 (62%)	12 (40%)
РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	17	15 (88%)	14 (82%)	9 (53%)
ВОЛГОГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ	9	6 (67%)	7 (78%)	4 (44%)
РЕСПУБЛИКА КАЛМЫКИЯ	3	3 (100%)	3 (100%)	3 (100%)
ГОРОД ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЬ	1	0	1 (100%)	1 (100%)
ПРИВОЛЖСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	185	147 (80%)	119 (64%)	78 (42%)
САРАТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	114	100 (88%)	74 (65%)	44 (39%)
РЕСПУБЛИКА МАРИЙ ЭЛ	39	22 (56%)	22 (56%)	19 (49%)
РЕСПУБЛИКА БАШКОРТОСТАН	17	15 (88%)	13 (76%)	10 (59%)
РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН	4	3 (75%)	3 (75%)	3 (75%)
САМАРСКАЯ ОБЛАСТЬ	4	4 (100%)	4 (100%)	2 (50%)
КИРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	2	1 (50%)	1 (50%)	0
НИЖЕГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ	1	0	0	0
ПЕНЗЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ	1	1 (100%)	1 (100%)	0
ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТЬ	0	0	0	0
РЕСПУБЛИКА МОРДОВИЯ	1	0	0	0
ЧУВАШСКАЯ РЕСПУБЛИКА	1	0	0	0
ПЕРМСКИЙ КРАЙ	1	1 (100%)	1 (100%)	0
УДМУРТСКАЯ РЕСПУБЛИКА	0	0	0	0
УЛЬЯНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	0	0	0	0
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	101	75 (74%)	71 (70%)	43 (43%)
ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ	66	50 (76%)	46 (70%)	27 (41%)
ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ — ЮГРА	20	15 (75%)	14 (70%)	10 (50%)

НАИМЕНОВАНИЕ	КОЛИЧЕСТВО РЕСПОНДЕНТОВ, ПРОШЕДШИХ АНКЕТИРОВАНИЕ ИЗ ЧИСЛА ОБУЧАЮЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ	КОЛИЧЕСТВО И ДОЛЯ РЕСПОНДЕНТОВ, КОНКРЕТИЗИРОВАВШИХ ОБЪЕКТЫ НАСЛЕДИЯ		
		культурное наследие	природное наследие	традиции
ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ	6	4 (67%)	5 (83%)	5 (83%)
ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ	4	2 (50%)	2 (50%)	1 (25%)
СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	3	3 (100%)	3(100%)	0
КУРГАНСКАЯ ОБЛАСТЬ	1	1 (100%)	1 (100%)	0
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	44	33 (75%)	36 (75%)	29 (66%)
ХАБАРОВСКИЙ КРАЙ	19	16 (84%)	18 (95%)	17(89%)
ПРИМОРСКИЙ КРАЙ	20	13 (65%)	13 (65%)	9 (45%)
РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ)	2	1 (50%)	2 (100%)	2 (100%)
АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ	1	1 (100%)	1 (100%)	0
РЕСПУБЛИКА БУРЯТИЯ	1	1 (100%)	1 (100%)	1 (100%)
ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ КРАЙ	1	1 (100%)	1 (100%)	0
КАМЧАТСКИЙ КРАЙ	0	0	0	0
ЕВРЕЙСКАЯ АВТОНОМНАЯ ОБЛАСТЬ	0	0	0	0
МАГАДАНСКАЯ ОБЛАСТЬ	0	0	0	0
ЧУКОТСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ	0	0	0	0
САХАЛИНСКАЯ ОБЛАСТЬ	0	0	0	0
НЕ УКАЗАЛИ МЕСТО РОЖДЕНИЯ	106	0	0	0

© Тюрина Е.В., текст, 2024
Статья поступила в редакцию 20.02.2024.

Ссылка на статью:

Тюрина, Е. В. Объекты культурного и природного наследия в восприятии обучающейся молодежи. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 2. – С. 40-55. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/654.html&j_id=60.

**ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ПРЕВЕНТИВНОЙ КОНСЕРВАЦИИ
ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК
С УНИКАЛЬНОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ПАМЯТНИКА ПЛЕМЕНИ МУРОМА**

Таловин Константин Дмитриевич

аспирант Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия
имени Д.С.Лихачёва (Москва)

Аннотация. В статье рассматривается практическое применение методов превентивной консервации для сохранения археологических находок с уникального средневекового памятника племени мурома, расположенного в Вачском районе Нижегородской области. В ходе экспедиции на практике был апробирован метод создания микросреды в герметичных контейнерах, проведена фиксация колебаний параметров окружающей среды (температуры и влажности), протестирован новый материал (полистирол), который применялся вместо бумаги для создания археологических паспортов.

Ключевые слова: сохранение историко-культурного наследия, финно-угорское племя мурома, могильник, превентивная консервация, метод микросреды, полевая консервация, археологические артефакты.

В июле 2023 года на правом берегу Оки в Вачском районе Нижегородской области проводились археологические исследования могильника финно-угорского племени мурома (VIII-X в. н.э.). О ранее неисследованном памятнике стало известно осенью 2022 года, после того как местные жители сообщили о незаконных грабительских раскопках «черных» археологов. Чтобы не допустить полного уничтожения уникального памятника первой половины X в. н.э, было принято решение о совместном его изучении сотрудниками Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника и учеными из Волжской экспедиции Института археологии РАН.

Памятники мурома археологически хорошо изучены. Известно, что они проживали на территории современных Владимирской и Нижегородской областей, занимались преимущественно сельским хозяйством, животноводством, охотой, рыболовством. Высокого уровня достигли ремесла, среди которых особо выделялось ювелирное дело.

Выгодное географическое местоположение позволяло муроме поддерживать внешние связи, вести торговлю не только с соседями, но и с другими странами. Об этом свидетельствуют находки большого количества дирхемов (восточных монет) и других артефактов из разных регионов (Кавказ, Причерноморье, Скандинавия).

Впрочем, это касается памятников, расположенных вокруг города Мурома на левом берегу Оки, правобережье малоизучено. Практически нет сведений о контактах мурома с правого берега Оки и их соседей. Особую ценность представляет тот факт, что открытый памятник датируется первой половиной X в. Ранее могильники данной периодизации племени мурома не были изучены.

В ходе исследования нового могильника были заложены 2 раскопа площадью почти 200 кв. м. Всего на данной территории обнаружены и изучены 11 захоронений. Археологами найдено большое количество уникальных экспонатов из различных материалов (металл, стекло, керамика), в том числе и из органических (кожи, ткани, дерева). В общей сложности найдено более 1000 артефактов. Их могло

быть еще больше, если бы ранее могильник не разграбили «черные» копатели. Из 11 захоронений лишь 1 оказался полностью нетронутым.

Найденные артефакты позволят расширить представления о материальной и духовной культуре, традициях и более точно воссоздать погребальный обряд средневекового племени мурома.

Поскольку правобережье изучено слабо, каждый артефакт представляет собой особую историко-культурную ценность, которую необходимо сохранить.

Прежде чем приступить непосредственно к полевым работам, археологическим исследованиям предшествовал долгий подготовительный период. Предварительно был проведен источниковедческий анализ, и, хотя памятник был исследован впервые, мы хорошо представляли, какие находки характерны для могильников данной культуры. Исходя из этого, экспедицию оснащали всеми необходимыми материалами, которые могли понадобиться в ходе консервации найденных вещей. В дальнейшем такой подход показал свою целесообразность, т.к. во время работ было найдено большое количество предметов из органики, которые более уязвимы к перепадам внешней окружающей среды (температуры и влажности).

Благодаря предварительной подготовке большинство таких вещей удалось спасти и без повреждений доставить в стационарную лабораторию.

Для сохранения археологических предметов важно знать не только, что происходит с ними в почве, но и какие факторы действуют после извлечения. Необходимо понимать весь цикл мероприятий, направленных на сохранение предмета от его извлечения до работы с ним в реставрационной лаборатории, а затем и последующего хранения в музее.

Таким образом, стратегия сохранения археологических предметов должна разрабатываться с момента подготовки экспедиции.

Наша экспедиция имела все необходимое оборудование, материалы, а также специалистов разных профилей, в том числе реставратора и хранителя по металлу. После окончания исследований большая часть находок были переданы в реставрационную лабораторию и на временное хранение в фонды Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (НГИАМЗ), где они находятся под постоянным наблюдением специалистов.

В период работы экспедиции нами были апробированы методы превентивной консервации по сохранению археологических находок в полевых условиях, а также проведена фиксация колебаний окружающей среды (температуры и влажности).

За долгие годы пребывания предметов в почве с ними произошли практически все возможные негативные изменения. Постепенно предметы приспосабливаются к текущим условиям и наступает момент термодинамического равновесия, т.е. разрушения дальше идут настолько медленно, что практически не вредят артефактам.

После того, как артефакт был извлечен из грунта, термодинамическое равновесие резко нарушается и разрушения возобновляются вновь, иногда с гораздо большей скоростью, т.к. условия, в которых находился предмет в толщах культурного слоя, кардинально отличаются от среды, в которой он оказывается после извлечения [1]. В атмосферных условиях предмет начинает адаптироваться к окружающей среде, испытывая резкие скачки температуры, влаги и кислорода. За редким исключением эти изменения губительны для археологических объектов, особенно это касается предметов из органических материалов.

Данный факт и влияние перечисленных факторов хорошо известны специалистам [2]. Но насколько существенны скачки температуры и влажности в атмосфере? Как изменяются эти параметры в течение суток? Информации по данному вопросу практически нет.

Чтобы это выяснить, был проведен эксперимент, который длился в течение всего периода нашего пребывания в экспедиции (с 4 по 18 июля). С помощью приборов были замерены температурно-влажностные колебания окружающей среды, запись которых велась круглосуточно. Знать эти параметры необходимо, т.к. от них напрямую зависит сохранность находок. В дальнейшем вся полученная информация была сведена в единый график. Для измерения использовался датчик Xiaomi Mijia Bluetooth Hygrothermograph 2. Его главными преимуществами является ценовая доступность, точность измерений (показания сравнивались с прибором с госповеркой) и способность хранить показания, записанные в течение месяца. По данному функционалу прибор не уступает более дорогим аналогам.

Исследования позволили установить существенное значение суточных колебаний. Разница температуры в дневные и ночные часы в среднем составляла около 10 градусов. Днем этот показатель варьировал от 16 до 35°C, ночью – от 11 до 17°C. Влажность в дневные часы находилась на уровне от 33 до 83%, ночные – от 81 до 99%. Перепад влажности в разное время суток доходил до 50%.

В течение практически всей экспедиции было пасмурно и шли дожди, этим обуславливаются такие высокая влажность и низкая температура. Впрочем, и в немногочисленные солнечные дни разница между показаниями тоже была весьма существенна. Влажность колебалась в дневные часы на уровне 30-55%, в ночные – 80-99%. Температура днем варьировала от 20 до 30°C, ночью – от 11 до 22°C.

Это огромная разница, если учесть, насколько чувствительны археологические предметы к таким колебаниям. Например, для органических материалов эти изменения могут стать фатальными.

Неотреставрированные археологические предметы из железа рекомендуется хранить при относительной влажности ниже 20%, без существенных скачков [3]. Визуально деструктивные процессы на металлических артефактах могут проявляться не сразу, а через определенный промежуток времени. Тем не менее, они уже запущены и полностью остановить их нельзя.

Относительная влажность (RH) и температура в процессе разрушения металла имеют решающее значение. Большинство форм коррозии ускоряются при резких колебаниях температуры, которые способствуют увеличению уровня RH [4].

Высокий уровень RH (>65%) особенно опасен, когда в металлах присутствуют соли, т.к. коррозионная поверхность адсорбирует воду и создаются условия для электрохимической коррозии, при которой разрушительные процессы протекают гораздо быстрее. Резкие скачки данных параметров могут повредить объекты с нестабильными соединениями или трещинами, т.к. они имеют тенденцию расширяться и сжиматься при нагревании и охлаждении.

Основная проблема заключается в том, что в полевых условиях мы не можем достоверно определить степень деградации археологических находок как из металла, так и других материалов. Поэтому стоит быть предельно осторожным при их извлечении. Постараться по возможности свести к минимуму температурно-влажностные колебания и сохранить состояние, максимально приближенное к условиям залегания артефакта.

Эксперимент с микросредой

Разрушительные процессы можно замедлить за счет снижения влажности или концентрации кислорода, нужные показатели достигаются за счет применения соответствующих абсорбентов и герметичной упаковки.

Создать такую среду для всех предметов сразу невозможно, но для отдельных особо ценных или уязвимых к внешним условиям экспонатов вполне реально.

Для этого используется одно из ключевых направлений превентивной консервации – создание микросреды.

Его суть заключается в выработке оптимальных параметров с заданными характеристиками в пространстве, изолированном от остальной части окружающей среды. Метод призван сохранить объект в его первоначальной физико-химической форме. Как уже было сказано выше, в полевых условиях сложно точно установить степень разрушения находок. На данном этапе лучше избегать любого интервенционного вмешательства в структуру памятника. В противном случае это может привести к полной или частичной его потере [5].

Следует помнить, что успех последующей реставрации зависит от того, как будут проведены первичные мероприятия в поле. Они включают в себя изъятие, упаковку и транспортировку предметов. Если все сделано грамотно, то в большинстве случаев этого достаточно, чтобы вещи без изменений хранились длительный промежуток времени.

В ходе нашего эксперимента была создана микросреда для двух групп находок: металла и органических материалов (кожи, дерева, ткани). Для ее создания использовались герметичные пластиковые и стеклянные контейнеры, адсорбенты влажности (силикагель), для фиксации параметров микроклимата внутри замкнутого пространства – датчики Xiaomi.

Контейнеры

Существуют различные варианты упаковки, наиболее эффективно себя зарекомендовали герметичные пластиковые или стеклянные контейнеры с плотно прилегающей крышкой. Главным критерием выбора такой упаковки является именно герметичность крышки. Она должна быть снабжена специальной прокладкой по всему периметру и иметь складные застёжки с каждой стороны, которые фиксируются на корпусе контейнера, создавая тем самым достаточно плотное прилегание. Именно через крышку происходит большая часть воздухообмена, поэтому правильно подобранные крышки являются наиболее важным фактором при оценке пригодности такой упаковки.

На сегодняшний день в продаже имеется большое количество бытовых контейнеров как из пластика, так и стекла. Безусловным преимуществом такой упаковки является доступная цена.

В процессе исследования были опробованы пластиковые и стеклянные контейнеры. И если со стеклянными все более-менее понятно, то с пластиковыми есть нюансы. Исходя из личного опыта, мы можем рекомендовать следующие критерии отбора пластиковых контейнеров. Несмотря на огромное разнообразие, если стоит вопрос выбора между полиэтиленовым и полипропиленовым контейнерами, предпочтение стоит отдавать последним. Полипропилен – более новый материал и обладает следующими преимуществами:

- полипропиленовые контейнеры новых марок с компрессионными уплотнениями и запирающимися крышками имеют более низкую скорость воздухообмена, чем полиэтиленовые;
- полипропилен – более жесткий материал. Поэтому при хранении полиэтиленовых контейнеров с находками стоит избегать штабелирования (хранение ящиков друг на друге), т.к. они подвержены сильной деформации. В результате крышка разгерметизируется, что приводит к удвоению скорости воздухообмена;
- выдерживает высокие перепады температур от -40 до +100С
- полипропилен нейтрален, т.к. основное его применение – пищевая промышленность.

Иногда сложно отличить по внешнему виду полипропиленовый от полиэтиленового контейнера. На помощь приходит маркировка, которая, как правило, находится на внешней части задней стороны контейнера. Здесь же можно найти и основные его параметры. Так, полипропилен обозначают (5 PP), а полиэтилен (02 PEHD, HDPE).

При проведении эксперимента было использовано несколько марок полипропиленовых и стеклянных контейнеров. Все они положительно себя зарекомендовали, уплотнитель крышки не пропускает воздух и влагу, хорошо держит заданные параметры микросреды. К использованию советуем контейнеры следующих производителей: Phibo Brilliant, Pomodoro, Mallony DIAFANO, Полимербыт Butterfly, Good&Good.

Не рекомендуем использовать контейнеры с завинчивающейся крышкой, а также крышки без уплотнителя. Как показал эксперимент, уже через несколько часов они начинают пропускать влагу.

Однако, если других контейнеров нет, их тоже можно приспособить под использование. Обмотав контейнер в несколько слоев пищевой пленки (чем больше, тем лучше) он может держать влагу на нужном уровне в течение нескольких месяцев.

Силикагель

Для создания микросреды с пониженным содержанием влажности (меньше 10%) был использован силикагель.

Такой низкий показатель необходим, чтобы точно минимизировать риск возникновения рецидивной коррозии железных предметов, механизм запуска которой активизируется при наличии гигроскопичных хлористых соединений уже при 20% относительной влажности [6]. Для остановки рецидивной коррозии в подобных случаях необходима очень низкая относительная влажность (ниже 12%).

Использование влагопоглотителей (осушителей) – лучший способ создать сухую среду в небольшом пространстве, идеальную для металлов.

Силикагель (диоксид кремния) – это материал, который можно использовать для контроля относительной влажности в микроклимате (в контейнерах, хранилище, выставочных витринах). Он состоит из круглых силикатных частиц, пористых и имеющих большую площадь поверхности. Способен поглощать большое количество водяного пара из атмосферы и обладает высокой буферной емкостью.

Силикагель является самым простым и наиболее экономичным методом контроля относительной влажности, хотя его эффективность сильно зависит от правильного использования и обслуживания.

При грамотном применении силикагель уменьшит ежедневные и сезонные колебания влажности. В хорошо запечатанном контейнере достаточное количество геля поддерживает относительную влажность около 10%. Тем самым создается среда, не позволяющая развиваться деструктивным процессам.

Силикагель бывает прозрачный и цветной (индикаторный), чаще всего синего цвета. Механизм его работы следующий: по мере того, как гель будет набирать влагу, его цвет будет меняться с синего на розовый. Ярко-розовый цвет сигнализирует, что силикагель достиг максимума своей поглощающей способности и его следует заменить. Индикация влажности в контейнере является важнейшим элементом контроля микросреды.

Для каждого случая необходимое количество адсорбента будет индивидуально, т.к. оно зависит от множества факторов: уязвимость объектов к влажности, требуемая степень ограничения влажности, проницаемость и утечка воздуха из упаковки, стабильность общей температуры окружающей среды, желаемый цикл технического обслуживания и т.д. Частота его замены будет зависеть от скорости воздухообмена в контейнере, внешней влажности и количества силикагеля [8].

Как показала наша практика, для контейнера объемом 1000 мл достаточно 50 г силикагеля. Количество может быть увеличено в 2 и более раз, что продлит срок сохранения заданного климата, а также увеличит скорость поглощения влаги внутри контейнера.

Сейчас на рынке представлено большое количество марок силикагеля как индикаторного, так и обычного. Для удобства мы советуем использовать индикаторный силикагель. По цене индикаторный дороже в 2-3 раза, но и удобнее.

Если нет возможности купить такой силикагель в большом объеме, можно незначительное количество индикаторного силикагеля смешать с обычным силикагелем, тем самым мы получаем возможность контроля.

В экспедиции мы использовали индикаторный синий силикагель без солей кобальта, т.к. они могут вызывать коррозию металлов при прямом контакте. Эксперимент начался 8 июля 2023 года и длится по сей день.

Сначала подготовили силикагель. Сто грамм силикагеля равномерно распределили по всему объему zip-пакета, тем самым увеличив рабочую площадь зерен сорбента. Гель становится наиболее эффективен, когда открыта максимальная площадь поверхности. В пакете с помощью зубочистки сделали отверстия на расстоянии друг от друга 5-10 мм. Затем пакет с сорбентом вместе с датчиком Xiaomi Mijia Bluetooth Hygrothermograph 2 поместили в герметичный полипропиленовый контейнер объемом 1000 мл. Проверили уплотнитель, надели крышку и закрыли замки. Изначальная влажность внутри контейнера была около 40%, в течение 1,5 часа она упала до показателя 10%, а через 3 дня до уровня 3-2%. Эксперимент с данным контейнером до сих пор продолжается, после того как экспедиция завершилась, он был отправлен в фонды музея, где находится под постоянным контролем. Показатели влажности держатся на том же уровне 2-3% без колебаний.

Силикагель – это многоразовый материал, который можно использовать повторно. После того как гель набрал влагу (индикаторный изменит цвет на розовый), его необходимо просушить в печи при температуре около 100-110⁰С в течение нескольких часов, пока гель вновь не приобретет синий цвет.

После нескольких циклов восстановления он теряет свои регенерирующие качества. Чтобы гель прослужил дольше, его не следует нагревать выше 120⁰С.

Мы использовали новый силикагель, который ранее не применялся. Поэтому его эффективность была выше, чем восстановленного.

Подводя итог вышесказанному, можно дать следующие рекомендации по использованию силикагеля:

- никогда не допускать прямого контакта силикагеля с археологическими предметами;
- качество упаковки играет не менее важную роль, чем влагопоглотитель, для поддержания низкой относительной влажности;
- использовать достаточное количество влагопоглотителя для поддержания оптимальных параметров относительной влажности в микросреде. Как минимум, использовать количество, рекомендованное производителем, но рассматривать возможность его увеличения (например, вдвое, втрое или даже в четыре раза), чтобы сократить частоту технического обслуживания;
- контролировать относительную влажность внутри упаковки с помощью датчика, находящегося рядом с объектом;
- периодически восстанавливать силикагель для поддержания его работоспособности (среды с низкой относительной влажностью в допустимых пределах). Обычно нагревание силикагеля при температуре около 100⁰С в течение 8-10 часов полностью удаляет адсорбированную воду. Чем чаще открывается контейнер, тем чаще необходимо менять гель, однако если контейнер, в котором он находится, герметичен, замена не требуется чаще, чем раз в несколько лет;
- избегать осушителей, содержащих соли кобальта, который может вызвать коррозию металлов при прямом контакте. Так же при нагреве выделяются вредные вещества, опасные для здоровья человека.

Эксперимент по созданию влажной микросреды

Благодаря глинистым почвам содержащие большое количество влаги в культурном слое были обнаружены находки из кожи, ткани и дерева. Встал острый вопрос: как сохранить такие вещи?

Было принято решение попробовать воссоздать влажную микросреду, максимально приближенную к условиям залегания находок.

Так как большинство вещей были небольшого размера, для создания влажной среды в замкнутом объеме были использованы как герметичные, так и обычные контейнеры разного объема (от 850 до 1500 мл), в которые помещалась влажная бытовая губка и индикатор влажности. Затем, как и в первом эксперименте с сухой средой, контейнер закрывали. Действовать приходилось быстро, т.к. органические материалы очень чувствительны к изменениям окружающей среды. От момента обнаружения до консервации находки проходило не более 5-10 минут,

За короткий срок (иногда речь идет о минутах) предмет может деформироваться, растрескаться, изменяться в размерах и даже распасться на бесформенные фрагменты.

После того как предмет положили в герметичный контейнер с влажной губкой и закрыли его, в течение 20 минут изначальная влажность 40-50% повысилась до 99%. Так как предметов было много, а контейнеров не хватало, срочно пришлось их докупать. Это были обычные контейнеры, без крышки с уплотнителем. Чтобы замедлить испарение влаги, поверх крышки наматывалось от 5 до 10 слоев пищевой пленки. Влага в такой упаковке держалась на уровне 80-90%, что максимально дублировало условия захоронения.

В процессе дальнейшего хранения в контейнерах на части предметов была обнаружена плесень. Этого недостатка можно было бы легко избежать, увлажнив губку 3% раствором антисептика (например, Лизоформин – 3000), а не водой.

В целом данный метод показал свою эффективность. Удалось спасти уникальные вещи, которые представляют культурную и историческую ценность. Часть артефактов после окончания раскопок затем отправили в Москву на экспертизу. Например, фрагмент позумента, изготовленный из золотых нитей.

Также следует помнить, что не все экспонаты требуют подобного хранения. Во многих случаях достаточно правильно упаковать предметы. Упаковка должна быть жесткой, учитывая массу и размер артефактов. Для этих целей отлично подойдут большие пластиковые контейнеры, проложенные мягким материалом. Например, воздушно-пузырчатой пленкой или пенополиуретаном.

Помимо исследований с средой и замерами окружающей среды, производилось тестирование нового материала (полистирола), который использовался вместо бумаги для изготовления археологических паспортов (этикеток).

Часто паспорта хранят в zip-пакетах, куда, если неплотно закрыть, может попасть вода или скапливаться конденсат. Бумага – один самых светочувствительных материалов; под воздействием света она ветшает, в результате записанная на ней информация может быть легко утрачена. Полистирол лишен перечисленных недостатков, он долговечнее бумаги и не подвержен негативному воздействию влаги.

Эксперимент проводился с 8 по 17 июля 2023 г. Этикетка из полистирола была подписана перманентным маркером и помещена в воду до конца указанного срока. Никаких видимых изменений за этот период не произошло: полистирол не потерял своих физических свойств, надписи не выцвели и не стёрлись.

Результатом экспедиции стало обнаружение большого количества уникальных находок (арабских дирхемов, гирек, украшений, поясных серебряных позолоченных накладок, стеклянных бусин, кожаных ремней, фрагменты позумента и т.д.). Изучение полученных материалов предоставило возможность расширить представления о духовной и материальной культуре ранее мало изученной правобережной части племени муромы.

Обнаружение большого количества арабских монет и гирек позволило сделать вывод, что в X веке правобережная мурома не была обособлена и замкнута. Здесь происходили те же процессы, что и на левом берегу Оки, племя активно включалось в международную торговлю и поддерживало широкие связи.

Апробированные методы превентивной консервации, создание микросреды в замкнутом объеме показали свою эффективность. Для каждой группы находок был создан свой микроклимат, при котором им не угрожают деструктивные процессы.

Полученные результаты и опыт моделирования микросреды в полевых условиях будет учтен при подготовке к следующей археологической экспедиции, которая запланирована на лето 2024 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Полевая консервация археологических находок (Текстиль, металл, стекло) / Сост. А.К.Елкина и др. – Москва : ВНИИР, 1987. – С. 5.
- [2] Там же.
- [3] Guidelines for the storage and display of archaeological metalwork / Rimmer M., Thickett D., Watkinson D., Ganiaris H. – London : English Heritage, 2013. – P. 10-13.
- [4] Плендерлис, Г.Дж. Консервация древностей и произведений искусства. Вып.1. // пер. С.А.Зайцевой. – Москва, 1963. – С. 10.
- [5] Буршнева, С. Г. Некоторые аспекты сохранности археологических находок из медных сплавов // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – 2016. – № 6. – С. 39-45.
- [6] Шемаханская, М. С. Металлы и вещи: история, свойства, разрушение. Реставрация. – Москва : Индрик, 2015. – С. 129-130.
- [7] Guidelines for the storage and display of archaeological metalwork... P. 17-18.
- [8] Using Silica Gel in Microenvironments // Conserve O Gram. [New York]. – 1999. – Vol. 1. Is. 8. – P. 1-4. – URL: <https://www.nps.gov/museum/publications/conservoogram/01-08.pdf> (дата обращения: 31.03.2024).

PRACTICAL APPLICATION OF PREVENTIVE CONSERVATION METHODS FOR THE PRESERVATION OF ARCHAEOLOGICAL FINDS FROM THE UNIQUE MEDIEVAL MONUMENT OF THE MUROM TRIBE

Talovin Konstantin Dmitrievich

Post-graduate student, Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Abstract. *The article discusses the practical application of preventive conservation methods for the preservation of archaeological finds from the unique medieval monument of the Murom tribe, located in the Vachsky district of the Nizhny Novgorod region. During the expedition, the method of creating a microenvironment in sealed containers was tested in practice, fluctuations in environmental parameters (temperature and humidity) were recorded, a new material (polystyrene) was tested, which was used instead of paper to create archaeological passports.*

Key words: *preservation of historical and cultural heritage, Finno-Ugric Murom tribe, burial ground, preventive conservation, microenvironment method, field conservation, archaeological artifacts.*

© Таловин, К.Д., текст, 2024
Статья поступила в редакцию 20.02.2024.

Ссылка на статью:

Таловин, К. Д. Практическое применение методов превентивной консервации для сохранения археологических находок с уникального средневекового памятника племени мурома. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 2. – С. 56-63. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/655.html&j_id=60.

КУЛЬТУРНЫЕ И КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Коренной Александр Сергеевич

младший научный сотрудник Сибирского филиала
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва (Омск)
Email: akorennoy@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены структура и предметное наполнение культурных индустрий, их границы, охарактеризована связь с креативными, творческими индустриями. Определено место в структуре художественно-творческой деятельности. Охарактеризованы современное состояние и мировые тенденции в развитии культурных индустрий, характер их влияния на социокультурную динамику. Выявлены направления трансформации российской культуры в современных условиях. Сделан вывод относительно тенденций развития и перспективных направлений культурных индустрий в российской культуре.

Ключевые слова: культурные индустрии, продукция культурных индустрий, культурные ценности, функции, креативные индустрии, креативная экономика, трансформация культуры, российская культура.

В культурном производстве современным трендом выступают культурные индустрии. Сегодня они рассматриваются как стратегический ресурс социально-экономического и культурного развития, что постоянно подчеркивается в выступлениях культурологов на научных конференциях, дискуссионных панелях, экспертных встречах, в том числе на базе ведущих научно-образовательных центров регионов России. Среди активных исследователей этой темы можно назвать О.Н.Астафьеву, Л.Е.Вострякова, А.В.Вейнмейстер, Н.В.Гладких, Е.Н.Зеленцову, С.Э.Зуева, Ю.В.Иванову, Г.М.Казакову, М.В.Казакову, Н.В.Недосвитий, Т.Н.Суминову, В.В.Чижикова и ряд других авторов, которые в своих работах анализировали особенности этого феномена, типологию, освещали опыт развития отечественных культурных индустрий в контексте мировых тенденций. В большинстве работ указанных авторов акцент делался на территориальном размещении культурных индустрий, их локации в городской среде, на попытке решить вопрос, как это производство сделать доходной отраслью экономики.

Сегодня крайне важно определение приоритетов в развитии культурных индустрий для выхода российской культуры на новый уровень. Однако определенную сложность представляет неясность исходных установок в определении сущности культурных индустрий, структуры и предметного наполнения объема понятия, в установлении их границ в соотношении с близкородственными сферами творческой деятельности – креативными и творческими индустриями. Это предопределяет актуальность рассматриваемой проблематики.

Целью данной работы является попытка определить место культурных индустрий в современном российском культурном ландшафте, охарактеризовать их особенности, позволяющие разграничить вышеуказанные феномены, а также обосновать наличие у них собственного предмета, сферы функционирования, субъектов и способов производства культурного продукта.

Исторический отрезок с момента появления культурных индустрий хоть и короткий, но путь ими пройден большой. Этот феномен претерпел парадоксальную эволюцию содержательного наполнения и внешней оценки своего потенциала. Известно, что изначально он использовался в негативном смысле, обозначая некоторую примитивизацию культурных ценностей, которая произошла благодаря

постановке их производства на поток. Именно так Т.Адорно и М.Хордхаймер на начале XX в. трактовали этот феномен, когда вводили его в научный оборот [11].

Начиная с середины и до конца XX века, когда производимая в сфере культурного производства продукция стала пользоваться повышенным массовым спросом благодаря развитию технологий и выросшему мастерству творцов, негативная окраска сменилась нейтральной, а определение культурных индустрий стало практически совпадать с понятием массовой культуры.

С конца XIX и в начале XX вв. из всей совокупности продукции массовой культуры стали вычлениваться технологически сложные, инновационные направления, которые в силу новизны и креатива стали воплощать в себе новые культурные смыслы и ценности. Ориентированные на свою целевую аудиторию, преимущественно молодежную, они были активно востребованы, экономически прибыльны и поэтому инвестиционно привлекательны. Благодаря этому фактору сформировались новые социально-коммуникативные практики, получили развитие новые культурные формы и институты. А понятие культурных индустрий несколько изменило сферу своего применения и обрело позитивную коннотацию.

Но в научном, культурологическом дискурсе содержательное наполнение данного понятия пока не устоялось. Причиной этого является наличие и активное использование ряда других близкородственных понятий, и прежде всего таких, как креативные индустрии и творческие (креативные) индустрии.

Проанализировав разные точки зрения, в том числе позиции и подходы, представленные в официальных нормативных документах [1; 2], в аналитических сборниках компании InterMedia [9], а также в исследовательских работах А.В.Вейнмейстер [4], Е.В.Зеленцовой [6] и других авторов, нами установлены разные варианты соотношения культурных и креативных индустрий: ибо эти понятия рассматриваются как синонимы, либо культурные индустрии включают в свой состав креативные или, наоборот, креативные полностью поглощают культурные. Но очевидно, что этим перечнем не исчерпываются все возможности рассмотрения феномена культурных индустрий. Можно предложить еще один вариант, основывающийся на концепции перекрещивающихся понятий. Суть его в следующем.

При сопоставлении культурных и креативных индустрий очевидно, что и то, и другое – индустрии, основанные на промышленном способе производства продукции. Но в данном контексте правомерен вопрос: все ли продукты культурного производства опираются на креативные поиски и находки? Нет, не все. С одной стороны, есть кинофильмы, аудиопродукция, сетевой художественный контент, что подразумевает обязательное наличие креатива. Но есть и народное творчество, промыслы, работа художника, реставратора, где властвует традиция, ремесло. Следовательно, какие-то культурные индустрии по своей природе креативны, а каким-то это присуще в меньшей степени.

Но ведь и креативные индустрии не все имеют художественно-эстетическую сторону. Как, например, в случаях производства чипов, промышленных установок, композитных материалов. Креативные индустрии могут в какой-то части совпадать с культурными, а в какой-то – нет.

Таким образом, это классический случай пересекающихся понятий, когда в совмещающихся секторах двух рассматриваемых сфер деятельности их можно отождествлять. Но также остаются части, выходящие за пределы этой совместной сферы. Этим и объясняется тот факт, что нередко продукцию культурных и креативных индустрий невозможно четко разделить. А вот в варианте рассмотрения культурных индустрий, частично пересекающихся с креативными, они обретают свое место, свой предмет, отличный от предметов родственных видов деятельности.

Наличие собственного предмета позволяет выделить отличительные черты продукта культурных индустрий. Среди них, по нашему мнению, наибольшее значение имеют:

- наличие специфических качеств, эстетически воздействующих на внутреннее состояние людей и вызывающих у них эмоциональные переживания;
- производство высокотехнологичными, а иногда промышленными способами;

- требуют командной работы, финансового обеспечения, привлечения профессионалов и технологий из смежных отраслей знаний и производства;
- локацией такого производства являются крупные агломерации;
- движущей силой выступают молодые и амбициозные личности, воплощающие в нем свои мировоззренческие установки и доминирующие в молодежной среде ценности;
- продукция имеет товарные свойства и формирует рынок со специфическими сегментами, некоторые из которых являются привлекательными для инвестиций со стороны финансовых и производственных структур.

Присутствие всех вышеперечисленных отличительных черт свидетельствует о том, что эта данная продукция может быть отнесена к продукции культурных индустрий.

Но проблему терминологических сложностей дополняет введение еще одного близкородственного понятия – творческие (креативные) индустрии. Причем это понятие было закреплено в нормативных документах, регламентирующих современную сферу культурного производства [1; 2]. Закономерно возникает вопрос: можно ли это понятие рассматривать как синоним понятию культурных индустрий?

На первый взгляд – можно. Но ситуацию осложняет определение творческих (культурных) индустрий, закрепленное в указанных нормативных документах. В них творческие (креативные) индустрии трактуются как сферы деятельности, производящие «товары и услуги, имеющие экономическую ценность, а также способствующие формированию гармонично развитой личности и росту качества жизни российского общества» [2].

То есть, судя по формулировке, на первое место в их производстве поставлена экономическая ценность продукции, а вектор их движения направлен в сторону оформления научно-технических разработок в качестве объектов интеллектуальной собственности и капитализации. Участие же в формировании гармонично развитой личности находится лишь на втором месте. Это обстоятельство и позволяет разграничить творческие (креативные) индустрии, с одной стороны, и культурные индустрии, с другой. Ведь у культурных индустрий вектор несколько иной. Не отрицая участия в решении задач экономического плана, все-таки их цель – гармонизировать культурное пространство, сохранять и развивать традиционные культурные ценности, формировать художественный вкус, выявлять, сглаживать и устранять средствами культуры и искусства социальные противоречия. Но делать все это нужно новыми средствами, используя весь инновационный потенциал творческих (креативных) индустрий.

Таким образом, можно сделать вывод, что творческие (креативные) индустрии в большей степени являются элементом креативной экономики, а культурные индустрии, смыкаясь в чем-то с ними, также пересекаясь в каких-то направлениях деятельности, используя их разработки, тем не менее, выходят за ее рамки своей гуманистической направленностью, влиянием на мысли и сердца людей.

Такой подход заставляет более четко определить место культурных индустрий в структуре художественно-творческой деятельности. Безусловно, культурные индустрии полностью относятся к художественно-творческой деятельности. А вот некоторые виды художественного творчества в качестве культурных индустрий могут быть рассмотрены лишь условно, в зависимости от степени их насыщенности отличительными признаками. Критериями именно культурных индустрий в структуре художественно-творческой деятельности в данном случае могут служить: базирование на новых технологиях, возможность тиражирования продукта в промышленных масштабах, солидная финансовая отдача и инвестиционная привлекательность.

Движение в производстве культурных ценностей от расширительного понимания этого феномена с постепенным повышением инновационности приводит к статусу именно индустрий, т.е. высокотехнологичных, инновационных разработок в сфере культуры. Если вышеперечисленные моменты присутствуют – это в полной мере культурные индустрии. Если же применяются в большей степени традиционные технологии, производится штучный культурный продукт, который имеет малую

финансовую отдачу, низкую инвестиционную привлекательность, то он может быть рассмотрен как культурная индустрия, но с некоторыми оговорками.

Таким образом, граница между культурными индустриями и в целом художественным творчеством выглядит довольно нечеткой. Критерии же, которыми руководствуются исследователи в причислении видов художественно-творческой деятельности к культурным индустриям, зачастую субъективные, оттого и дискуссионные. В разных странах по-разному решают эту проблему. В некоторых из них расширительно трактуют это понятие, включая в его состав архивы, библиотеки, все визуальные искусства, все виды музыки, все виды образования, дизайн, защиту авторских прав, игры, киноиндустрию, культурные организации, культурный туризм, литературу и даже спорт. В некоторых – ограничивают лишь сферой культурного производства. Единства взглядов нет. Но в то же время появление феномена культурных индустрий в мировой практике носит объективный характер, представляя собой адекватный ответ на цивилизационные вызовы постиндустриального общества, и каждая страна проходит этот путь по-своему.

Российское общество на путь постиндустриального развития в силу объективных исторических причин вступило позже западных стран с их развитой экономикой и рыночными отношениями. Это обстоятельство стало причиной некоторого отставания в развитии культурных индустрий, особенно в части экономической отдачи. Частично этому способствовал десятилетиями взращиваемый патернализм в российской культуре, когда она зависела исключительно от бюджетного финансирования, а все российские социокультурные институты были государственными. А с начала 1990-х гг. агрессивное проникновение на российский рынок западных творческих компаний, невозможность и неумение конкурировать с ними существенно затормозило создание собственного высокотехнологичного контента.

С другой стороны, западная модель развития культурных индустрий и не могла быть гармонично интегрирована в российские условия. Если в западных странах одной из важнейших функций культурных индустрий выступает экономическая, то в России она уступает первое место другим социально значимым функциям, в том числе – сохранению традиций и осуществлению равноценного культурного обмена. Этими факторами обусловлена специфика развития культурных индустрий в условиях российских реалий. Российскому обществу вообще присуще особое внимание к культуре как важному элементу государственной политики. А определенный патернализм как наследие советской эпохи, выражающийся в сохранении федеральных и местных бюджетных учреждений культуры, в настоящее время приносит только пользу.

В настоящее время в развитии российских культурных индустрий исследователями отмечается ряд проблем. В частности, сравнительный анализ социокультурных практик в рамках культурных индустрий в крупных агломерациях и отдельных регионах Российской Федерации показал пространственную неравномерность их локализации. Это объективная реальность, с которой приходится считаться. Наша страна огромна и разнообразна, пространственная неравномерность проявляет себя повсюду: и в плотности населения, и в транспортных коммуникациях, и в производственных предприятиях. Поэтому неравномерность в распространении культурных индустрий не может быть исключением.

Было бы неверным утверждать приоритет в этом направлении лишь столичных субъектов – Москвы и Санкт-Петербурга, где сосредоточены мощные финансовые и человеческие ресурсы. Каждый регион, опираясь на свои возможности, историко-культурный опыт, традиции, находится в поиске путей своего развития. Анализ опыта городов Якутска, Омска, Нижнего Новгорода, Владимира и других подтверждает большое их внимание, уделяемое развитию культуры и культурных индустрий.

Во многих российских регионах разработаны специальные программы, нацеленные на модернизацию социокультурной сферы. Разумеется, они разные, обусловлены экономическими, природосообразными и ментальными факторами, что выражается в пространственной локальной активности. Разработчики программ опирались на разные концепции и подходы развития культурных индустрий. Какие-то программы были сосредоточены на визуальном преобразовании городской среды (Пермь, Якутск), какие-то – на развитии туристической инфраструктуры (Омск, Владимир). В настоящее время успешно реализуется «Концепция развития креативных индустрий в Новосибирской области», в которой большое значение уделяется формированию креативных кластеров, ревитализации заброшенных предприятий и промзон, созданию арт-резиденций. Интересный опыт по развитию культурных

индустрий продемонстрировала Ульяновская область благодаря программе «Ульяновск – культурная столица содружества стран СНГ».

Анализ показал, что приоритетными направлениями развития российских культурных индустрий является нацеленность на:

- модернизационное развитие досуговых социокультурных технологий, ориентированных на разные группы потребителей;
- креативное преобразование городской среды в крупных агломерациях;
- развитие туризма и туристических объектов в регионах;
- сохранение национальной культуры народов России;
- воспроизведение и трансляцию образцов высокого искусства и шедевров мировой и отечественной культуры;
- разработку новых презентационных технологий, их внедрение в воспитательную, просветительскую и пропагандистскую деятельность.

Перспективы культурных индустрий во многом связаны сегодня с развитием цифровой среды. Компьютерная графика, компьютерное звучание музыкальных инструментов и голосов формируют новые жанры и направления. В результате развития экранной культуры происходит расширение доступности элитарной высокой культуры для различных слоев населения (например, онлайн трансляции оперных, балетных и драматических спектаклей ведущих театров мира и России), что приводит к развитию новых культурных форм. Активно развиваются стриминговые технологии, позволяющие, с одной стороны, представителям творческих профессий продвигать свои произведения при посредничестве сетевых инструментов, а с другой стороны, автоматически выходить на своего зрителя в соответствии с его индивидуальными вкусами и предпочтениями. Так называемые дипфейковые технологии с использованием нейросетей делают попытку создавать виртуальных клонов персонажей, генерируя или копируя образ человека на основе использования компьютерной графики. В современной музыкальной индустрии нейросеть пытается моделировать голоса действующих и умерших артистов, их музыкальную стилистику. За счет интерактивности развивается практика соучастия.

Культурные индустрии своим нетрадиционным подходом задают некие тренды, которые постепенно завоевывают внимание аудитории, начинают воспроизводиться повсеместно и занимать доминирующие позиции. Таким образом формируются новые социально-коммуникативные практики и, соответственно, новые культурные формы и институты. Все это в совокупности даст мощный синергетический эффект принципиально нового индустриального культурного производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Российской Федерации 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» (с изменениями на 25 января 2023 г.). – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420242192> (дата обращения: 19.12.2023).
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2021 № 2613-р «Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года». – Текст: электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/608746222> (дата обращения: 19.12.2023).
3. Астафьева, О. Н., Малыгина, И. В. Российская культура в контексте динамики экономических стратегий // Вестник МГУКИ. – 2022. – № 4. – С. 15-26.
4. Вейнмейстер, А. В., Иванова, Ю. В. «Культурные индустрии» и «креативные индустрии»: границы понятий // Международный журнал исследований культуры. – 2017. – № 1. – С. 38-48.

5. *Востряков, Л. Е., Каверга, В. А.* Творческие индустрии как фактор государственной культурной политики // *Культура и образование*. – 2019. – № 2. – С. 86-97.
6. *Зеленцова, Е. В., Гладких, Н. В.* Творческие индустрии: теории и практики. – Москва, 2010. – 240 с.
7. *Казакова, М. В.* Креативные индустрии как новый фактор роста российской экономики // IV Российский экономический конгресс «РЭК-2020». – Москва, 2020. – Т. XV. – С. 78–92.
8. *Казакова, Г. М.* Культурный капитал, культурные индустрии и индустрии культуры: понятийные поиски // *Вестник ТомГУ. Культурология и искусствоведение*. – 2020. – № 37. – С. 14-20.
9. *Культура и культурные индустрии в РФ 2016-2018. Результаты комплексного исследования; Культура и культурные индустрии в РФ. Аналитика 2018-2020; Сфера культуры и культурные индустрии в РФ – 2021 // InterMedia: информационное агентство : [сайт]. – URL: <https://www.intermedia.ru> (дата обращения: 19.12.2023).*
10. *Рудакова, О. В.* Культурные и творческие индустрии: Россия на фоне мировых тенденций / *Рудакова О. В., Михайлина А. В., Стеблецова Н. Н.* // *Вестник ОрелГИЭТ*. – 2021. – № 4. – С. 63–70.
11. *Хоркхаймер, М., Адорно, Т.* Диалектика просвещения. Философские фрагменты. – Москва; Санкт-Петербург, 1997. – 313 с.; *они же.* Культурная индустрия. Просвещение как способ обмана масс. – Москва, 2016. – 104с.

CULTURAL AND CREATIVE INDUSTRIES: COMMON AND SPECIAL

Korennoy Alexander Sergeevich

Junior Researcher, Siberian Branch of the Likhachev Russian
Research Institute for Cultural and Natural Heritage (Omsk)

Abstract. *The article examines the structure and subject content of cultural industries, their boundaries, characterizes the relationship with creative, creative industries. The place in the structure of artistic and creative activity is determined. The current state and global trends in the development of cultural industries, the nature of their influence on socio-cultural dynamics are characterized. The directions of transformation of Russian culture in modern conditions are revealed. The conclusion is made regarding the development trends and promising areas of cultural industries in Russian culture.*

Key words: *cultural industries, products of cultural industries, cultural values, functions, creative industries, creative economy, cultural transformation, Russian culture*

© Коренной А.С., текст, 2024
Статья поступила в редакцию 20.02.2024.

Ссылка на статью:

Коренной, А. С. Культурные и креативные индустрии: общее и особенное. – Текст: электронный // *Культурологический журнал*. – 2024. – № 2. – С. 64-70. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/656.html&j_id=60.

ВЫЯВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА МЕСТНЫХ ХАРЬКОВСКИХ БОГОРОДИЧНЫХ ИКОН

Краснова Ирина Владимировна

соискатель, Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Москва)
Email: krasnova_i@mail.ru

Аннотация. Для выявления феномена местных высокочтимых икон Богородицы на Харьковщине: Елецкой-Харьковской и Озерянской, а также с целью дальнейшей их музеефикации в статье проводится анализ исторических условий. Доказано, что в легендах отражены ключевые политическими события XI–XVII вв., происходившие на южных окраинных территориях Русского государства – Слобожанщине. Иконы появляются в критические моменты жизни региона и связаны с необходимостью объединения населения на почве православия. Упомянутые в легендах персонажи являются реально существующими личностями, а события – знаковыми для истории страны. Результаты исследования могут быть использованы при музеефикации харьковских Богородичных икон, так как характеризуют их содержательную сторону и раскрывают заложенный в них символизм, что даёт возможность понять общественное значение этих икон.

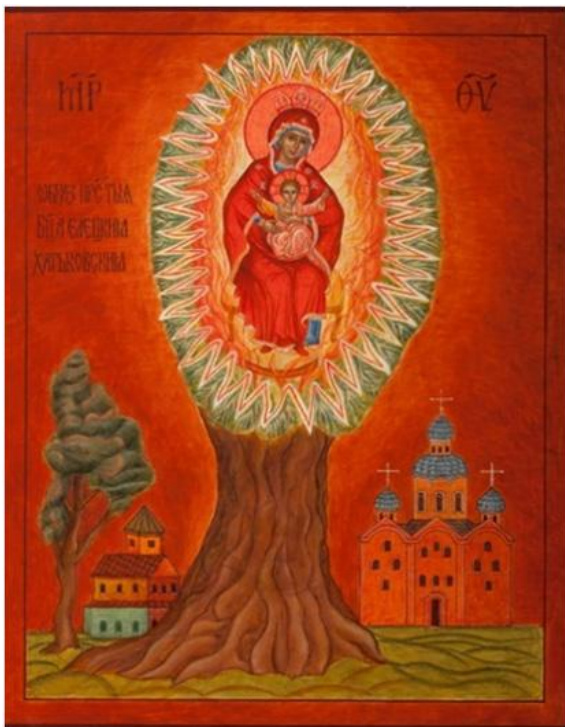
Ключевые слова: князя Барятянские, иконы Богородицы Елецкой-Харьковской и Озерянской, Слобожанщина, Чернигов, Мерефа, Харьков, казаки.

Искусство Слобожанщины является неотъемлемой частью многонационального и многоконфессионального культурного наследия России. Одной из его составляющих была и остается слобожанская икона. В силу различных причин до настоящего времени она мало изучена. Одной из задач музеефикации слобожанских икон является раскрытие их информационного потенциала, способного выступать в качестве источника сведений об исторических событиях, культурных, общественных явлениях и процессах [1]. Поэтому в данном исследовании использованы методы исторического анализа и синтеза.

В XVII начале XVIII вв. на Слобожанщине появляются 14 местных икон Богородицы. Две из них стали высокочтимыми чудотворными и особо почитаемыми в Харькове – Елецкая-Харьковская и Озерянская. Существуют различные легенды их появления и чудесных деяний. Они описаны и растиражированы, однако их содержательная сторона, способность выступать как документальное свидетельство, знак, символ определенной эпохи учеными не рассматривались. Именно эта задача стоит перед данным исследованием.

Елецкая-Харьковская икона Божией Матери. История появления иконы достаточно запутанная, не только в силу приписываемой ей «древности», но и потому, что икона «одновременно существует в двух совершенно отличных друг от друга образах» [2]. Но для понимания ее значимости для Слобожанщины существенны только факты.

Первое описание явления иконы, по преданию, составил черниговский архимандрит Иоанникий Голятовский, служивший в Елецком монастыре. В книге «Скарбница» (сокровищница), напечатанной в 1676 г. он указывает на древнее происхождение иконы и связывает ее появление с именем Черниговского князя Святослава Ярославича (внука св. Владимира). Икона явилась на дереве (ель) на Болдиных горах возле Чернигова в 1060 г. На месте ее явления Преподобный Антоний Печерский устроил каменную церковь. Икона находилась в церкви до разорения ее татарами в 1470 г., но сохранилась только благодаря тому, что была спрятана во внутреннюю полость стены. После восстановления храма киевским князем Симеоном Олельниковичем она находилась в нем до 1579 г.

Елецкая-Харьковская икона Богоматери (список иконы)

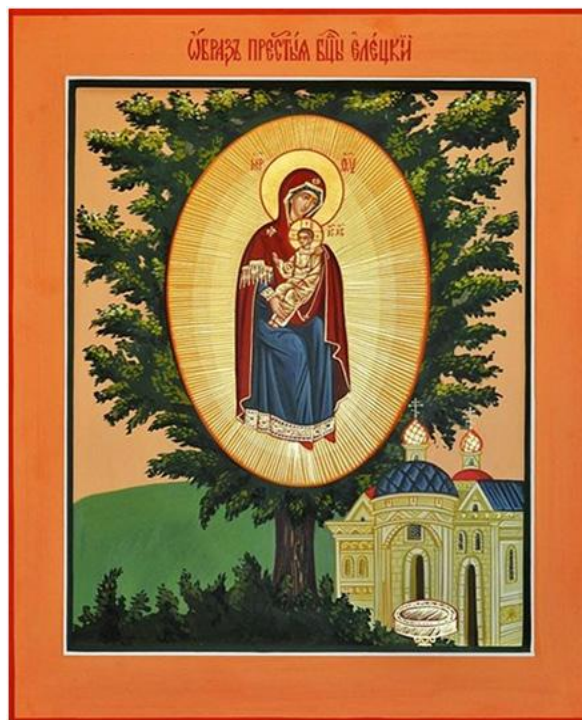
В том же году икона как «наследственное достояние» была взята из монастыря князем Барятинским – потомком черниговского князя Святослава Ярославича и вывезена в Москву, где ее следы теряются, в то время как ее списки получают распространение. Один из таких списков, появившийся в Чернигове на ярмарке в 1675 г., был приобретен К.К.Мазопетю и передан в церковь Черниговского Елецкого монастыря, где икона начала являть чудеса.

История ее появления в Харькове передавалась из уст в уста протоиереями Харьковского Успенского собора и была записана Филаретом в сер. XIX в. Из повествования следовало, что, возвращаясь из первого крымского похода через Харьков в 1687 г., окольный князь Даниил Барятинский, командир новгородских полков, заболел и, «находясь близ смерти, отдал бывшую с ним в походе св. Елецкую икону Пресвятой Богородицы в Харьковский Успенский собор» [3. С. 117]. С этого времени икона прославилась чудесами и стала одной из самых почитаемых на Слобожанщине.

Ключом к пониманию исторической значимости иконы являются имена, даты и топографические названия, упомянутые в письменных источниках.

В легенде указывается на тесную связь иконы с представителями рода князей Борятинских. Этот древний княжеский род берёт своё начало от князя Михаила Черниговского – Рюриковича в одиннадцатом колене и потомка князя Владимира в восьмом [4]. 1579 год – это кульминация русско-польской войны (1577–1582 гг.), когда православный киевский воевода князь К.К.Острожский вступил в военный союз с польской шляхтой с целью присоединения части русских земель, осадил Чернигов, находившийся в составе Русского государства и, не добившись желаемого, сжёг его предместья, разорил и разграбил православный Елецкий Успенский монастырь. Кто конкретно из князей Борятинских спас икону не указано, но этот факт является наглядным свидетельством того, что русский воевода спасал самое святое – образ Богоматери как символ православной веры от поругательства над ним католиками и изменниками – предателями православия.

Князья Борятинские были опричниками, стольниками, воеводами, наместниками и, начиная со времен правления Ивана IV Васильевича Грозного, находились на государственной службе. Например, с деятельностью князя Якова Семеновича Борятинского связано строительство на Слобожанщине фортификационных сооружений – оборонительных валов в 1675–1679-х гг. [3. С. 220]. Ранее, в 1658–1660 гг., князь Юрий Никитич Борятинский отстаивал курс на сближение России и Украины, закрепленный в Переяславском договоре. В результате измены гетманом И.Выговским этого курса и проведения им политики сближения Войска Запорожского с Речью Посполитой произошел раскол Гетманщины на 2 лагеря, который привел к гражданской войне 1657–1687 гг. (Руина). Юрий Никитич Борятинский, защищал интересы малоросов – сторонников мира с Россией. Будучи вторым воеводой у боярина

Елецкая (Черниговская) икона Богоматери (список иконы)

В.Б.Шереметева в Киеве со своим 6-тысячны полком отважно сражался в осажденном Киеве с 20-тысячной армией гетмана Ивана Выговского, состоявшей из казаков и крымских татар. Атаковав неприятеля, Ю.Н.Барятинскому удалось разбить превосходящие силы противника и в качестве трофея захватить гетманскую булаву [5]. С 1658 по 1660 гг. он руководил различными военными экспедициями из Киева в окрестные области, а в 1660 г. после отъезда Шереметева из армии, был 1-м воеводой Киева и комендантом киевского гарнизона.

Даниилу Афанасьевичу Борятинскому – окольничему, российскому военному и государственному деятелю XVII в., набожному человеку, мы обязаны появлению этой иконы в Харькове. В разное время он был воеводой в Смоленске (1659), в Томске (1673–1677 и 1686), в Уфе (1683), в Новгороде (1685–1686). Он участник русско-польской войны 1654–1667 и 1-го Крымского похода 1686 г. [6]. Несмотря на то, что в легенде сказано о смертельном ранении князя в 1687 г., он в том же году вместе с Новгородским разрядом был послан в малороссийские города, где в числе участников Рады избирал гетманом Мазепу. За военные и гражданские заслуги Петром I он возведен в боярство, а после назначен воеводой в Казани (1689) и Киеве (1695) [7]. В 1694 г. в Спасо-Поликарповом монастырь в Брянске он вместе с братом Алексеем начал строительство храма Рождества Богородицы, где был похоронен в 1696 г. Это во многом объясняет, почему в легенде присутствует упоминания о князьях Барятинских. Ратуя за русскую державу и победу православия, помня о своих родовых корнях, они бережно хранили древнюю икону.

В 1686 г. происходят три важных события: подчинение Киевской митрополии Московскому Патриархату, подписание «Вечного мира» России с Речью Посполитой, повлекшее за собой создание антитурецкой коалиции (Священной лиги) и военный поход против Турции. Совместно с русской армией под командованием князя В.Голицына выступило 50-тысячное малороссийское войско во главе с гетманом Левобережной Украины И.Самойловичем. Поход оказался неудачным, и уже в следующем году он повлек за собой восстание И.Самойловича.

Особое внимание заслуживает тот факт, что в 1668–1669 гг. И.Самойлович был инициатором и участником Левобережного восстания против царской власти, поддержанного Крымским ханством. В частности, он руководил семимесячной осадой Чернигова, которая так и не увенчалась взятием города. Это была уже 2 осада города украинскими казаками, только уже в союзе не с польскими, а крымско-татарскими войсками, в борьбе за обладание русским городом.

В первый раз, предав русского царя, гетман Самойлович был прощен, но спустя 20 лет он опять «бунтовал народ» на восстание против России. В 1687 г., воспользовавшись смутой и мстя слобожанам за их участие в предприятии Голицына против Крыма, «на Харьковской полк сделала нападение азовская орда в числе 5 тысяч человек и внесла большие опустошения» [8. С. 78, 84]. Харьковской Слободской (казачий) черкасский полк, невзирая на уговоры и угрозы сторонников И.Самойловича, не примкнул к восставшим, а дал им достойный отпор. Именно этот факт послужил основанием для того, что Харьков, как полковой город, получил в дар от представителя древнего русского рода князей Барятянских Данилы Афанасьевича православную сокровищницу, родовую Икону Елецкой Черниговской Богоматери. Её появление в Харькове стало не только символом несгибаемой воли защитников русского города Чернигова, но и Харькова. Это явилось знаковым событием и началом духовного объединения населения Слобожанщины перед предстоящим в следующем 1688 г. новым походом на Крым и победами над врагами в будущем. Многим людям эта икона давала силы на телесное и духовное исцеление.

Несмотря на то, что восстание Самойловича было подавлено, эти события наглядно показали, что русскому правительству необходимо было сплотить казачество, которое металось в своих решениях примкнуть то к Речи Посполитой, то к Крымскому ханству, то к Русскому государству и постоянно изменяло своим временным союзникам.

Иконография этой иконы очень символична. Богоматерь в типе Оранты изображена в лучистом коконе, расположенном в кроне дерева с очень толстым стволом. Внизу по обе стороны от дерева расположены здания Харьковского Успенского монастыря. Фон иконы тревожный, красный. Зеленая крона дерева как оберег охраняет Богомать с младенцем. Дерево с толстым могучим стволом являет прочность и незыблемость православия, стойкость и нерушимость России. Вся иконография этой иконы наглядно демонстрирует, какие испытания перенесла Слобожанщина, находясь в эпицентре

постоянных военных конфликтов. Окруженная с трех сторон врагами: на западе – Речью Посполитой и верноподданными ей казаками, на юге – крымскими татарами и на востоке – ногайской ордой, она более 2 столетий отражала их непрерывные набеги.

Для победы требовался такой символ веры, который был бы понятен любому жителю Слобожанщины. Именно таким символом стала Елецкая Харьковская икона Богоматери.

Икона Озерянской Богоматери с конца XVII в. считается главной святыней и покровительницей города Харькова и всей Слобожанщины.

Данные о времени появления иконы имеют существенные расхождения: С.В.Булгаков [9] и А.Ковалевский [10] относят ее к концу XVI в., Д.П.Миллер и Д.И.Багалеи – ко времени гетманства И.М.Брюховецкого 1668 г. [11]. П.Е.Михалицын [12] относит явление этой иконы к 1710 г., то есть к началу основания Озерянской Богородичной пустыни и монастыря в Озерянке, то есть того места, на котором была обретена икона. Источники значительно расходятся не только в отношении времени обретения, но и способа. Суть повествования о явлении иконы сводится к следующему: обрел ее некий малороссийский крестьянин, косивший траву и нечаянно расколовший её пополам. После усердных молитв доски чудесным образом склеились и икона вновь обрела целостность, а на месте ее явления забил целебный источник.

Озерянская икона Богоматери (список иконы)

Д.И.Багалеи [11] так же сообщает, что чудотворная икона принадлежала малороссу, иерею Феодору и была вывезена им из Заднепровья. Он бежал от гетмана И.Брюховецкого в 1668 г. и поселился в 26 км от Харькова и в 3 км от Мерефы в местечке Озеряны, служил в церкви, которая прославилась находящейся в ней иконой Богоматери. Озерянская Богородичная пустынь была основана в 1711 г. на месте обретения Озерянской иконы Божией Матери святогорским архимандритом Вассианом. Филарет указывал на то, что икона «писана на холсте кистью древнего малороссийского художника... одним из страдальцев православия, ... взывавшим о помощи небесной для гонимых чад православия, и что она принесена была из-за Днепра» [3. С. 24]. Тут же он пишет, что старожил города Мерефы Г.К.Долинский письменно свидетельствовал, что не знает, «откуда и кем поставлена» эта икона.

Для уточнения времени появления иконы рассмотрим обозначенные в легендах даты и связанные с ними события.

В конце XVI в. территория Слобожанщины была еще мало заселена и представляла собой Дикое поле. Она являлась естественной границей между Московским царством и Крымским ханством, постоянно совершавшим свои набеги на северного соседа и разорявшим его земли. Для усиления южных границ при Иване Грозном начинается строительство оборонительных сооружений – засечных черт. Начало строительства Белгородской черты протяженностью от Белгорода до Ахтырки Д.И.Багалеи относит к 1587 г. (а окончание – к 1677 г.) [13], в то время как Загоровский предполагает 1635 г. [14] Основанием города Белгорода считается 1593 г. Строительство Изюмской засечной черты, являвшейся южной веткой Белгородской, относят к 1635–1654 г. Это была южная граница русского царства. Харьков и Мерефа находились между ними на равном удалении. Официально годом основания Харькова считается 1654 г., а Мерефы, возле которой была обретена икона – 1645 г. или 1663 г. Это свидетельствует о том, что икона не могла появиться в конце XVI в.

1668 г. знаменателен несколькими важными событиями для Слобожанщины.

1. После заключения Андрусовского перемирия (1667), утвердившего разделение Гетманщины на Правобережную и Левобережную, Россия уже не могла оказывать помощь Украине в борьбе с Речью Посполитой. Это означало окончание гражданской войны («Руины»).

2. В период Руины началось активное заселение Слобожанщины переселенцами с берегов Днепра, которые переходили на русскую сторону целыми полками. Из них сформировали военно-территориальные объединения – слободские (казацкие) полки, в частности, Харьковский, полковником которого в 1668 г. был избран уроженец Мерефы И.Серко.

3. Гетман Правобережной Украины Иван Брюховецкий, получивший в 1664 г. в Москве боярский титул за участие в победе над польской армией, недовольный условиями Андрусовского перемирия, в 1668 г. решил подчинить своей власти всю Левобережную часть Украины и Слобожанщину. В поисках союзника он присягнул на верность Турции. В 1668 г. «вспыхнул мятеж... Шайки татар и веприцких казаков явились в слободы с огнем и мечом, чтобы силой принуждать к отступлению от царя московского» [3. С. 131].

4. Иван Серко в ходе восстания Брюховецкого (Левобережное восстание) изменил русскому царю, перешёл на сторону Петра Дорошенко. Вместе они «воевали» русские города, идя «против бояр и воевод» и подбивали харьковчан присоединиться к восстанию. Однако, не получив их поддержки, Серко не смог взять Харьков. Пользуясь смутой в казацкой среде, татары совершили ряд крупных набегов. Гетман «Дорошенко выслал против слобожан 1000 татар с мурзой и 2000 полтавских казаков с их полковником Кульбицким. Они опустошили Мерефу» [3. С. 131].

Все эти факты свидетельствуют о том, что в результате разрушительных походов города и села Слобожанщины подверглись опустошительному разорению. Поэтому наиболее вероятным является утверждение о том, что православный человек (малорос Федор), присягнувший русскому царю, не стал предателем, ушел из разрушенного города и, поселившись поблизости от Мерефы, стал осваивать свободный участок земли. «Тут же по соседству, в лесных дебрях и полянах, стали селиться и другие жители села Марефа, в отдельных избах и поселках, из которых и составилось небольшое поселение, получившее от реки Озеряны наименование Озерянки» [12. С. 287].

Говоря о черкасах, переселившихся на Слобожанщину, Д.И.Багалеи пишет: «ибо не было в их военной среде художника и негде было им купить готовых икон» [11]. В середине XVII в. Слобожанщина уже входила в Белгородский разряд, Патриаршую область и подчинялась московскому Патриарху. Всячески поддерживая переселенцев и проявляя заботу о них, московское правительство и русская православная церковь постоянно отправляли на Слобожанщину все, что было необходимо как для защиты, так и для налаживания нормальной жизни и духовного объединения населения на почве православия: вооружение, продукты, богослужебные предметы, иконы, книги, облачение для священников и многое другое.

Немаловажным в описании истории обретения Озерянской иконы Богоматери является то, что иерей Федор получил от Митрополита Белгородского и Обоянского Феодосия благословение на службу в построенной им церкви Рождества Пресвятой Богородицы, где он потом служил многие годы [3. С. 144]. Филарет пишет, что этот храм в Озеряной уже существовал в 1671 г. и назывался Мерефянским, так как располагался «по близости к Мерефе» [3. С. 91], а архимандрит Иоиль, по актам обители 1679 г., заботившийся его благоустройстве, постоянно докладывал в Белгород о состоянии дел [3. С. 57]. Он жаловался царю, что в «новую церковь икон писать и сосудов церковных, и книг купить им нечим», и просил Великого Государя пожаловать им «икон, и утвари церковной, и риз, и книг». Из царских грамот известно, что «обитель Государевой милостью была снабжена всем необходимым». А это означает, что заботу об оснащении данной церкви взяла на себя РПЦ [16. С. 98]. Кондаков находит, что образ Озерянской Божией Матери является одним из списков Божией Матери типа Одигитрии, который известен в афонской иконописи как Влахернский, а в русской – как Тихвинский, Казанский, Федотьевский, Смоленский, Святогорский образы Божией Матери и др. [17. С. 142].

О том, что Федор – реально существовавшая личность, свидетельствует Святогорский акт [3. С. 91], утвержденный в 1696 г. полковником Ф.Донцом: из него следует, что житель «города Мерефы Богородицкий священник Феодор» просил, чтобы за ним были закреплены купленные им в Озерянке угодья (а это были непроходимые топи и болота). На этом же Акте в 1710 г. генерал-майор Феодор

Шидловский написал, что «всеми угождями, помянутыми в акте, имеют владеть Святогорский архимандрит Вассиан Василевский и его преемники» [3. С. 91], то есть священник Феодор передал свои озерянские угождя Святогорскому монастырю.

Легенда о явлении иконы особым иносказательным языком описывает реальные события – раскол в среде высшего командного состава казачества в борьбе за власть (икону расколол некий малороссийский крестьянин – выходец из Заднепровья). Отсутствие точной даты обретения иконы указывает лишь на то, что события (предательство русского царя гетманами тремя Иванами – Самойловичем, Брюховецким, Серко) в 1668 г. повторились 20 лет спустя. Простой народ, представленный в легенде в образе реально существовавшей личности священнослужителя Федора, выходца из Заднепровья, страдальца за дело православия, не желал изменять русскому царю и православной вере, а усердно молился. Именно поэтому в легенде говорится о чудесном сращивании двух расколовшихся частей одной иконы. Разделенная между Речью Посполитой и Россией территория Украины на Левобережную и Правобережную фактически воссоединилась только в 1793 г.

Крупецкая икона Богоматери (список иконы)

По преданию, в Харьковские пределы она попала около 1612 г.: ее принес из Подольского края священник Петр Андреев, спасавшийся от гонений униатов.

Появление одинаковых иконографических типов Богородицы связано с аналогичными историческими условиями, на что указывают легенды. Это может быть связано с тем, что Московский патриархат очень чутко реагировал на все изменения в политической и духовной жизни православных, находящихся в разных частях государства, в особенности приграничных. Поэтому с большой долей вероятности можно предположить, что Озерянская икона была изготовлена в Москве и привезена на территорию Харьковского слободского полка.

Следует также отметить факт, что образ Богородицы, аналогичный Озерянскому, появляется в непосредственной близости от Минска в с. Крупцы в 1612 г.

Исторически это обусловлено нежеланием православных горожан подчиниться условиям Люблинской унии и перейти в униатство. В начале XVII века недовольство большой православной общины переросло в конфликт на религиозной почве. Для утверждения православия на своей земле ими в 1612 г. в Минске была заложена Свято-Петропавловская церковь, в которой хранилась эта икона.

Примечательно, что в 1687 г. аналогичный иконографический образ Богоматери был явлен в местечке Рудня Могилевской епархии.

Чудотворная Рудненская (Руденская) икона Божией Матери в 1689 г. благодаря местному иерею отцу Василию была перенесена в Киево-Печерский женский монастырь. Как указано в Православной энциклопедии, один из списков на холсте был в храме Покрова Пресвятой Богородицы в Алешках, небольшом городке Харьковской губернии.

Рудненская (Руденская) икона Богоматери (список иконы)

Выводы. Несмотря на разницу в повествованиях о явлении значимых для Харькова местных икон Богородицы, удалось проследить, какие события стали решающими для их появления и с какой целью они были явлены.

1. Во всех легендах присутствуют реальные исторические личности.
2. Даты, указанные в них, являются знаковыми не только для истории Слобожанщины, но и всего русского государства.
3. Местные образы Богородицы выступали символом победы русского духа и служили целям объединения единого славянского народа.
4. РПЦ стала основной духовной базой, на которой выработывался единый менталитет слобожан.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Юренева, Т. Ю. Музееведение : учеб. для подготовки кадров высшей квал. – Москва : Ин-т Наследия, 2020. – 440 с.
- [2] Бровка, В. История иконы Божией Матери «Елецкая» // ЛИТНЕТ : [сайт]. – URL: <https://litnet.com/ru/book/istoriya-ikony-bozhiei-materi-elecksaya-b98999> (дата обращения: 11.12.2023).
- [3] Святитель Филарет (Д.Г. Гумилевский) Историко-статистическое описание Харьковской епархии : в 2 т. – Харьков : Харьк. част. музей город. усадьбы, 2011 г. – Т. I. – 416 с.
- [4] Барятинские // Малая Курская Энциклопедия : [сайт]. – URL: <https://www.mke.su/doc/BARYaTINSKIE.html> (дата обращения: 16.12.2023).
- [5] Ю.Н.Барятинский – забытый русский воевода XVII века // Historicus. Историк: общественно-политический журнал :[сайт]. – URL: <https://historicus.ru/513/> (дата обращения: 22.12.2023).
- [6] Барятинский Юрий Никитич // Власьев, Г. А. Потомство Рюрика: материалы для составления родословий. Т. I. Ч. 2. Князя Черниговские. – Санкт-Петербург : Т-во Р.Голике и И. Вильборг, 1906. – С. 72-74, 164.
- [7] Барятинские, князя // Военная энциклопедия : [в 18 т.] / под ред. В. Ф. Новицкого [и др.]. – Санкт-Петербург ; Москва : Тип. т-ва И.Д.Сытина, 1911–1915.
- [8] Альбовский, Е. История Харьковского слободского казачьего полка, (1651–1765 гг.) : с приложением карты слободских полков : по архивным материалам составил Евгений Альбовский. – Харьков : Тип. Губ. правл., 1895. – [4], IV, 218 с.
- [9] Булгаков, С. В. Настольная книга для священно-церковнослужителей. – Киев, 1913; Ковалевский, А. Сказание о св. чудотворной иконе Пресвятой Богородицы Озерянской. – Харьков, 1892.
- [10] Ковалевский, А. Указ. соч.
- [11] Багалей, Д. И. Миллер, Д. История города Харькова за 250 лет его существования (с 1655-го по 1905-й год) : Историческая монография. Т. 1: XVII-XVIII века. – Харьков, 1905. – 569 с.
- [12] Михалицын, П. Е. Азбука православия. Большая книга верующего / П. Е. Михалицын. — Харьков ; Белгород : Клуб семейного досуга, 2013. – 416 с.
- [13] Багалей, Д. И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. – Москва, 1887.
- [14] Загоревский, В. П. Белгородская черта. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1969. – 304 с.
- [15] Михалицын, П. Е. Чудотворные и исцеляющие молитвы и иконы Святой Троицы, Спасителя, Божьей Матери, преподобных святых и угодников. – Белгород Клуб семейного досуга, 2014. – 149 с.
- [16] Фомин, П. Г. Церковные древности Харьковского края : историко-археологический очерк. Вып. I. – Харьков : Епарх. тип., 1916. – 181 с.
- [17] Кондаков, Н. П. Памятники христианского искусства на Афоне. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1902. – 312 с.

IDENTIFYING THE INFORMATION POTENTIAL OF LOCAL KHARKIV ICONS OF THE VIRGIN

Krasnova Irina Vladimirovna

Post-graduate student, Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Abstract. *To identify the phenomenon of local highly revered icons of the Mother of God in the Kharkov region: Yeletskaia-Kharkovskaia and Ozeryanskaia, as well as for the purpose of their further museumification, the article analyzes historical conditions. It has been proven that the legends reflect the key political events of the 11th – 17th centuries. taking place in the southern outlying territories of the Russian state – Slobozhanshchina. Icons appear at critical moments in the life of the region, and are associated with the need to unite the population on the basis of Orthodoxy. The characters mentioned in the legends are real personalities, and the events are significant for the history of the country. The results of the study can be used in the museumification of Kharkov Mother of God icons, as they characterize their content and reveal the symbolism embedded in them, which makes it possible to understand the social significance of these icons.*

Key words: *princes of Baratynsky, icons of Our Lady of Yelets-Kharkov and Ozeryanskaia, Slobozhanshchina, Chernigov, Merefa, Kharkov, Cossacks.*

© Краснова, И. В., текст, 2024

© Краснова, И. В., ил., 2024

Статья поступила в редакцию 20.02.2024.

Ссылка на статью:

Краснова, И. В. Выявление информационного потенциала местных харьковских богородичных икон. –

Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 2. – С. 70-77. –

URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/657.html&j_id=60.

**МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ С ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКОЙ
В НОВЫХ СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ЗАПОРОЖСКАЯ ОБЛАСТЬ)**

Снеговская Евгения Алексеевна

аспирант, начальник отдела Министерства культуры, спорта
и туризма Военно-гражданской администрации
Запорожской области (Мелитополь, Запорожская область)
Email: 9647239505@mail.ru

Аннотация. *Статья освещает деятельность музеев, расположенных в новых субъектах Российской Федерации. Основное внимание уделено современному состоянию и перспективам развития музейных коллекций с военно-исторической тематикой в учреждениях культуры Запорожской области.*

Ключевые слова: *музей, военно-исторические экспонаты, музеи новых субъектов Российской Федерации, мемориальные коллекции, мемориальность.*

Федеральным конституционным законом от 04.10.2022 N 7-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Запорожской области» был официально определен статус освобожденных территорий Запорожской области. Тем самым открылась новая страница в истории данного региона, судьба которого была решена жителями области на референдуме, проходившем с 23 по 27 сентября 2022 года.

Под управление Российской Федерации перешли государственные и муниципальные учреждения, в числе которых и учреждения культуры. В данной статье автор рассматривает современное состояние и перспективы развития некоторой части музеев, расположенных на освобожденной территории Запорожской области. В центре внимания – музейные коллекции с военно-тематической тематикой.

Начнем с общего состояния музеев в Запорожской области. В силу свои служебных обязанностей, работая в Министерстве культуры данного региона, автор регулярно посещает музейные учреждения и занимается не только исследованием их коллекций, но и развитием материально-технической базы этих учреждений. Отметим, что состояние музейных собраний с точки зрения условий их хранения и экспонирования, а также и другие аспекты материально-технической базы, должной обеспечить эти условия, в большинстве своем, сильно отстают от современных российских стандартов. Кроме того, за предыдущие десятилетия количество музеев в данном регионе значительно сократилось. В 2023 году на освобожденных территориях Запорожской области функционировало всего 20 музеев. Причем самыми крупными из них являются МБУК «Мелитопольский городской краеведческий музей» и МКУК «Бердянский историко-краеведческий и художественный музей», размеры и значимость коллекций которых значительно превышают те же показатели в остальных музеях.

Как известно, лицом музея являются его экспозиции, осуществляющие не только физическое, но и, главным образом, духовное хранение музейных коллекций [1]. То есть – раскрывающие внутренние смыслы уникальных предметов, составляющих эти коллекции. В связи с этим обстоятельством следует отметить, что в исследуемом регионе преобладает тенденция устаревания музейных экспозиций. Как в физическом, так и в идейно-содержательном плане. В большинстве музеев они не обновлялись последние 30 лет. Прежде всего, это касается музеев краеведческого профиля, работающих в сельской местности. Здесь, помимо устаревших экспозиций, как правило, отсутствуют возможности соблюдения элементарных правил хранения. И в экспозиционном, и в фондовом пространстве нарушен температурно-влажностный режим (далее – ТВР), а экспозиционное и фондовое

оборудование находится в критическом состоянии. Причем в наибольшей степени это заметно при посещении музеев, расположенных ближе к линии боевого соприкосновения.

Отметим, что эта негативная ситуация сложилась не из-за военного положения, во всяком случае, не только в сегодняшних экстремальных условиях. В подобных экстремальных условиях местные музеи находились более 30 лет, поскольку старая власть практически не обращало никакого внимания на их состояние и возникающие проблемы. Например, все эти десятилетия многие местные музеи были лишены элементарного отопления, что негативно сказалось на обеспечении ТВР. В большинстве музеев не существует современной системы учета музейных предметов и коллекций, а также современной информационной системы в экспозиционном пространстве. Большая часть экспозиций, смонтированных в 1970–1980-е годы, держится на ветхом оборудовании, опасном для сотрудников и посетителей.

В общем, музеи – это не та сфера культуры, в развитие которой вкладывали средства власти Украины. И это вполне объяснимо, поскольку подавляющая часть музейных коллекций, в частности, Запорожской области, теснейшим образом связано с русской культурой, являющейся родной и естественной для жителей данного региона. Кроме того, следует особо отметить, что основными предметами в фондах краеведческих музеев были и остаются артефакты, связанные, прежде всего, с Великой Отечественной войной и в целом с военно-исторической тематикой. Понятно, что эта достаточно общая тенденция для краеведческих музеев на всем постсоветском пространстве шла вразрез с политикой украинских властей. Наблюдался тотальный снос памятников защитникам Отечества и героям войны, а также демонтаж экспозиций, посвященных военно-историческим темам, прославляющим, напрямую или косвенно, Россию, как имперскую, так и советскую.

Например, в советский период в г. Бердянске функционировало 15 музеев, в том числе – при заводах и учебных заведениях, многие из них работали на общественных началах. Причем практически во всех экспозициях этих небольших музеев отражался, на примере местных героев, ратный и трудовой подвиг советского народа в период Великой Отечественной войны. Когда в 1990-е гг. бердянские заводы стали расформировываться и закрываться, судьбы их музеев и коллекций оказались под угрозой. Однако по инициативе сотрудников местного краеведческого музея было принято решение максимально сохранить эти собрания, в том числе – с военной тематикой. В результате в городе возник уникальный проект «Музей в музее»: коллекции расформированных общественных музеев периодически экспонировались в выставочных пространствах городского музея. Тем самым не только сохранили, но и актуализировали мирную и военную историю города Бердянска советского периода.

В настоящее время в Бердянске функционирует учреждение, представляющее собой сообщество музеев города, которое хранит культурно-историческую память народа – Муниципальное казенное учреждение «Бердянский историко-краеведческий и художественный музей» Военно-гражданской администрации города Бердянска. В его состав входят: Музей истории города Бердянска, Мемориальный Дом П. П. Шмидта, Краеведческий музей, Художественный музей им. И. И. Бродского, а также практически единственный, на освобожденной территории Запорожской области, профильный военно-исторический Музей «Подвиг».

Открытие Музея «Подвиг» состоялось в 1985 году, было приурочено ко Дню Победы в Великой Отечественной войне. Большая часть фонда была перемещена из краеведческого музея, присутствуют предметы, которые были приобретены специально для этого музея. Основные экспонаты – личные вещи героев г. Бердянска. Одним из самых экспрессивных экспонатов, по мнению автора, является письмо бердянской девушки Веры, написанное на деревянной доске в 1943 году, своей матери: «До свидания мама, много раз тебя целую. Ухожу на расстрел. Вера. 1924 г.р.».

В пяти экспозиционных залах рассказывается об уроженцах города, проявивших героизм в годы войны, их именами названы улицы Бердянска. В 2001 году в музее открыли новую экспозицию под названием «Ими гордится город». Причем один из залов имеет название: «Афганистан болит в моей душе», а в соседнем зале открыта картинная галерея, посвященная Великой Отечественной войне и ее местным героям. Кроме того, в музее действует историко-бытовая экспозиция, где с помощью ансамблевого метода демонстрируется послевоенный и мирный быт горожан конца 1940–1950-х гг. Наконец, в 2023 году силами сотрудников музея была разработана выставка, посвященная событиям Специальной военной операции.

Теперь – о главной экспозиции данного музея. Она посвящена теме «Наш край в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Центральное место в экспозиционном зале занимает впечатляющая диорама высадки десанта в Мерликовой балке. Эта диорама, созданная в советский период, как и все экспозиционное оборудование, сохранилась почти в неизменном виде с момента открытия музея до сегодняшних дней. В настоящее время она уже сама является памятником и артефактом того времени, когда весь советский народ отмечал 40-летие Великой Победы. Понятно, что и сама диорама, и окружающая ее иллюстративно-тематическая экспозиция нуждаются в модернизации, в дополнительных экспонатах и в активном применении современных музейных технологий, погружающих посетителя в пространство и время Подвига военно-морских десантников. Для нас – это организационная и творческая задача на ближайшее время.

Еще одной крупной коллекцией, в том числе – с военно-исторической тематикой, располагает Мелитопольский краеведческий музей. Город Мелитополь стал столицей Запорожской области в 2023 г. [2]. Главный, и пока единственный, музей в городе открыл свои двери для посетителей 1 мая 1921 г. Первыми его экспонатами стали археологические и палеонтологические находки местного краеведа и первого его директора Д.Я.Сердюкова [3]. В 1967 году, накануне 50-летия Октября, краеведческому музею был передан трехэтажный особняк, построенный в 70-х гг. XIX века купцом Черниковым.

Краеведческая экспозиция Мелитопольского краеведческого музея. 2023 г.

Следует отметить, что этот историко-краеведческий музей города имеет перспективы стать музеем областного значения. Он обладает внушительным фондовым собранием: более 70 000 экспонатов основного и научно-вспомогательного фонда. В 1971–1985 гг. в краеведческом музее проводится строительство отделов природы, археологии, досоветского и советского периодов. В 2000-е гг. была произведена реэкспозиция, обновлено оборудование, внесены изменения в содержание. Причем экспозиция начинает свое повествование с древнейших времен, рассказывает о заселении этого края на основе археологических коллекций, в том числе – с военно-исторической тематикой. Например, ценнейшими артефактами обладает коллекция, относящаяся ко временам пребывания на территории Запорожской области воинственных скифских племен. К одним из самых старинных предметов, связанным с вооруженными конфликтами, относится скелет скифа с похоронным инвентарем – железной саблей. Данная находка была обнаружена в с. Данило-Ивановка Мелитопольского района.

Кроме того, в экспозиции музея, посвященной бурной истории данного края, можно видеть оружие и более позднего времени. В частности, огнестрельное оружие, пистолеты Российской империи с ударно-кремнёвым замком XVII–XVIII вв., холодное оружие Османской империи, пушечные ядра, сабли XVII в. и многое другое. Понятно, что все эти артефакты, отражающие военную историю края, нуждаются в новой экспозиционной интерпретации, демонстрирующей и объясняющей причины и характер освоения и включения данного региона в состав Российского государства.

Второй этаж особняка – военно-историческая экспозиция, посвященная истории деокупации юго-запада Советского Союза от немецко-фашистских захватчиков в 1943 году. Создавалась она на основе обширной коллекции. В частности, на стендах представлена предметно-документальная информация о дивизиях, освобождавших город Мелитополь, а также личные вещи героев операции. Эти подлинные свидетельства были собраны краеведом Н.В.Моховым и действующим директором Б. Д. Михайловым в 1970-е гг.

Военно-историческая экспозиция Мелитопольского краеведческого музея. 2023 г.

Необходимо отметить, что Мелитополь имел стратегически важное значение для немецких захватчиков, являясь «воротами в Крым». Поэтому за освобождение города развернулась одна из самых ожесточенных битв времен Великой Отечественной войны. Многие историки называют битву за

Мелитополь «второй Сталинградской битвой». В экспозиции подчеркнута, что по итогам этой операции звания Герой Советского Союза были удостоены 87 бойцов и командиров Красной Армии.

Диорама в Мелитопольском краеведческом музее «Прорыв немецко-фашистской линии обороны "Вотан" на р. Молочной, октябрь 1943 год». 2023 г.

Центральное место в экспозиции занимает масштабная диорама «Прорыв немецко-оборонительной линии "Вотан" в октябре 1943 года», отражающая мужество и героизм освободителей Города. Инициатором создания этой диорамы являлся местный художник П.М.Никифоров, который в 1968 году разработал её прообраз. В 1971 г. директор музея Б.Д.Михайлов пригласил для работы над диорамой харьковского художника-баталиста В.В.Парчевского, который вместе с художниками П.Ф.Рединым и А.Ю.Смирновым, используя эскизы Никифорова, создали крупнейшую для того времени диораму. В ней они мастерски отразили тему победного наступления под Мордвиновкой [4]. В 1972 г. эта работа была завершена, состоялось торжественное открытие, на которое пригласили участников Мелитопольской наступательной операции.

Следует отметить, что это полотно впечатляет и в наше время. Его размеры составляют 12,6x4 м, а изображенные события ярко и экспрессивно отражают напряженный момент прорыва войсками 28 армии оборонительного рубежа немецких укреплений в ночь с 30 сентября на 1 октября 1943 года. Причем, самое интересное, что все эти события – реальные и воспроизведены на основе документальных источников, собранных военным краеведом Н.В.Моховым. Кроме того, художники-баталисты неоднократно выезжали на место проведения освободительной операции и изучали окружающий ландшафт.

В свое время музейная диорама «Прорыв немецко-фашистской линии обороны "Вотан" на р. Молочной, октябрь 1943 год» стала достопримечательностью города и своеобразным памятником воинам-освободителям. Это поистине уникальное произведение батальной живописи до сих пор является эмоциональным центром одного из залов военно-исторической экспозиции. Однако ее последующая история весьма драматична.

В 1998 году диорама была отреставрирована, а чуть больше, чем через 20 лет было принято решение о ее демонтаже: в 2021 году в музее запланировали ремонтные работы, в результате которых следовало полностью поменять экспозиционное наполнение и демонтировать уникальную диораму. К этому моменту в предшествующем зале уже смонтировали экспозицию, посвященную АТО, нацеленную на внушение населению «новой истории» и «легитимности украинской власти». Сегодня можно только догадываться, какой бы была концепция новой экспозиции в краеведческом музее, но, к счастью, планам о демонтаже военно-исторической экспозиции в 2021 году помешали некие обстоятельства, а в 2022 году им и вовсе не суждено было сбыться. Таким образом, в целом сохранилась экспозиция, рассказывающая о доблестных подвигах советского народа.

Военно-историческая экспозиция Мелитопольского краеведческого музея. 2023 г.

Стараниями сотрудников Мелитопольского городского краеведческого музея сравнительно недавно был открыт экспозиционный зал «От Майдана до Победы». Экспозиция разместилась в одном из залов музея, где в последние годы украинская власть развернула выставку, посвященную голодомору и рассказывавшую о «зверствах советской власти, о целенаправленном уничтожении южных украинцев и о повальном голоде». Сегодня в этом экспозиционном пространстве отражены события, которые предшествовали началу Специальной военной операции, показано как в Киеве набирали силу неонацисты, какие усилия приходится прикладывать России, чтобы наладить мирную жизнь в новых регионах Российской Федерации, в том числе и в Мелитополе. Каждое событие, описанное на стендах выставки, подтверждается фотоматериалами, предметами, элементами экипировки и другими документальными свидетельствами.

Выставка «От Майдана до Победы».
Мелитопольский краеведческий музей. 2023 г.
Фото с сайта melitopol-history.org

Одним из самых экспрессивных экспонатов здесь, по мнению автора, является детская азбука, где на каждой странице, к каждой букве в стихотворной форме, дана негативная и лживая информация о России, пытающаяся дискредитировать традиции и ценности российского народа. Посетитель имеет возможность взглянуть на свидетельства украинского режима, оценить масштаб идеологического воздействия на местное население.

В заключение отметим, что роль военно-исторических экспозиций в период СВО сложно переоценить. Музеи играют роль центра притяжения школьных групп, здесь проводятся встречи с ветеранами, реализуются военно-патриотические выставочные проекты, культурно-просветительские программы.

В настоящее время наивысшую актуальность набирают проекты, направленные на популяризацию достоверных знаний об истории страны, противодействие фальсификации истории и сохранение исторической преемственности ценностей и идеалов народов России. Особенно важно обращать внимание на реализацию подобных проектов в новых регионах Российской Федерации.

С учетом поручения Президента Российской Федерации о создании музеев, посвященных событиям спецоперации и подвигам ее участников, особым отношением к военно-историческим музеям, в ближайшее время стоит ожидать модернизацию и реэкспозицию музеев с военно-исторической тематикой.

Еще раз отметим, что на новых территориях Российской Федерации наблюдается массовое устаревание музейных экспозиций. Всё то, что сохранилось до наших дней, в большинстве своем не обновлялось более трех десятков лет и требует сегодня новых подходов к экспонированию и изложению материала. Сохранение и популяризация истории о героях южной части Российской Федерации станет неотъемлемой частью реинтеграции местного населения в общее тело страны. Объединение народа вокруг общей беды и во имя общей Победы в столь сложный период несомненно будет способствовать упрочнению позиций Российской Федерации, найдет отклик среди населения, а также даст возможность развивать военно-патриотические проекты, нацеленные на сохранение национальной идентичности и развитие национального самосознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Поляков, Т. П. Музейная экспозиция: методы и технологии актуализации культурного наследия. – Москва : Ин-т Наследия, 2018. – 588 с.

[2] Указ Временно-исполняющего обязанности губернатора Запорожской области «Об административно-территориальном устройстве Запорожской области» от 03.03.2023 № 21-у.

[3] Михайлов, Б. Д. Экскурсия в краеведческом музее // Мелитополь – медовый город : Путеводитель-справочник. – Днепропетровск : Проминь, 1990. – 92 с.

[4] Мирошниченко, С. П. Научно-исследовательская работа «История создания диорамы» / С. П. Мирошниченко, Мелитопольский городской краеведческий музей. – Мелитополь, 2013. – 5 с.

MEMORIAL COLLECTIONS IN MUSEUMS OF NEW REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION (ZAPOROZHYE REGION)

Snegovskaya Evgenia Alexeevna

Post-graduate student, Head of Department, Ministry of culture,
sports and tourism of Military-civil administration
of Zaporozhye region (Melitopol, Zaporozhye region)

Abstract. *This study addresses the activities of museums located in the new regions of the Russian Federation. The author attempts to identify and analyze the features of the work that have developed in the museums of the Zaporozhye region. The focus is on approaches to the exhibition of memorial collections and objects, which are considered on the example of the Berdyansk Historical and local history and art museums.*

Key words: *museum, military historical exhibits, museums of new regions of the Russian Federation, memorial collections, memorialism.*

© Снеговская Е.А., текст, фото, 2024
Статья поступила в редакцию 20.02.2024.
Публикуется в авторской редакции.

Ссылка на статью:

Снеговская, Е. А. Музейные коллекции с военно-исторической тематикой в новых субъектах Российской Федерации (Запорожская область). – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 2. – С. 78-83. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/658.html&j_id=60.

**ЭСТЕТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ ФИЛОСОФИИ ЖИЛЯ ДЕЛЕЗА
КАК ОСНОВА ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ
ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
АВАНГАРДНОГО ИСКУССТВА XX ВЕКА**

Конькова Елена Юрьевна

старший преподаватель Российского государственного
университета имени А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство) (Москва)
Email: e.konkova@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена эстетической интерпретации философского концепта Жюль Делеза – юмора. Автор осуществляет попытку представить его как продуктивный теоретический инструментарий для искусствоведческого исследования авангардного искусства XX века. В качестве примера проводится сравнительный анализ размышлений о поиске нового художественного языка Василия Кандинского, художников его круга, Анри Бергсона и Жюль Делеза.*

Ключевые слова: *Жюль Делез, авангардное искусство 20 века, юмор, смех, композиция, абстракция, интерпретация.*

Творческое наследие Жюль Делеза, французского философа 20 века, в последнее десятилетие активно изучается российскими учеными. В основном исследования имеют описательный и исторический характер.

Поскольку эстетика не являлась специальным объектом изучения Делеза и произведения искусства представляли для него составляющую общей действительности, мы не можем представлять его философию как готовый инструмент для искусствоведческого анализа. Однако, опираясь на отдельные его размышления об искусстве и объединяя их с теоретическими философскими концептами мыслителя, возможно организовать продуктивный теоретический дискурс, который позволит анализировать произведения искусства 20 века.

Для того чтобы продемонстрировать актуальность теоретических конструктов Делеза в плане размышлений о языке искусства 20 века, в данной работе выбран путь исследования от обратного. То есть, философские концепты Делеза, сформулированные им в 50-е годы 20 века, экстраполированы на философские, литературные и живописные композиции, созданные авторами начала 20 века.

В качестве примера объектом исследования выбрана сценическая композиция Василия Кандинского «Желтый звук», написанная им в соавторстве с композитором Арнольдом Шенбергом, а предметом – ее отражение в философском концепте юмора Жюль Делеза.

Идея такого исследования возникла не случайно. Сценическая композиция Кандинского «Желтый звук» не читалась на языке эстетики его времени. Философско-эстетическое осмысление этого произведения в большей степени раскрывается через концепт юмора Жюль Делеза, созданный им в его книге «Логика смысла».

В процессе сравнительного анализа размышлений Василия Кандинского и художников его круга о новом языке искусства с теоретическими философскими рассуждениями Делеза у них выявляется определенное сходство.

Несмотря на то, что художник и философ позиционировали себя ниспровергателями системных представлений традиционной христианской онтологии, им обоим удалось не только разрушить, но и создать подвижные эстетические теории, благодаря которым анализ произведений искусства стал возможен для их современников и исследователей более позднего периода.

Назвав свое искусство абстрактным, Кандинский не стремился свести его к четко закрепленному набору идей и символов. Термин абстракция, так понравившийся художнику, впервые был введен в искусствоведческий язык Вильгельмом Вorrингером в 1903 году как синоним трансцендентального начала в средневековом искусстве.

В начале 20 века трансцендентальное из сферы христианской мифологии, канона и молитвы сместилось в пространство вечного вопрошания. Тожество мира и Бога разрушилось, обернувшись, по мысли Делеза, дионисийским смехом, обесценивающим все привычные догмы. Но отрицание оказалось настолько многоликим, что породило новую парадоксальную логику художественных смыслов, ставшую основой философии искусства 20 века. Язык пауз и остановок сменился языком чистого становления.

Абстрактная линия – одна из ключевых философских метафор Делеза. Она обладает мощью выражения, является проводником силы хаоса, сгущает пространство, придает ему напряженность [4].

Кандинский определял смысл абстрактной гармонии как «борьбу тонов, утраченное равновесие, рушащиеся принципы, внезапный барабанный бой, великие вопросы, видимо бесцельные стремления, видимо беспорядочный натиск и тоску, разбитые оковы и цепи, соединяющие воедино противоположности и противоречия.» [7, с. 82]

Гармония диссонансов как смысл нового искусства на рубеже веков манифестировалась Кандинским и Шенбергом в их программных выступлениях, озвучивалась в личной переписке [1].

Арнольд Шенберг писал Кандинскому в период совместной работы над сценической композицией «Желтый звук», что им нужно обрести мужество взглянуть в лицо окружающей их загадке без малодушных вопросов о разгадке. Важно, чтобы их творчество само создавало загадки.

Действительно, Кандинский и Шенберг в своей сценической композиции попытались отказаться от прямого продолжения какого-либо из известных им театральных дискурсов. Их желание вглядеться в молчание и вслушаться в цвет вызвало к жизни неразличимые до того оттенки психологических жестов в интервалах непривычных для памяти событий.

Предпосылки такого представления о бесконечной подвижной парадоксальности искусства и жизни, характерного и для Кандинского, и для Делеза, заключались в философии Ницше. Именно из его «Веселой науки» Жиль Делез вывел свое понимание юмора как некой границы знака, где сталкиваются, формируются и рассыпаются разные толкования жизни и искусства [4].

«Быть спокойным и серым во всем теле, без признаков алчности и себялюбия, с умершей волею и пьяными глазами месяца» и в то же время «превращать все, что нас составляет в свет и пламя», означало новую свободу анонимной воли [9, с. 148]

Жиль Делез интерпретировал идеи Ницше как событие чистого становления, лишенное трагической и комической памяти культуры. В новом языковом опыте философ видел смысл искусства.

Поиски нового языка искусства вдохновляли также Кандинского и художников его круга.

Характерна в этом отношении статья немецкого художника Августа Макке «Маски», напечатанная в составленном Кандинским альманахе «Синий всадник» в 1912 году в Мюнхене [11].

Маски, какими рисует их Макке, – не статичные аллегории и символы каких-то конкретных представлений, а подвижные меняющиеся формы скрытых настроений мысли. В едином смысловом

ряду оказываются слова и эффекты: солнечный день, персидское копье, носовая часть пиратского судна, слово-священный, стрельба, тень от лампы у Метерлинка, пугающие друг друга дети, пейзаж Ван Гога, барабанная дробь индийского факира...

Такие маски – знаки, не закрепленные постоянным значением, пользуясь терминологией Делеза, возможно, никогда не читавшего эту статью, это некие блуждающие точки, означающие которых постоянно меняются, пробегая различные дискурсы мысли читателя. Одним из образов, объединяющим пространство случайных сингулярностей смыслового абсурда, у Делеза является юмор. Гипотетически аналогом фигуры смыслового нонсенса можно представить «гармонию диссонансов» Кандинского.

Знаки сценической композиции Кандинского, также как и маски, описанные Макке, становятся лабиринтами языка, все время меняющим свой код. Язык таких масок, как считает сам Макке, не всегда нуждается, чтобы на нем читали.

Но в этом замечании сквозит скорее нежелание художника быть прочитанным непосвященными – теми, кто воспринимал игровые композиции Кандинского, обитающие в пространстве социально нейтрального юмора, как мучительные сибирско-баварские творения, а музыку Шенберга – как навязчивую какофонию.

Подобных критиков, растерявшихся перед натиском «диких Германии и России», было немало. Популярный в то время метод критического анализа произведений искусства сводился в основном к сопоставлению текста и его иллюстрации средствами музыки, живописи и театра. Наиболее точное отражение изначально заданных понятийных содержаний исходного либретто, передающего ход событий, смену настроений в художественной символике произведения расценивалось как достоинство. Подобный анализ приводил к таким курьезам, как «декламационные ошибки» Вагнера или «искажение стихов в музыке Шуберта», описанным Шенбергом в его статье «Отношение к тексту.», также вошедшей в «Синий всадник» [11].

Но именно в ошибках, случайностях, несовпадениях с привычным, ожидаемым виделись Кандинскому и Шенбергу приметы нового языка искусства.

Фигура искусствоведа, художественного критика, ищущего ошибки в состоящем сплошь из ошибок произведении становится комичной. На смену критику-послушнику, хранителю традиций приходит критик-бунтарь, творец нового образа мысли и поэзии. Но его мысль не должна обуздывать или калечить жизнь художников, переполняя ее своей мудростью или, напротив, скатываясь в безумие «человеческого, слишком человеческого» [10, с. 4].

Кандинский выделял два направления в современном ему искусстве: «великая реалистика» и «абстракция». И то, и другое, по его мнению, порождало сходные эффекты художественного смысла.

Под первым он понимал изображение чистого, свободного от традиционных интерпретаций предмета. Именно при сведенном до минимума «художественном» становится слышен внутренний звук предмета, выявляется его абстрактное, трансцендентальное начало. То же самое в абстракции достигается путем отказа от предметного изображения [7].

Само сравнение Кандинским эстетического смысла со звуком передает подвижную природу парадоксальной инстанции, существующей в обоих направлениях сразу, которую можно истолковать, согласно Делезу, как границу юмора, как линию абстракции.

Согласное вчувствование в этот внутренний звук и его художественное описание и составляет, по мнению Кандинского, предмет современной критики.

Жиль Делез противопоставлял идеальному знанию, поискам истины толкование и оценку. То есть, частный фрагментарный смысл произведения искусства и его ценность ни в коем случае не должны умалять многообразия интерпретаций. В начале 21 века, когда философская поэзия Делеза будет освоена как некая схематическая парадигма, юмор Делеза сыграет с его последователями злую,

трагическую шутку, выродившись в политическую индифферентность журналистов французского журнала «Шабли» и поплатившихся за это жизнью.

Таким критериям идеала познания Делеза и Кандинского в начале 20 века соответствовал фрагментарный стиль Ницше, чьи афоризмы утверждали жизнеспособность любой художественной возможности, в том числе жизнотворчества.

Большая часть статей о современном искусстве, вошедших в альманах «Синий всадник, где в 1914 году был впервые напечатан текст сценической композиции, написана художниками, поэтами, композиторами. Кандинский, памятуя о мысли Делакруа, что все неточности в истории искусств возникают из-за того, что о нем пишут не художники, предоставил возможность высказаться им самим. Язык этих статей ближе к художественному письму, чем к сухому теоретизированию. Толкования и оценки авторов различных направлений искусства зачастую противоречивы и неоднозначны, но именно этот хаос разновеликих сравнений, фрагментарных толкований создает то языковое поле, в котором оказалась возможной сценическая композиция Кандинского «Желтый звук», напечатанная в альманахе вслед за его же статьей «О форме».

Сценические эзерсисы Кандинского – явление для театральной жизни начала 20 века уникальное, поэтому неудивительно, что первая постановка «Желтого звука» состоялась в Париже лишь спустя пятьдесят лет после его написания.

Действие «Желтого звука» полностью разворачивается в пространстве языковых междукосмий, в подвижной зоне языкового юмора Делеза, между планами означаемого и означающего, где только и возможно говорить то, что еще не имеет смысл, еще не истинно, еще не и «никогда впредь».

«Желтый звук» напоминает странную игру без правил, но в ней-то как раз и выделся Кандинскому образ нового художественного языка.

Фердинанд де Соссюр, чьи основные работы по общей лингвистике вышли почти одновременно с альманахом Кандинского, также сравнивал язык с безумной игрой, имея в виду не поддающиеся анализу изменения означаемых и означающих. Соссюр проигнорировал в своих исследованиях промежуточные состояния языка – «переходы шахматных фигур из одной клетки в другую». Его интересовали только соотношения фиксированных знаков, а не ряды видоизменяющих их явлений [12].

Кандинский и Шенберг, напротив, предоставили языку полную свободу самовыражения в позитивном пространстве идеальной игры. Практическая целесообразность знака, фиксированное тождество означаемого и означающего сменилось у них свободной импровизацией знаковой формы, которую Жиль Делез назовет в 50-е годы 20 века линией абстракции, границей юмора, продуктивным нонсенсом, дзен-буддистским коаном и обозначит множеством других философских метафор.

Кандинский в статье «О форме» приводит пример такой формальной языковой игры. Изменение в тексте знака тире «-» (его удлинение) вызывает у читателя вопрос: что это? Случайная опечатка или новый знак? То же самое в живописи: линия, не обозначающая границы предмета, а проведенная без всякой целесообразности, также вызовет удивление. Привычные формы в такой ситуации, очевидно, начинают обретать какие-то новые функции. Но какие?

Искусство, по мнению Кандинского, не дает расшифровок и конечных ответов. Чем выше амплитуда колебаний между вероятностным ожиданием читателя, зрителя и загадочной реальностью произведения искусства, тем сильнее его эстетический эффект.

Язык в таком случае превращается в арабески, неразгадываемый узор письма. Но, перефразируя слова Ницше о том, что только на грани безумия рождаются новые миры, можно сказать, что сценические композиции Кандинского и Шенберга возникли на границе языка и того смыслопорождающего пространства, которое в строгом смысле языком не является.

Абстракции Кандинского в начале 20 века часто сравнивали с музыкой Шенберга. Поэтому, если бы премьера «Желтого звука» состоялась в Мюнхенском художественном театре в год ее написания,

реакция зрителей наверняка была бы такой же, как на концертах Шенберга. Как известно, в 1911 году во время исполнения Сергеем Прокофьевым двух фортепианных пьес Шенберга в зале петербургской филармонии стоял гомерический хохот.

Действительно, прочитав сценарий сценической композиции в альманахе «Синий всадник», многие восприняли его как удачную шутку, но причислять этот экспромт к солидному жанру комедии не решался никто.

В абстрактной композиции Кандинского парадоксально уживаются самые разные виды смеха. В ней есть и тот смех, которым смеялся Мольер, и смех «чистой радости», которым пропитаны произведения гейдельбергских романтиков, и карнавальный смех Возрождения. Однако, в целом, смех, организующий пространство сценической композиции, не подходит ни под одну из традиционных теорий комического. Такому смеху нет объяснения ни в одном толковом словаре начала 20 века (в русских толковых словарях не было даже самого слова «смех»).

Единственным, кто попытался приблизиться к осмыслению подвижных законов такого смеха, был Анри Бергсон, но, сосредоточившись в своих исследованиях на социальной природе комического, он в итоге пришел к выводу, что ни один из открытых им законов смеха не применим к новому искусству, смысл которого, согласно его же собственной теории, не укладывается в серии моментов, а отражает незавершенную текучесть времени [3]. Размышления Бергсона о природе смеха подготовили по сути те вопросы, на которые ответит позже Жиль Делез.

В протяженном потоке художественного сознания моменты времени взаимопроницаемы и один миг может длиться вечно. В языке такого времени, по мысли Бергсона, все паузы и остановки сметаются законом чистого становления. Символом такого времени могут быть часы без стрелок, изображенные на картине Сальвадора Дали (этот образ часто встречается у самого Бергсона), часы, растекающиеся по поверхности вещей и едва удерживающие свои контуры.

Не смотря на то, что Бергсон не причисляет традиционные комедии к эстетическому жанру, а видит в них лишь один из вариантов социального устройства, в своей книге он очень точно раскрывает их парадоксальную природу, которая оказывается сродни новой комедии случайностей, той «гармонии диссонансов», примером которой является абстрактная композиция Кандинского.

По мысли Бергсона естественная среда смеха – равнодушие. Стоит зрителю начать сопереживать всему, что происходит на сцене, он уже не сможет смеяться. Только способность к абстрактному мышлению дает возможность подмечать смешное. Область смешного – абстракция. Пьеса Кандинского в таком случае изначально оказывается в поле смешного, она в определенном смысле «обречена на смех».

Бергсон, определив равнодушие как одно из условий смешного, подходит к той черте, где становится возможным осмысление языкового юмора, которым дышит пьеса Кандинского, но философ мыслит иначе. Бергсон переводит «равнодушный смех» в план этического порицания и приравнивает его к победе здравого смысла.

Постоянно балансируя на грани собственного желания вывести смех из обратимых теорий в то время, где «миг может длиться вечно», где «уже» или «еще» не существуют вовсе, Бергсон то и дело рассыпает свои доводы в пользу «социальных теорий» во множестве противоречивых примеров. Рисуя абстрактные картины «смешного танца без музыки», Бергсон создает пространственные модели той идеальной игры, где степень временной свободы соответствует степени пространственной свободы. Передвижение случайных событий, согласно его же собственным выводам, где всякое их тождество также случайно, как и абсолютная новизна, возможно только в комедии.

По мысли Бергсона, комедия смешна, потому что жить в мире случайностей невозможно, и смех – это граница, заслон между безумием и разумностью. Но не слишком ли много глав посвящает Бергсон этому «безумию», не слишком ли увлекается его смешной логикой?

В итоге создается впечатление, что смех-осмеяние, в котором Бергсон домысливает всякое комическое происшествие, есть, по сути, лишь один из возможных путей в лабиринте смеха, того смеха, который он приравнивает к безумию.

Бергсон не решается шагнуть в то пространство, где нет ничего, что было бы не смешно, туда, где, по словам Ницше, «всякая истина, у которой не было, смеха называется ложной» [9, с. 11].

Перцептивно-аффективные конструкторы художественной реальности, которые интуитивно создавал Василий Кандинский и проанализировал в своей философии Жиль Делез, еще не входят в теоретический инструментарий Бергсона. Его эстетические теории не позволяют проанализировать произведения абстрактного юмора, концептуализировать новые динамические формы субъективности.

Подчеркивая социальную природу смешного, Бергсон писал, что мы смеемся над старыми законами только с высоты новых. Он замечал, что хаотичная игра случайностей обычно вызывает смех, как результат ожидания, которое внезапно разряжается ничем, но в то же время не всякие бесполезные усилия оказываются смешными, простая несоразмерность между причиной и следствием – еще не причина смеха. Мы смеемся только над особым рода механизмом – устаревшим законом, скрывающимся за этими несоразмерностями.

Бергсон подчиняет смех механическим законам обратимого времени «Жемчужного ожерелья», каждый момент которого объясним сам по себе. В механике время обратимо, но в жизни каждый последующий момент обладает подлинной новизной и поиски утраченного времени бесполезны. Конкретное время – это жизненный поток с элементами новизны в каждом мгновении. Такое время, по мнению Бергсона, не сводимо к эстетическому пространству традиционной комедии. Бергсон подходит к той границе познания, где дальнейшее теоретизирование, на его взгляд, антионтологично.

Восприятие бытия как события, растворение его в языке, воплотившееся в философии трансцендентального эмпиризма Делеза, станет следующей ступенью в осмыслении законов абстрактного смехового искусства.

В размышлениях Бергсона о природе смеха содержится много открытий, которые сопоставимы с теорией юмора Делеза.

Бергсон в своей работе «Материя и память» различает в едином потоке сознания воспоминание и память и метафорически представляет связь между ними, как игру актера, слова и жесты которого не понятны, поскольку они лишь небольшая часть того, что укореняется в пространстве духовной памяти и что не доступно нашему разуму. Но разве не подходят эти слова и жесты под разряд смешных случайностей, не являющихся при этом частями несовершенного механизма? Значит, время воспоминаний все-таки сводит поток сознания к определенному пространству случайностей на поверхности бессознательного, к той границе юмора Делеза, где все меняется и единый закон уже невозможен.

Пользуясь определением Бергсона, можно сказать, что сценическая композиция Кандинского написана языком, который, словно забыв на мгновение о своем истинном назначении, вознамерился не сам приспособляться к окружающему, а приспособлять окружающее к себе. Но, рассуждая о природе остроумия, Бергсон замечает, что оно избегает готовых идей, не подчиняется известным законам, поскольку остроумец не пользуется идеями символами, а дает возможность своим мыслям разговаривать между собой так, ради удовольствия, давая им самостоятельную абстрактную жизнь [3].

Условия смешного, которые открывает Бергсон, по сути, уже сопоставимы с будущей теорией юмора Делеза.

Бергсон изначально определяет смешной язык как язык-хаос и находит три необходимых условия смешного.

Во-первых, предложение комично, когда оно принадлежит одновременно к двум сериям независимых событий и может быть истолковано одновременно в двух разных смыслах. (Знаки сценической

композиции Кандинский также истолковывал как минимум в двух возможных смыслах – символическом и абстрактном.)

Во-вторых, когда различные серии сталкиваются, пересекаются, когда одни и те же ситуации или образы нечаянно оказываются то в одной, то в другой серии, нарушая при этом логическую цепочку повествования. (Плавающие означаемые и означающие в языке пограничного юмора Кандинского.)

В-третьих, когда события взаимнообратимы, то есть без видимой причины могут меняться местами. (В сценической композиции это проявляется в отсутствии четко выраженной драматургической последовательности: завязки, кульминации, развязки, которые все время меняются местами.)

Эти условия смешного видимо являются общими для всех разновидностей смеха 19-20 веков.

В контексте данного исследования следует отметить, что новые способы мысли зачастую подсказывает искусство. Искусствоведческий анализ постмодернистского искусства, предтечей которого является абстракция Кандинского, не будет полным без понимания основных идей мировой эстетики и философии 20 века. Разработка концептуального аппарата, основанного на делезианской оптике, не только дает понимание логики смыслов истории постмодерна, но и позволяет отделить сегодняшние поиски художников от прошлых, выявить новые концептуальные идеи и открытия современного художественного языка в российской действительности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Арнольд Шенберг – Василий Кандинский. Диалог живописи и музыки. – Москва : Пинакотека, 2001.
- [2] Бергсон, А. Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память. – Москва : Мос. клуб, 1992.
- [3] Бергсон, А. Смех. – Москва : Искусство, 1992.
- [4] Делез, Ж. Логика смысла. – Москва : Раритет, 1998.
- [5] Делез, Ж. Эмпиризм и субъективность. – Москва : Пер Сэ, 2001.
- [6] Делез, Ж. Переговоры. – Санкт-Петербург : Наука, 2004.
- [7] Кандинский, В. О духовном в искусстве. – Москва : Архимед, 1992.
- [8] Кандинский, В. Точка и линия на плоскости. – Санкт-Петербург : Азбука, 2001.
- [9] Ницше, Ф. Так говорил Заратустра. – Москва : АСТ, 2015.
- [10] Ницше, Ф. Человеческое, слишком человеческое. – Москва : Э, 2016.
- [11] Синий всадник. – Москва : Изобр. искусство, 1996.
- [12] Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики. – Москва : Юрайт, 2019.

AESTHETIC MOTIVES OF GILLES DELEUZE'S PHILOSOPHY AS THE BASIS OF THEORETICAL TOOL FOR ART CRITICISM RESEARCH OF THE 20TH CENTURY AVANT-GARDE ART

Konkova Elena Yurievna

Senior Lecturer, Russian State University named after. A.N. Kosygin
(Technology. Design. Art) (Moscow)

Abstract. *The article is devoted to the aesthetic interpretation of Gilles Deleuze's philosophical concept of humor. The author attempts to present it as a productive theoretical tool for the art criticism research of the 20th century avant-garde art. As an example, it presents a comparative analysis of the reflections on searching for a new artistic language by Vasily Kandinsky, artists of his circle, Henri Bergson and Gilles Deleuze.*

Key words: *Gilles Deleuze, avant-garde art of the 20th century, humor, laughter, composition, abstraction, interpretation.*

Ссылка на статью:

Конькова, Е. Ю. Эстетические мотивы философии Жюль Делеза как основа теоретического инструментария искусствоведческого исследования авангардного искусства XX века – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 2. – С. 84-91. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/659.html&j_id=60.
